УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

(УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ)

ТОМ XVII ВЫПУСК VII

Ульяновск
1963

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XVII ВЫПУСК VII

Ульяновск
1963

«Надо, чтобы учиться было радостно...».

(Б. Житков).

Е. И. НИКИТИНА
Учительница 1-й школы,
заслуженная учительница школ РСФСР

В ПОИСКАХ НОВОГО

(На материале изучения союзов)

Вот уже несколько лет мы говорим о том, что надо работать по-новому, что все уроки, в том числе и русского языка, должны быть воспитывающими, увлекательными, связанными с жизнью. А между тем из печати нередко выходят «разработки», в которых ничего нового нет. Вот передо мной брошюра «Методика изучения служебных частей речи в средней школе (предлоги и союзы)» Н. А. Лаврова, 1959 года издания, и статья этого же автора «Изучение союзов в IV классе», опубликованная в первом номере журнала «Русский язык в школе» за 1961 год. Сравниваю их, ищу, что же конкретно нового в изучении одной и той же темы.

Каково же мое разочарование: в журнальной статье то же самое, что и в брошюре, те же предложения, которые мы привыкли видеть и в сборниках диктантов, и во всевозможных разработках, и в учебниках, в пособиях по русскому языку для старших классов. Трудно поверить, чтобы урок был воспитывающим и увлекательным, если ученики на нем писали набранные из разных источников предложения, тематически между собой не связанные, вроде тех, что рекомендует Н. А. Лавров: 1) «Чтобы рыб-

ку съесть, надо в воду лезть», 2) «Что бы мне вам рассказать, чтобы вы меня внимательно слушали?» Ведь крепко запоминается то, что ярко, необычно, что производит сильное впечатление. Чем же могут привлечь детское внимание приведенные выше и подобные им предложения?

Что же тут нового? Какая связь с жизнью? Ведь эти предложения писали и разбирали, будучи школьниками, и мы, и наши отцы, и деды!

Нельзя довольствоваться шаблонными «разработками». Надо искать действительно новые формы работы по русскому языку! О своих первых, может быть, не совсем удачных поисках, мне и хочется рассказать.

К чему я стремлюсь?

Все предложения, которые мы пишем или составляем на уроке, должны быть объединены какой-то общей темой. Это позволяет сказать ребятам на уроке что-то интересное и в познавательном отношении, внести какую-то «изюминку», которую можно назвать хорошей эмоциональной зарядкой на целый урок, осуществлять связь обучения с воспитанием и жизнью, постоянно работать над развитием речи.

Когда я готовлюсь к урокам, определяю его тематическое (не только грамматическое) содержание, я обращаюсь к «Законам юных пионеров», «Правилам поведения для школьников», «Пионерским ступеням», к газетам, к литературным произведениям, к событиям школьной жизни. Нередко по моей просьбе и при моей помощи классные руководители организуют именно такие встречи, беседы, экскурсии, которые помогают мне сделать содержательными уроки русского языка. Очень часто использую картины, читаю ребятам наизусть отрывки из произведений великих писателей и поэтов, обращаюсь к занимательной грамматике, «крылатым словам». Все это, по-моему, делает грамматику более живой и понятной детям. Вместе с тем ученики успевают писать на каждом уроке текст в 90—110 слов, то есть почти в объеме диктанта.

Невозможно написать подробно обо всем этом в небольшой статье, поэтому я решила рассказать об уроках только по одной теме — «Союз».

1-й урок. Общее понятие о союзах

Этот урок был 1 апреля. Начало весны. О ней мы говорили и писали. В перемену, до начала урока, на доске были написаны предложения с союзами из стихотворений о весне.

(В предложениях подчеркнуты союзы и главные члены).

1. Черемуха душистая
Развесившись стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

(С. Есенин).

2. Засвищут скоро соловьи
И лес оденется листвою.

3. За рекою в непокое
Вишня расцвела.
Будто снегом за рекою
Стежку замела.

(А. Прокофьев).

4. Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

(Ф. Тютчев).

На материале этих предложений объяснялись все вопросы по данной теме, предусмотренные программой.

Ученики выразительно читали предложения, находили в них союзы, подчеркивали их, вспоминали, что знают о них из IV класса, отмечали, что у них общего с предло-

гами, что такое союз. Разобравшись в том, какая разница между сочинительными и подчинительными, простыми и сложными союзами, учащиеся вспомнили, какие еще есть союзы, кроме тех, что написаны на доске.

«Мы читали прекрасные, простые и яркие предложения о весне, — говорю я ребятам, — давайте и мы составим красочный рассказ о весне по картине одного из старейших советских художников В. Н. Бакшеева «Голубая весна». В рассказе надо употребить союзы: И, А, ИЛИ, ТОЖЕ, КАК БУДТО, ЧТО, ЕСЛИ.

Рассказ наш получился, примерно, таким.

Пришла весна и рассыпала повсюду свои радостные, светлые краски. Небо покрылось лазурью, а от этого все вокруг кажется голубым. Только кое-где видны зеленоватые или сероватые полоски.

Тонкие, прямые деревья белыми стрелками уходят в бесконечную высь, молодые кустики тоже тянутся за ними, как будто хотят догнать их.

Жаль, что деревья еще не надели свой пышный, зеленый наряд. От них упали на землю легкими сиреневыми жилками тени. Можно без конца любоваться их причудливыми узорами, если внимательно в них всматриваться.

Далее ученики находили в рассказе сочинительные и подчинительные союзы.

Так в ходе занятий ребята учатся не только распознавать тот или иной языковый факт, но и сознательно пользоваться им в своей речи.

2-й урок. Союзы, которые пишутся в два слова

На уроках литературного чтения ребята читали и пересказывали главы из «Повести о настоящем человеке», накануне посетили выставку художника Н. Н. Жукова, рассматривали иллюстрации к «Повести». Тематический материал данного урока — произведения Б. Н. Полевого и Н. Н. Жукова.

На доске были написаны союзы: потому что, как будто, как только, лишь только, если бы, так как. Ученики отвечали письменно на мои вопросы, употребляли в предложениях сложные союзы.

1. Вопросы	2. Запись в ученической тетради
1. Почему Мересьев вернулся в строй?	Мересьев вернулся в строй, потому что ему помогли советские люди.
2. Как заботился о нем дед Михайла?	Дед Михайла заботился о нем так, как будто он был ему родным сыном.
3. Как скоро жители деревни принесли продукты для Алексея?	Жители деревни принесли для Алексея продукты, как только увидели его.
4. Как скоро поспешили на помощь Мересьеву его друзья?	Друзья Мересьева поспешили ему на помощь, лишь только узнали о его беде.
5. При каких условиях Алексей не узнал бы о подвиге Карповича?	Алексей не узнал бы о подвиге Карповича, если бы комиссар Воробьев не рассказал ему об этом.
6. Почему Мересьев научился хорошо ходить на протезах?	Мересьев научился хорошо ходить на протезах, так как много и настойчиво тренировался.

Делаем вывод: чаще всего в речи употребляются союзы «потому что», «так как», «как будто»; надо особенно твердо запомнить, что они пишутся в два слова.

Ученики самостоятельно составляли предложения с ними на тему «Иллюстрации Н. Н. Жукова к «Повести о настоящем человеке».

Вот какие предложения появились в тетради ученика Толи Зубова.

1. Я долго смотрел на Мересьева, потому что он мой любимый герой.

2. Серёнька и Федька насторожились, как будто они стояли на посту.

3. Профессор старался скрыть свое горе, так как ему надо было заботиться обо всех раненых.

3-й урок. Союз «ЧТОБЫ»

На уроке литературного чтения, беседуя с ребятами по биографии А. И. Безыменского, я поняла, что у них очень смутное представление об истории комсомола, хотя пионеры II ступени обязаны ее знать. Я поподробнее рассказала о III съезде РКСМ, а на урок русского языка принесла картину Иогансона и других художников «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола». Пояснила ее.

Картина очень хорошо передает обстановку тех суровых лет. Съезд собрался в доме, который совсем недавно принадлежал одному богачу, а теперь — народу. Видим в нем и остатки прежней роскоши: пианино, тяжелые бархатные занавеси, портьеры, ковры, мягкие стулья, с фигурными ножками, золоченые кресла, а рядом — простые деревянные скамейки. На стенах — портреты Маркса и Энгельса, плакаты: «Что ты сделал для фронта?», «Смело мы в бой пойдем...».

Трудно тогда было. Не хватало топлива. Помещение не отапливалось. Все одеты. А одежда-то какая пестрая! Участник съезда поэт Безыменский вспоминает, что большая часть делегатов прибыла прямо с фронта или готовилась для отправки на фронт. Все бы должны были быть в одинаковой военной форме. А тут? На ком худые, латанные и перелатанные солдатские шинели, черные кожанки. На ком френчи или полуфренчи то с непомерно длинными, то с непомерно короткими рукавами. Кое-кто из парней — в женской кацавейке, кто — в казацких красных шароварах, кто — в матросском засаленном бушлате.

Но у всех на лицах — глубокое внимание. Делегаты заранее знали, что будет выступать Ленин. Поэтому они все старались быть как можно ближе к сцене. И на сцене было полно народу. Безыменский вспоминает: «Время от времени кто-то настойчиво требовал очистить сцену и перейти в зал, но все делали вид, что ничего не слышат».

Теперь я буду задавать вам вопросы по содержанию этой картины, а вы отвечайте на них, употребляя союз «чтобы».

Вопросы	Ответы
1. Для чего здесь собрались комсомольцы?	Комсомольцы собрались здесь для того, чтобы послушать В. И. Ленина.
2. Для чего все они старались быть как можно ближе к сцене?	Все старались быть как можно ближе к сцене, чтобы не проронить ни одного слова вождя.
3. К чему призывал В. И. Ленин молодежь?	В. И. Ленин призывал молодежь к тому, чтобы она овладевала знаниями.

Теперь послушайте предложения. В них нужно заменить слово О ЧЕМ словами ЧТО БЫ.

1. О чем бы В. И. Ленин ни говорил, все горячо волновало комсомольцев.	Что бы ни говорил В. И. Ленин, все горячо волновало комсомольцев.
2. О чем бы ни спрашивали делегаты съезда вождя, он все им подробно объяснял.	Что бы ни спросили комсомольцы у Ленина, все он объяснял.
3. О чем бы вы хотели еще спросить меня по этой картине?	Что бы вы хотели еще узнать об этой картине?

Ученики спрашивают, когда, кто написал картину. Я отвечаю. Разбираем, как различать ЧТОБЫ, ЧТО БЫ.

Я рассказала ученикам о комсомольце Мише Хайретдинове, инструментальщике завода «Контактор», который является нашим шефом и в цехах которого наши старшеклассники проходят производственную практику. Из моего рассказа ученики выбирали, запоминали, а потом писали предложения со словами «чтобы», «что бы».

Рассказ о комсомольце

Ученица X класса Лена Жмырева решила написать очерк о Мише Хайретдинове, поэтому я с ним тоже познакомилась (я преподаю литературу в X классе). Вместе с Леной мы подошли к Хайретдинову и попросили

его рассказать о себе. Рабочий смутился и сказал, что ничего особенного в нем нет. Тогда мы обратились к его товарищам: «Что бы вы могли сказать о Мише?» «Он очень хорошо работает, — ответили они. — Два дня назад он отказался от отдыха, чтобы выполнить срочный ответственный заказ». Миша недавно вернулся из Морского флота, где очень полюбил море. И теперь он мечтает поступить в мореходное училище. Поэтому учится в вечерней школе, серьезно занимается математикой, чтобы впоследствии стать хорошим военно-морским инженером. Миша самостоятельно изучает английский и немецкий языки, чтобы разговаривать с иностранными моряками. Когда мы беседовали с ним второй раз, он не смущался так, как в нашу первую встречу, много рассказывал о своей жизни и спросил меня: «Чтобы вы посоветовали мне почитать о море?».

«Как бы вы ответили на этот вопрос Миши?» — спрашиваю я ребят. Они называют прочитанные ими книги о моряках и море. Мой очень простой рассказ о человеке, который рядом с нами живет, работает, учится, ребята слушали с большим интересом, запомнили все нужные предложения, правильно их написали, а Мишу пригласили к себе в гости.

В заключение урока ученики письменно ответили на вопрос: «Для чего ты учишься?» Примечательно, что почти все мальчики написали один и тот же ответ: Я учусь для того, чтобы стать космонавтом.

4-й урок. Союз «ТАКЖЕ»

«Мы готовимся ко дню рождения В. И. Ленина». Такой темой были объединены все предложения, которые составляли и писали ученики.

В дни подготовки к ленинским дням десятиклассниками, членами литературно-искусствоведческого кружка, в шестых классах были проведены беседы: «Образ В. И. Ленина в живописи» и «Музыка в семье Ульяновых». Бывший директор музея В. И. Ленина, учительница-пенсионерка О. В. Стеженская рассказала ребятам о детских годах вождя, пионерский отряд провел экскурсию по ленинским местам нашего города — родины Ильича.

Поэтому начало нашего урока — беседа: как школа готовится ко дню рождения В. И. Ленина, нашему самому большому традиционному празднику. В результате беседы на доске и в тетрадях учеников появились предложения:

1. Мы побывали во всех ленинских местах города, VI «Б» класс также провел такую экскурсию. 2. Ольга Валерьяновна рассказала нам о детских годах Владимира Ильича, семиклассники также с интересом прослушали эту беседу.

«Какие выводы из этой беседы сделали вы для себя?» — спрашиваю я учеников.

Ответ на мой вопрос — еще два предложения, необходимых нам для разбора.

1. «Клянемся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил».
(С. Михалков).

2. Относиться к товарищам надо так же внимательно, как относился Володя УЛЬЯНОВ.

На материале этих предложений было объяснено правописание союза ТАКЖЕ и отличие его от наречия **так** и частицы **же.**

Закрепление проходило следующим образом.

Мы все говорили о том, как школа, класс готовятся к ленинским дням. А что еще делает каждый из вас отдельно?

Оказалось, ребята смотрели фильмы о В. И. Ленине, читали рассказы, воспоминания.

Гале Г. понравились «Рассказы о Ленине». Саше В. понравились «Рассказы о Ленине». Как сказать об этом без повторения слов?

— Гале Г. очень понравились «Рассказы о Ленине», Саша В. также с большим интересом прочитал их.

Затем данные мной предложения ученики изменили, включив в них слова ТАК ЖЕ или ТАКЖЕ.

1. Фильм «Ленин в 1918 году» можно поставить рядом с фильмом «Ленин в Октябре». 2. В. И. Ленин очень любил музыку Бетховена и Чайковского. 3. Превосходные

картины о Ленине написали художники Бродский, Иогансон, Жуков, Васильев, Серов.

Запись в ученических тетрадях:

1. Фильм «Ленин в 1918 году» так же прекрасен, как и «Ленин в Октябре». 2. Владимир Ильич любил музыку Чайковского так же, как и Бетховена. 3. Превосходные картины о Ленине написали Бродский, Иогансон, Жуков, Васильев, а также Серов.

«Какие самые почетные премии в нашей стране?» — Ленинские.

Не помните, кто из поэтов выдвинут на Ленинскую премию в этом году? — Твардовский, Прокофьев.

Показываю книги их «За далью даль» и «Приглашение к путешествию». Предлагаю составить и написать предложения со словами ТАКЖЕ и ТАК ЖЕ, КАК.

«Поэма Твардовского издана так же скромно и красиво, как и стихи Прокофьева. Послушайте два стихотворения Прокофьева».

Читаю наизусть

«Вишню»

За рекою в непокое
Вишня расцвела.
Будто стежку за рекою
Снегом замела.
Будто белые метели
Мчались во весь дух,
Будто лебеди летели,
Обронили пух.

«Закат»

Да, такого неба не бывало,
Чтоб с полнеба сразу стало алым,
Чтоб заката лента обвивала
Облака, грозящие обвалом.
Вот отсюда и пошло:
в лугу,
Розовый стожар стоит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса...
Это продолжалось полчаса.

Стихотворения были очень горячо встречены ребятами. Они даже попросили их еще раз прочитать.

Оба стихотворения очень образны. Выразите эту же мысль предложением со словами «так же, как», напишите его.

Стихотворение Прокофьева «Вишня» написано так же образно, как и «Закат».

5-й урок. Союзы ТОЖЕ, ЗАТО

Ребята научились отличать союзы от других частей речи, у них выработался некоторый навык. Поэтому данный урок я провела так.

Принесла в класс картину Б. В. Иогансона «Допрос коммунистов», немного рассказала о ней. Потом ученики писали «диктант по картине» (не знаю, как назвать по-другому эту форму работы), подчеркивали слова ТОЖЕ, ТО ЖЕ, ЗАТО, ЗА ТО.

«Сколько гордой силы в коммунистах! Матрос, заложив руки за спину, широко расставив ноги, стоит так твердо, что никто его не может сдвинуть с места. Девушка тоже собрала всю волю, чтобы выдержать любые пытки. В ее прищуренных глазах — то же чувство, что и в смелом взгляде матроса, — ненависть к врагам.

Презрение вызывают белые офицеры. Начальник штаба брезгливо держит отобранную у партизан записку. Ему неприятно и в то же время необходимо ее читать.

Генерал сначала притворялся добрым стариком, обещал партизанам свободу за то, что они выдадут товарищей. Но, услышав резкий ответ, рассвирепел, его рука потянулась к нагану. Офицер в черкеске тоже готов пустить в ход стэк.

Враги чувствуют свое бессилие, зато коммунисты уверены в победе».

Написав диктант, ученики разобрали подчеркнутые слова, объяснили, какие это части речи, указали на различия местоимений и союзов.

Кроме разобранных слов, в диктанте много других трудных орфограмм. Поэтому всю работу я проверила дома, оценки за нее выставила в журнал.

6-й урок. Контрольный диктант «Юные фотографы» (Сборник диктантов под ред. Г. П. Фирсова и И. Г. Харченко, стр. 204, 1958 г.).

Так я проводила уроки по теме «Союз».

Предвижу много вопросов и возражений. Где же опрос? Работа с учебниками? С отстающими? Не заслоняют ли интересные, воспитывающие моменты урока грамматического материала? Не рассеивается ли внимание учеников?

На всех моих уроках по правописанию союзов, как и на многих других, присутствовали студенты и преподаватели пединститута, учителя других школ города. При обсуждении их поднимались вопросы, о которых сказано выше.

Вот как я на них ответила:

1) Опрос веду в течение всего урока, главным образом при закреплении (ведь мы должны учить на уроке, не перегружать детей домашними заданиями!). Учеников, которым нужно поставить оценку, намечаю заранее. 2) Работу с учебником провожу действительно редко, ниже скажу, почему. 3) С отстающими занимаюсь ежедневно и почти за каждый урок ставлю им оценки. Все они (в двух классах их 6 человек) приходят в школу за 25 минут до звонка. Я в их присутствии проверяю домашние работы, разбираю ошибки, нередко даю им индивидуальные задания по карточкам. Ответом на последние два вопроса могут быть результаты контрольного диктанта, который проводился без какой-либо специальной подготовки к нему: в VI «А» классе пятерок — 10, четверок — 17, троек — 8, двоек — нет; в другом классе примерно такие же оценки.

О многих формах и приемах работы я не рассказала, так как ограничила себя одной, небольшой темой, рассчитанной только на шесть часов. Но характер моих поисков нового, думаю, понятен. Не знаю, на правильном ли пути я стою, но мне очень радостно слышать от родителей, что ученики уроки русского языка не считают скучными.

Я пришла к выводу, что необходимо в корне менять учебники грамматики, упростить в них разъяснение и формулировку правил, включить в упражнения как можно больше связных текстов, интересных в познава-

тельном отношении и доступных для понимания детей. Современный учебник грамматики этому важнейшему дидактическому требованию не отвечает. Например, в упражнении № 608 есть предложение: «Морозка разворошил давнишнюю слежавшуюся пыль воспоминаний и обнаружил, что это совсем (не) веселый, а очень безрадостный, проклятый груз». Может ли оно заинтересовать шестиклассников, не читавших «Разгрома»? Они его просто не понимают. А ведь таких непонятных для детей предложений в учебнике очень много. Поэтому ученики привыкают не придавать значения смысловой стороне языка. Так рождается формализм. Этим объясняется какая-то особенная устойчивость ошибок на те правила, которые требуют большого внимания к смыслу написанного (например, частицы **не** и **ни**).

Можно же найти и предложения и целые отрывки, насыщенные нужными орфограммами, и в тех произведениях, которые включены в программу, в рекомендательные списки для внеклассного чтения и которые дети любят. Несомненно, в учебнике должно быть как можно больше творческих работ и статей, рассказывающих о нашей чудесной действительности.

В. К. ИВАНЕНКО
Кандидат педагогических наук

КАРТОЧКИ КАК СРЕДСТВО НАГЛЯДНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Применение карточек для уплотненного опроса на уроках осуждено методикой и учительством. Известно, что при уплотненном опросе отдельные ученики, выполняющие задания учителя, выключаются из общей работы класса. Кроме того, рассеивается внимание школьников, так как при этом большинству детей даются случайные задания.

В школах карточки широко используются в качестве индивидуальных заданий некоторым ученикам. Однако карточки можно применять и как средство наглядности на уроках русского языка. Для этой цели все содержание карточки (или двух карточек) воспроизводится на доске одним или двумя учащимися. В это время учитель занимает класс другой работой.

Расскажем, как можно при работе с карточками избежать ошибок дидактического характера. Чтобы внимание ребят не рассеивалось в то время, когда двое учеников выполняют определенное задание у доски, учитель должен применять такие методические приемы, которые способствовали бы и воспитанию внимания, и развитию логического мышления. Такими приемами могут быть выборочная проверка выполненных дома упражнений, выборочный диктант, словарный диктант или объяснительный диктант.

Готовясь к уроку, учитель составляет одну-две карточки. В них он включает такие примеры, наблюдение над которыми может помочь учащимся подготовиться

к восприятию нового понятия, определения, правила. При этом, определяя характер задания для карточек, учитываем необходимость повторить то или иное правило или раздел программы. Вызванные ученики, выполняя предложенное задание, переносят содержание карточек на доску. К проверке их работы привлекается весь класс. Путем беседы анализируется записанное на доске. Это позволяет не только повторить определенные правила, но и подготовить учащихся к усвоению нового.

Например, нами были использованы следующие карточки на уроке по теме «Общее понятие о словах, грамматически не связанных с членами предложения».

Карточка № 1

Переписать, расставляя пропущенные знаки препинания.

Все богачи скряги (А. М. Горький). Всюду вверху и внизу пели жаворонки (А. П. Чехов). И кочи и моховые болота и пни все хорошо под сиянием лунным (Н. А. Некрасов).

Карточка № 2

Переписать, вставляя пропущенные буквы и раскрывая скобки. Главные члены предложения подчеркнуть.

Учись, брат, бар... еры брать. (К. Симонов). Вы, кажется, недовольны чем(то). (М. Ю. Лермонтов).

Да, были люди в наш... время (М. Ю. Лермонтов). Нет, (ни)когда я зависти (не)знал (М. Ю. Лермонтов). Эй, садись ко мне, друж... к (Н. А. Некрасов).

Анализируя примеры первой карточки, учащиеся повторяют изученные правила пунктуации: постановка тире между подлежащими и сказуемыми при отсутствии между ними глагола-связки, знаки препинания при наличии обобщающих слов в предложении.

Предложения, включенные во вторую карточку, дали возможность остановить внимание всех учащихся на некоторых правилах орфографии: на употреблении разделительного Ь и на правописании частиц — ТО, НЕ и НИ. Эти же примеры, записанные учениками на доске, были

использованы как средство наглядности для первоначального сообщения о словах, грамматически не связанных с членами предложения.

Приведем еще один пример применения карточек с целью оснащения урока наглядностью, укажем, как можно активизировать мысль детей при проверке письменных упражнений, выполненных дома.

В то время, как выполняется двумя учениками работа по карточкам, с классом проверяется упражнение 431, в котором требуется распространить обращения и расставить знаки препинания[1]. Чтобы активизировать мысль ребят и привлечь всех к проверке, а тем самым и занять их так, чтобы работающие у доски не привлекали к себе внимания, учитель организует проверку таким образом. Вначале предлагается подчеркнуть обращения в предложениях. Затем требуется прочитать те предложения, в которых обращение стоит в начале предложения; потом те примеры, в которых обращение стоит в середине предложения.

К окончанию этой проверки учащийся, выполнявший задание по карточке № 1 (Переписать, вставляя пропущенные буквы и знаки препинания), приготовился к тому, чтобы класс проверил его работу.

1) Мой друг, не плачь перед разлукой! (М. Ю. Лермонтов). 2) Держись, мой мальчик (К. Симонов). 3) Куда ты, светлый ручеек, стремишься? (А. Фет). 4) Спорт, несомненно, укрепляет здоровье человека.

Проверяя, правильно ли вставлены пропущенные буквы и расставлены знаки препинания, дети повторяют употребление буквы Ь в глагольных формах и знаки препинания в конце предложения и при наличии обращений в нем.

Затем проверяется работа второго ученика, который должен был переписать данные предложения, вставляя пропущенные буквы и раскрывая скобки.

1) По-видимому, мальчик никого не боялся (А. П. Чехов). 2) По мнению доктора, больной через неделю будет здоров. 3) К счастью, станция была недалеко (А. С. Пушкин). 4) Летчик должен обладать, во-пер-

---

[1] С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков, Учебник русского языка, ч. II, М., 1962.

вых, хорошим здоровьем, во-вторых, острым зрением, в-третьих, сообразительностью.

К объяснению подчеркнутых орфограмм привлекаются все учащиеся, а затем учитель требует найти на доске вопросительное предложение и прочитать его. Прочитанное предложение стирается, учащиеся находят и читают предложение восклицательное, а затем предложение с распространенным обращением. На доске остаются только те предложения, в которых имеются вводные слова. Эти примеры учитель и использует для наблюдения по новой теме: «Вводные слова и знаки препинания при них».

Включение карточек в урок путем воспроизведения их содержания на доске дает возможность объяснить материал по способу индукции (наблюдение, разбор примеров, вывод). Это повышает активность учащихся на уроках русского языка, заметно экономит время. Кроме того, учащиеся стараются аккуратно, более четко писать на доске.

В. АМОСОВА
Старший преподаватель

СЛОВАРНАЯ РАБОТА ПО ПРЕДМЕТАМ — ОСНОВА ЕДИНОГО РЕЧЕВОГО РЕЖИМА В ШКОЛЕ

В новой Программе КПСС — великом документе нашего времени — указывается, что «переход к коммунизму предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и к умственному труду, к активной деятельности в различных областях науки и культуры».

Перед работниками культурного фронта, в том числе перед советским учительством, стоит ответственная и почетная задача: быть помощником партии и государства в деле воспитания активных строителей коммунизма, в деле дальнейшего развития социалистической культуры.

Одним из основных факторов культуры является язык. Как важнейшее средство общения, он способствует развитию всех сторон жизни общества. И чем совершеннее и выше организация общественной жизни, чем полнее и богаче духовная культура людей, тем острее ощущается необходимость совершенствования речи, ибо культура речи — это основа общей культуры человека.

Человек завтрашнего дня — это гармоническая, всесторонне развитая личность; в нем — по словам А. П. Чехова — «все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», а значит и речь, богатая по словарю, точная, грамматически правильная, стилистически гибкая, выразительная и красивая.

Таким образом, сама жизнь, высокое дело строительства коммунизма требуют, чтобы школа вооружила учащихся глубоким знанием основ науки о русском языке, научила школьников правильно пользоваться литературным языком, что поможет им быстрее приобщиться к знаниям, культуре и идти вперед в своем развитии.

Однако средняя школа еще недостаточно борется за повышение культуры речи учащихся. Эту работу, как правило, ведут учителя русского языка: они проводят дополнительные занятия с учащимися, исправляют ошибки в их устной и письменной речи, борются за осуществление орфографического и орфоэпического режима; учителя же других дисциплин зачастую не обращают внимание на устную речь детей, не исправляют ошибки в их письменных работах и тем самым снижают эффективность работы учителя-словесника.

Как известно, за последнее время широко практикуется письменный опрос по различным предметам: по географии, истории, зоологии и др. Как средство контроля, это очень хороший, экономный прием, дающий возможность в течение одного урока проверить знания всего класса. Но, к сожалению, проверка этих письменных работ по предметам проводится в большинстве случаев неудовлетворительно. Учитель, как правило, следит за содержанием ответа и не обращает внимания на форму изложения: не подчеркивает орфографические и пунктуационные ошибки и тем более словарные и лексико-грамматические, полагая, что исправлять ошибки — это не его дело, а обязанность учителя русского языка. Исходя из таких, в корне неверных соображений, учителя-предметники оценивают письменные работы учащихся, содержащие 8—10 орфографических ошибок и 3—4 стилистических, баллом 5—4.

Не лучше обстоит дело и с выполнением требований единого орфоэпического режима. Устные ответы учащихся по предметам оцениваются также только со стороны содержания, словесное же оформление выступлений школьников очень часто остается вне поля зрения учителя. Математики, географы, химики в большинстве случаев не заботятся о привитии орфографических и орфоэпических навыков при знакомстве с предметной терминологической лексикой. Результаты предметных диктантов, проведенных в октябре этого года в одной из

школ г. Ульяновска, красноречивее слов говорят о том, что орфографическая работа на предметных уроках не проводится. Так, из 38 учеников 5 класса 22 допустили ошибки в слове «единица», 20 человек — в слове «смешанное», 25 человек — в слове «периметр», 37 человек — в слове «параллельный» и т. д. Такие же, примерно, результаты и в 10 классе, где был дан словарный диктант по химии: из 18 человек 17 человек не умеют правильно писать слово «дистиллированная»; 12 человек сделали ошибку в слове «коррозия» и «электрификация»; 10 человек — в слове «алюминий» и т. д. Все эти факты говорят о том, что на предметных уроках не используются или недостаточно используются реальные возможности для повышения культуры устной и письменной речи учащихся. Между тем один учитель-словесник не сможет добиться нужных результатов.

В приказе Министерства просвещения РСФСР от 20 сентября 1961 г. «О мерах повышения уровня знаний и навыков учащихся по русскому языку» указывается, что на достижение высокой грамотности и культуры речи должны быть направлены усилия всего педагогического коллектива; причины же низкой успеваемости по русскому языку, низкой культуры речи надо искать не только на уроках русского языка.

Конечно, забота о повышении речевой культуры школьников лежит прежде всего на учителях-словесниках. В этом отношении русский язык как учебный предмет занимает центральное место. Однако при всем своем значении для развития речи русский язык не единственный источник ее обогащения.

Каждый учебный предмет в определенном направлении уточняет и обогащает представление учащихся и вносит свой вклад в общую культуру их речи. На предметных уроках происходит не только закрепление языкового материала, полученного на уроках русского языка, но и пополнение словаря школьников специальной предметной лексикой[1].

На уроках истории, например, учащиеся обогащают свой лексикон словами и выражениями, в которых дается

[1] См. об этом подробнее в кн. Н. Ф. Титовой. «Культура речи в начальном обучении», АПН РСФСР, М., 1960. Примеры пополнения словаря школьников предметной лексикой на уроках истории и математики цитируются в основном по той же книге.

оценка качествам, поступкам людей, их трудовой деятельности, взаимоотношениям, а также характеру отношений людей к производству, оценка их роли и места в общественной жизни. Приведем примеры таких слов и выражений: борец за свободу и независимость; встать грудью; покрыть славой; героическое сопротивление; свято чтить память; работать дружно; отстаивать свои интересы, бороться в одиночку, сообща; доблестный труд; угнетатель; освободитель; частная собственность; социалистическая собственность и др. Очень важно на уроках истории обогатить словарь учащихся синонимами, которых так недостает в их речи: атака—приступ—штурм; дань—подать—налог; войско—армия—полчище—орда; забастовка—бунт—восстание. Важно также научить школьников употреблять эти и подобные слова к месту, с учетом их исторической перспективы.

Чрезвычайно велика роль естественных дисциплин для повышения речевой культуры школьников. Естествознание как учебный предмет дает понятие о природе, о взаимосвязях природных явлений и их развитии; оно дает сведения, являющиеся основой для развития логического мышления, материалистического мировоззрения и эстетического воспитания. На уроках ботаники, зоологии лексикон детей пополняется существительными, прилагательными, наречиями, глаголами, обозначающими свойства и признаки явлений природы, родовые и видовые понятия из мира животных, растений и неживой природы. Особенно велика среди них группа слов со значением целого и части. Приведем некоторые примеры слов и выражений, которыми овладевают учащиеся на уроках ботаники и зоологии: среда обитания; световое, химическое раздражение; почкование; возбудитель; функция; нервные волокна; покровная, мышечная ткань; вызвать усиленный рост; отмирают; перезимовывают; всасываются в кровь; раздражения угасают; разрастаются; насекомоядные: крот; рукокрылые; летучие мыши; грызуны: белка, зайцы, суслики, крысы; хищные: семейства кошачьих, псовых, медвежьих, куньих и т. д.

Чрезвычайно богат синонимами географический словарь, связанный с представлениями об охоте, промышленности, судоходстве, сельскохозяйственном труде.

И наконец, очень много для развития логического мышления, дает обобщенно-абстрактный математический

словарь. При решении задач школьники учатся сознательно пользоваться сравнительной степенью прилагательных и наречий (больше, меньше, раньше, быстрее, легче); отвлеченными существительными и наречными формами (путь, скорость, часть, число, величина, форма, целиком, по частям, вместе, поровну, всего); синонимами (собрать—выручить, — получить, приобрести — получить прибыль); такими словосочетаниями, как «требуется узнать», «нам дано», «если..., то предложим, что...», «примем за...», «...в несколько раз», «...на несколько раз» и др.

Таким образом, приобретая знания, учащиеся встречаются с новыми понятиями, с новыми словами и выражениями на уроках по всем предметам. Научить детей понимать значение этих новых слов, свободно пользоваться ими в речи, правильно произносить и писать их — задача каждого учителя-предметника.

Для осуществления этой задачи нужно, чтобы учитель, осознав значение лексики своего предмета для обогащения словаря учащихся, систематически проводил на своих уроках словарную работу. Будучи своеобразной по каждому учебному предмету, эта словарная работа имеет и общие приемы, на которых мы и остановимся[1].

1. При объяснении значения новых слов следует как можно шире практиковать словообразовательный анализ структуры этих слов. Приведем примеры такого анализа[2].

Наблюдения показывают, что учащиеся нередко путают сходно звучащие слова: так вместо «ШЕЛКОМОТАЛЬНЫЕ ФАБРИКИ» — говорят — «ШЕЛКОМОТАТЕЛЬНЫЕ ФАБРИКИ»; вместо «ТРАВОЯДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ» — «ТРАВОЯДЕРНЫЕ ЖИВОТНЫЕ» (должно быть, по аналогии со словом «термоядерные»; которое часто слышат по радио); вместо «ШЕЛКОТКАЦКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ» — «ШЕЛКОТКАНАЯ

---

[1] Материалом по данному вопросу послужили личные наблюдения от посещения уроков, многочисленные беседы с учителями-предметниками, а также освещение этого вопроса в ряде журнальных и газетных статей, в частности в ст. А. Н. Никерова «Из опыта осуществления единого школьного режима грамотного письма и культуры речи», ж. «Русский язык в школе», № 1, 1960, в ст. Н. Н. Китаева «Словарно-орфографическая работа в 5—7 кл.», ж. «Русский язык в школе», № 3, 1957 и др.

[2] Примеры записаны при посещении уроков зоологии в одной из школ г. Ульяновска.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»; вместо «МЛЕКОПИТАЮЩИЕ» — «МЛЕКОПИТАЮЩИЕСЯ» (должно быть, по аналогии со словом «ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ», в котором есть частица «СЯ»).

Этих и подобных ошибок можно легко избежать, если объяснение значения слов сопровождать словообразовательным анализом их структуры. «ШЕЛКОМОТАЛЬНЫМИ» называются такие фабрики, где производится размотка шелковых коконов в нити, следовательно, сложное слово «ШЕЛКОМОТАЛЬНЫЕ» состоит из двух корней: **ШЕЛК**-О-**МОТА**-ЛЬН-ЫЕ; вторая часть этого слова образована от переходного глагола «МОТАТЬ» (что? шелк) с помощью суффикса ЛЬН, который имеет значение «служащий для производства какого-нибудь действия».

Сравним: СУШИ-ТЬ — СУШИ-ЛЬН-ЫЙ (шкаф); КОПИРОВА-ТЬ — КОПИРОВА-ЛЬН-АЯ (бумага); ПОИ-ТЬ — ПОИ-ЛЬН-ЫЙ (аппарат); ДОИ-ЛЬН-ЫЙ (аппарат).

Слова «ТРАВОЯДНЫЕ», «НАСЕКОМОЯДНЫЕ» состоят из двух корней: ТРАВ-О-ЯД-Н-ЫЕ, НАСЕКОМ-О-ЯД-Н-ЫЕ[1], так называют животных, которые — ЕДЯТ ТРАВУ, НАСЕКОМЫХ (корень «ЯД» — видоизмененное «ЕД» — от него — ЕДА — ЕСТЬ).

«ШЕЛКОТКАЦКОЙ» может быть **ПРОМЫШЛЕННОСТЬ**, связанная с тканьем шелка; **ФАБРИКА**, где изготовляют ткань из шелка; «ШЕЛКОТКАЦКИМ» может быть СТАНОК, на котором ткут из шелковых нитей материю. Само же ИЗДЕЛИЕ можно назвать только «ШЕЛКОТКАНЫМ» — ШЕЛК-ТКА-Н-ЫМ, т. е. вытканным из шелка, изготовленным тканьем.

И наконец, млекопитающие — это животные, которые выкармливают, питают молоком детенышей, а сами питаются травой, листьями, значит, вторая часть слова: МЛЕК-О-ПИТА-ЮЩЕЕ — образована от переходного глагола питать (кого? — детенышей молоком), а не от возвратного глагола «питаться», где «СЯ» обозначает «самих себя питать, кормить». Крайне необходим слово-

[1] Слово «Насекомое» — представляет собой словообразовательную кальку лат. insectum (ср. инсект). Животное названо так по «насечкам», отделяющим один членик от другого.

образовательный анализ таких слов, как ПРЕ-ЕМ-НИК, МИР-О-ВОЗ-ЗР-ЕНИ-Е, РАС-ЩЕЛ-ИН-А, ПРЕ-СТОЛ, МЕСТ-Н-ИЧЕСТВ-О и др.

II. Со словообразовательным анализом перекликается этимологический анализ слов-терминов, главным образом терминов иноязычного происхождения. Этимологический анализ предполагает знакомство с происхождением этих слов и с буквальным переводом их составных частей на русский язык. Например: ПЕРИМЕТР — от гр. ПЕРИ — вокруг и МЕТР — мерить; КАНОНАДА — от фр. КАНОН — пушка; ПРЕЗИДЕНТ — лат. ПРЕЗИДЕНС — сидящий впереди; ЛАБОРАТОРИЯ — от лат. ЛАБОР — труд, тория— место; ЭКВИВАЛЕНТ — от лат. «ЭКВИО» — делать равным, «ВАЛЕО» — иметь значение и др.

Нужно заметить, что дети с большим интересом относятся к таким пояснениям и легко их запоминают, если эти объяснения кратки и понятны. Этимологический анализ, как и словообразовательный, способствует не только более глубокому осмыслению значения слов, но и усвоению их орфографии.

III. Очень полезно практиковать составление **предметного** словаря, или словаря-учебника. Эту работу следует проводить систематически в течение всего года.

Каждый раз, наряду с обычным заданием по предмету, учащимся предлагается выписать из той же главы учебника новые слова — термины и дать им объяснение.

При проверке домашнего задания учитель требует объяснить некоторые слова предметного словаря; причем оценка за ответ снижается, если ученик неудовлетворительно выполнил словарную работу. Это заставляет даже самых нелюбознательных школьников обращаться к толковым словарям и энциклопедиям. В качестве предметных словариков можно пользоваться аккуратно вклеенным в конец учебника двойным листом, обрезанным по формату книги.

IV. В приказе Министерства просвещения РСФСР «О единых требованиях к устной и письменной речи учащихся» настоятельно рекомендуется пользоваться настенными таблицами с целью закрепления у школьников навыков правильного произношения и написания терминов и трудных слов.

Дело в том, что в составе предметной лексики имеются слова, при употреблении которых часто нарушаются нормы ударения или орфографические нормы, например: *за́суха, заи́ндеветь, кау́чук, плато́ добы́ча, за́говор, догово́р, ози́мый, орна́мент, плоти́на, ри́млянин, тирани́я, гу́сеница, дворяни́н, пингви́н, серни́стый, си́лос, тайфу́н, у́гольная* (кислота), *импе́рский* и др. Очень хорошо, если списки этих слов будут вывешены в классе в виде небольших таблиц с прорезными кармашками для карточек, которые можно постепенно обновлять и пополнять. Такую таблицу могут сделать сами ребята, они же и будут менять карточки через 1—2 недели по просьбе учителя, по мере знакомства с новыми словами. Но наличие таблиц не исключает систематической работы по привитию и закреплению орфографических и орфоэпических навыков на уроках географии, истории, естествознания, математики и др.

С этой целью следует практиковать различного рода тренировочные упражнения в ходе урока (очень удобно при опросе и закреплении материала) и в качестве домашнего задания. Например, полезны упражнения, в которых предлагается расставить ударения в словах из предметного словаря, руководствуясь, в случаях затруднения, словарем-справочником. При закреплении нового материала и при опросе домашнего задания учитель, показывая отвечающему и всему классу карточки с написанными на них словами, просит правильно произнести эти слова, затем проговорить по слогам, если слова трудны для написания, и в случае необходимости ввести их в предложение и объяснить их смысл. В ряде случаев рекомендуется слова, в произношении которых допускаются ошибки, не только произносить вслух, но и записывать на доске и в тетрадях, выделяя ту часть слова, где возможно отклонение от норм произношения, например: дермаТин (ошибочно вставляется «Н»), эСКалатор, карТон, мАкулатура (от латинского макула — пятно) и др.

V. В работе с трудными в орфографическом отношении словами учителя широко используют прием побуквенного «проговаривания», который рекомендуется психологами и методистами. Прием побуквенного или послогового «проговаривания» позволяет прояснить

в слове все безударные гласные и трудные для написания согласные.

Работа эта строится обычно так. Нужное слово записывается на доске, затем переписывается учениками в тетрадь или словарик и несколько раз проговаривается по слогам вслух всем классом или 2—3 учениками, при этом четко выделяется каждая буква в слове, например: А-ВИ-А-МО-ДЕЛЬ, ДЕЗ-ИН-ФЕК-ЦИ-Я, АС-САМ-БЛЕ-Я, СУ-ВЕ-РЕ-НИ-ТЕТ, КА-НО-НА-ДА и т. д. На последующих уроках эти слова снова проговариваются, а затем 2—3 раза включаются в словарные диктанты или тренировочные упражнения.

Практика показывает, что при правильном проведении рекомендуемый прием дает прекрасные результаты: приводит к устойчивому и прочному усвоению орфографии трудных слов. При всей своей эффективности, послоговое «проговаривание» к тому же очень экономный и несложный по методике проведения прием[1].

VI. Проверку прочности правописных навыков лучше всего проводить в форме словарно-орфографических предметных диктантов[2]. Проводимые периодически, после изучения более или менее крупного раздела, предметные диктанты воспитывают ответственное отношение к словарно-орфографической работе.

Образцы словарных диктантов по различным предметам для 5—10 кл. можно найти в той же ст. А. И. Никерова «Из опыта осуществления единого школьного режима грамотного письма и культуры речи».

Здесь же для примера мы приведем текст словарного диктанта для 6-го класса, построенного на материале одного из разделов физики «Свойства жидкостей».

Словарно-орфографический диктант. Текучесть, расчет, давления, сообщающиеся сосуды, уровень жидкости, горизонтальная поверхность, поршень, понтоны, гидравлический, подъемник, домкрат, керосин, парафин, баллон, трос, резервуар, поплавок, плавучесть (подчеркнуты

[1] Более подробно об этом приеме см. у Н. Н. Китаева «Словарно-орфографическая работа в 5—7 кл.», ж. «Русский язык в школе», № 3, 1957. Кроме того, интерес представляет ст. Л. М. Кадочкина «Роль речевых кинестезий в формировании некоторых орфографических навыков», «Вопросы психологии», № 3, 1955.

[2] Будем так условно называть словарные диктанты, построенные на материале предметной лексики.

орфограммы, которые могут затруднить учащихся и на которые, по нашему мнению, в ходе занятий, при выполнении тренировочных упражнений, следует обратить особое внимание).

Заметим, что при подборе слов и словосочетаний для тренировочных упражнений и словарных диктантов по различным предметам учителю следует, во-первых, избегать узко-специальных терминов и слов, не получивших более или менее широкого распространения, во-вторых, включать слова, представляющие интерес в орфографическом отношении.

VII. И наконец, значительное место в словарной работе по предметам должны занять упражнения и творческие работы, направленные, с одной стороны, на активизацию и уточнение словаря по истории, географии, математике, естествознанию, а с другой стороны, на усвоение и закрепление орфографических и грамматико-стилистических норм современного русского литературного языка. На наш взгляд, эти упражнения должны быть самыми разнообразными по своему характеру. Это могут быть задания, связанные с расширением значений слов, с уточнением и сужением смысла слов; упражнения, способствующие обобщению и конкретизации предметной лексики — накоплению видовых и родовых понятий; работы, направленные на овладение терминологией и словами, необходимыми для описания исторических, и географических, и физико-математических, естественно-химических явлений; и, наконец, это могут быть письменные и устные творческие работы (изложения и сочинения и др.), способствующие развитию связной речи детей, совершенствованию их слога, закреплению орфографических и орфоэпических навыков.

Приведем три-четыре примера таких упражнений на материале предметной лексики.

1-е упражнение. Из слов для вставки выберите нужное для каждого случая наименование и поставьте его вместо точек.

1\. . . . . . — это удобное, защищенное от ветра место у морского берега, приспособленное для причала и стоянки судов.

2\. . . . . . — морской залив небольшого размера.

3\. . . . . . — вдавшаяся в сушу часть океана, моря, озера, реки.

4. . . . . . — это залив, образовавшийся от затопления низовьев реки морской водой и обычно богатый целебными грязями.

5. . . . . . — узкий, глубоко вдавшийся в материк залив со скалистыми крутыми берегами.

Слова для вставки: залив, фиорд, лиман, гавань, бухта. С этими же словами составьте предложения и подчеркните в них непроверяемые гласные.

2-е упражнение. Установите, какое новое значение получили глаголы «стало», «осталось», «получится», «удовлетворять», «составлять», «найти» в составе математического словаря в данных примерах.

1. Любое значение неизвестного **удовлетворяет** каждому из этих уравнений.

2. **Найти** общий наибольший делитель этих чисел.

3. При делении восьми на три **получится** два и два в остатке.

4. Школьники собрали 375 цветочных семян; 125 г они дали соседней школе. Сколько граммов у них **осталось**.

5. На заводе было 3600 рабочих; 3/5 всех рабочих **составляли** мужчины, а остальные — женщины.

6. В фабричном поселке было 138 каменных и 160 шлакоблочных домов. За последние годы построено 147 каменных и 55 шлакоблочных. На сколько больше **стало** каменных домов, чем шлакоблочных?

3-е упражнение. Какими близкими по смыслу словами (синонимами) можно назвать:

1. Жилище в разных областях нашей страны;

2. Населенные пункты у разных народов нашей страны;

3. Углубление в земле, ложе, по которому течет водный поток;

4. Место, где начинается гора;

5. Болотистое место, где можно увязнуть.

4-е упражнение (для 5-го класса). Составьте небольшой рассказик на тему «В горах», употребляя такие слова и словосочетания: пропасть, труднодоступные, подошва горы, отвесные скалы, перевалы, пастбище, разреженный воздух, раздвинувшийся горизонт, опасный

подъем, очаровательные дали, альпинисты. Обратите внимание на правописание подчеркнутых орфограмм.

5-е упражнение. Составьте предложения с данными словосочетаниями. Обратите внимание на характер связи между словами в данных словосочетаниях.

1. Вера (во что?) в силы народа . . . . .
2. Уверенность (в чем?) в победе сил мира . . . . .
3. Ориентироваться (в чем?) в лесу . . . . .
4. Ориентироваться (но чем?) на местности . . . . .
5. Электрифицировать (что?) сельское хозяйство . . .
6. Согласно (с чем?) с законом физики . . . . .
7. Экспортировать (что?) станки, машины . . . . .
8. Тормозить (что?) развитие . . . . . .
9. Удовлетворять (чему?) уравнению . . . . .
10. Сотрудничество (с кем?) со странами мира . . . .
11. Приспособиться (к чему?) к климату . . . . .

Наблюдения показывают, что словарную работу на материале предметной лексики более или менее удовлетворительно проводят учителя начальных классов. Держа в одних руках все нити обучения и воспитания, учитель 1—4 классов имеет богатые возможности для взаимосвязей лексики различных предметов. Так, упражнения, выполненные на уроках русского языка, он может использовать как материал для работы над речью на уроках истории, естествознания, географии, и, наоборот, задания, построенные на материале предметной лексики, имеет возможность связать с орфографией и грамматикой.

Учителя, осуществляющие цикловое преподавание, так же не лишены вовсе этих возможностей. Однако, к сожалению, взаимосвязи различных учебных предметов используются в учебном процессе очень слабо, словарная работа на предметных уроках во многих школах не проводится, в лучшем случае она сводится к записи на доске нового слова-термина, сопровождаемой короткими замечаниями относительно значения слова. (И только значения, и очень редко написания и произношения, и почти никогда сферы употребления!). А между тем, умелое использование межпредметных связей и хорошо поставленная словарная работа на уроках по всем учебным предметам не только обеспечивают целостное воздействие на развитие личности учащихся, всесторонне

обогащают его представления и повышают культуру речи, но и способствуют хорошему, прочному усвоению материала по предмету. Прекрасным образцом в этом отношении являются уроки географии учительницы пятой липецкой школы Галины Афанасьевны Алексашкиной[1].

В чем же причины слабой постановки словарной работы на предметных уроках? Беда, пожалуй, не в том, что у нас до сих пор нет пособий и сборников, где бы учитель-предметник мог найти хорошие, творческие задания, упражнения по развитию речи на материале предметной лексики, рекомендации относительно приемов, видов словарно-орфографической работы на уроках истории, географии, зоологии, физики и др.; беда, пожалуй, и не в том, что у нас до сих пор Министерством не определен для усвоения правописания и произношения минимум слов и терминов из предметных словарей, (А как хорошо бы в виде приложений к учебникам географии, истории, химии и физики и др. иметь предметные словарики).

Причина же неудовлетворительной работы над словами на уроках по разным учебным предметам, на наш взгляд, в том, что учителя-предметники на деле не ответственны за степень усвоения учащимися слов и терминов предметного словаря, за прочность навыков правильного написания, произношения и употребления в живой речи предметной лексики. Причина еще и в том, что многие учителя-предметники в должной мере не осознали особенностей лексики своего предмета и ее значения для обогащения представлений и словаря детей, для развития и повышения их общей речевой культуры; а потому не используют реальных возможностей отдельных учебных предметов для развития и совершенствования речи учащихся и тяжелый груз словарной работы стараются переложить на плечи учителя-словесника. Однако один учитель-словесник, как бы горячо он того ни желал и как бы много он ни работал над речью учащихся, все-таки не сможет объять необъятное. Только систематическая, плановая словарная работа по всем предметам — одна из основ единого речевого режима в школе — может дать хорошие результаты.

---

[1] См. в «Учительской газете» от 8 февраля 1962 г., ст. «Письма из Липецка» (Поэма о море).

Г. И. СУВОРОВА
Ассистент

ВОПРОС О ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В журнале «Русский язык в школе», в сборниках «В помощь учителю», выпускаемых в различных городах нашей страны, в отдельных изданиях Учпедгиза, АПН РСФСР поднимаются разнообразные вопросы, касающиеся методики преподавания русского языка: развитие речи учащихся, их самостоятельная работа на уроке, активизация учащихся при обучении орфографии и т. д. Постановка этих вопросов свидетельствует о стремлении учителей-словесников улучшить подготовку школьников по русскому языку, воспитать «культурных, грамотных людей, хорошо владеющих русским литературным языком»[1].

Большую помощь в решении этой задачи оказывают учителю внеклассные занятия по русскому языку, которые занимают значительное место в методической литературе. По содержанию работы, посвященные данному вопросу, разнообразны: в них найдем описание кружковых занятий, массовых мероприятий, фактический материал и т. д. Использование этой литературы в практической деятельности поможет учителю правильно поставить внеклассную работу по русскому языку в школе.

В своей статье мы останавливаемся на некоторых работах по данному вопросу, опубликованных в последние годы (начиная с 1950 г.), которые наиболее интерес-

---

[1] Программа восьмилетней школы. Русский язык и литература. Учпедгиз, 1962, стр. 5.

ны по содержанию и могут оказать конкретную помощь учителю в организации внеклассных занятий по русскому языку.

Большой интерес для учителя представляет статья **А. С. Ягодинского** «Ученические кружки по русскому языку»[1], в которой говорится о задачах кружка русского языка, примерной его программе, организации и методике работы в кружке. А. С. Ягодинский подчеркивает, что «ученический кружок должен возбудить интерес к речевым явлениям и поддержать свойственную школьнику пытливость ума...

Кружок должен явиться дополнительным средством преодоления формализма в знаниях ученика по русскому языку... Кружок, несомненно, привьет ученику любовь к великому, могучему, свободному и правдивому русскому языку и к его творцу и носителю — великому русскому народу»[2].

В предлагаемой им программе кружка затронуто много полезных и интересных вопросов по лексике, фонетике, морфологии и т. д.

Например.

Лексика

1. Прямое и переносное значение слов.
2. Расширение и сужение объема значения слова, перенос названия по функции предмета (даны доступные для анализа примеры: красные чернила, голубое белье, стрелять из ружья и т. д.).
3. Идиомы русского языка и их образование и т. д.

Фонетика

1. Звуковые изменения русского литературного языка, связанные с положением звука в слове.
2. Правила русского литературного произношения, основанные на преодолении диалектных черт в языке окружающего населения.
3. Орфоэпические пороки в речи учащихся и т. д.

Последние две темы очень важны для учащихся, т. к. в них уделяется большое внимание умению правильно

---

[1] А. С. Ягодинский, Ученические кружки по русскому языку, «Русский язык в школе», 1950, № 2.

[2] Там же, стр. 47.

говорить с точки зрения норм литературного произношения. Изучение же опыта школ различных городов нашей страны показывает, что, к сожалению, такие вопросы почти не включаются в план работы кружка.

Из грамматических тем А. С. Ягодинский выделяет следующие: лексическое и грамматическое значение слов; историческое изменение системы склонения в русском языке; происхождение звука «Н» в словах «в него», «внимание», «внушение» и др.; значения падежей и т. д. Все темы интересны, т. к. они расширяют знания учащихся по данному разделу грамматики, вызывают стремление к более глубокому изучению родного языка.

Хотя тематика, предложенная А. С. Ягодинским по различным разделам курса русского языка, ориентировочна, она поможет учителю выбрать основное направление в работе с учащимися на внеклассных занятиях.

Мы согласны с мнением автора статьи о том, что большую пользу учащимся принесет работа, связанная с анализом языка изучаемых литературных произведений: она способствует расширению словаря учащихся, повышает культуру их речи. К сожалению, этот вид работы на внеклассных занятиях почти отсутствует.

А. С. Ягодинский дает также ряд методических указаний: в каких классах создаются кружки, каковы формы работы кружков. При этом он подчеркивает, что «обязательным условием продуктивной работы кружка является добровольность членства»[1] и что в кружок должны входить только те ученики, которые действительно интересуются русским языком.

Вызывает возражение замечание автора, что вступление в кружок следует обусловить «или наличием отличных отметок по русскому языку, или даже успешной сдачей какого-либо экзамена по русскому языку»[2]. Мы считаем, что желание изучить родной язык всесторонне, глубоко — вот единственное условие, при котором тот или иной ученик может быть членом кружка, независимо от его оценки по данному предмету.

Ряд полезных методических указаний учитель найдет

---

[1] А. С. Ягодинский, Ученические кружки по русскому языку, «Русский язык в школе», № 2, 1950, стр. 49.

[2] Там же.

в статье **Т. А. Ладыженской** «Из опыта работы кружка по русскому языку в 5 классе»[1].

Автор не дает рекомендаций по организации кружка вообще, как, например, А. С. Ягодинский, но, опираясь на свой опыт, показывает конкретную методику работы ученического кружка 5 класса, в связи с этим останавливается на различных приемах и видах работы, а также описывает некоторые занятия (основные положения статьи применимы и в 6—8 классах).

Очень богатый материал по развитию речи дается в работе **М. А. Грызловой** «Внеклассная работа по русскому языку»[2].

Автор предлагает ряд интересных упражнений и речевых игр для работы над синонимами:

1. О каких предметах можно сказать: а) построен, сооружен, воздвигнут; б) дать, преподнести, вручить? (Например: а) дом построен; Дворец культуры сооружен; памятник воздвигнут; б) можно дать карандаш, преподнести цветы, вручить письмо).

2. Учащиеся получают карточки с написанными словами-синонимами. Требуется расположить данные синонимы в порядке убывающего признака. Выигрывает тот, кто раньше кончил. Неправильно заполнивший карточку получает вторичное задание:

а) способный, талантливый, одаренный, гениальный; б) хвалить, прославлять, одобрять; в) огромный, большой, значительный, исполинский и т. д.

3. Выбрать слово, наиболее подходящее в данном предложении.

а) Ребята все (информированы, извещены) о начале экскурсии.

б) Пионеры думали, как (организовать, наладить) наш досуг.

в) С огромным интересом ребята (смотрели, глядели, воспринимали) спектакль школьного самодеятельного коллектива.

Такие упражнения и игры показывают, насколько наш

---

[1] Т. А. Ладыженская, Из опыта работы кружка по русскому языку в V классе. Сб. «Развитие речи учащихся», под ред. Н. А. Бублеевой, изд. АПН, 1959.

[2] М. А. Грызлова, Внеклассная работа по русскому языку, Учпедгиз, 1960. Этот материал может быть использован и на уроках русского языка и литературы.

язык богат синонимами, делающими нашу речь образной, точной, красочной, и учат использовать это богатство в устной и письменной речи.

Автор считает необходимым продолжить на внеклассных занятиях работу над эпитетами, метафорами и т. д., начатую в классе, и рекомендует ряд заданий, направленных именно на то, чтобы выработать у учеников умение правильно пользоваться в своей речи (устной и письменной) образными средствами языка, знание которых повышает культуру речи учащихся, делает ее живой, выразительной, способствует обогащению словаря школьников.

1. Подобрать эпитеты-наречия к следующим глаголам: спать, смотреть, ходить, кататься (на коньках), говорить, приветствовать. (Примеры ученических ответов: «спать беспечно и сладко», «смотреть угрюмо», «ходить неторопливо и неслышно» и т. п.).

2. Учащимся предлагается выписать метафоры из их письменных работ и классифицировать по частям речи.

Например:

а) Метафоры-глаголы:

«На крышах домов плачут сосульки», «И вот незаметно подкралась весна» и др.

б) Метафоры-существительные: «Лес был в зеленом уборе», «Слышался шепот листьев» и т. д.

Много места М. А. Грызлова уделяет фразеологии, благодаря знанию которой речь учащихся становится богаче, эмоциональнее, образнее. Автор указывает, что работу над фразеологией можно построить «как на материале живых выражений народной речи и пословиц, так и на материале художественных произведений»[1].

Например, можно провести анализ басен И. А. Крылова, подготовить ряд сообщений учащихся по истории фразеологических оборотов и т. д.

Целый раздел посвящается работе над пословицами. Задания, рекомендуемые М. А. Грызловой в этом разделе, научат ребят понимать, ценить пословицы и использовать их в своей речи (например, работа по карточкам, игра «Найдите начало и конец пословицы», наблюдения над языковыми особенностями пословиц и поговорок и т. д.).

---

[1] М. А. Грызлова, Внеклассная работа по русскому языку, Учпедгиз, 1960, стр. 23.

В конце книги помещены игры и викторины на материале русского языка, которые, как подчеркивает автор (и с этим мнением нельзя не согласиться), «содействуют расширению кругозора детей, помогают пополнить их знания. Забавный вопрос, головоломка способствуют развитию сметливости, гибкости ума. Игры по подбору слов обогащают словарь школьника, сосредотачивают внимание на оттенках значений слов и таким образом развивают речь учащихся»[1].

Образец игры

Один из играющих выходит из комнаты. Остальные участники игры выбирают какую-нибудь пословицу и распределяют слова этой пословицы между играющими в том порядке, как они сидят. Отгадчик подходит к первому играющему и задает ему любой вопрос. Тот должен дать правильный связный ответ и вставить в него без изменений первое слово пословицы. После этого отгадчик задает вопросы другим. По их ответам он должен назвать загаданную пословицу.

Примеры вопросов для викторины по русскому языку.

1. Подберите антонимы к словам:
победа — бодрствовать — ярко — ссора — полезный — веселиться.

2. Где поставить ударение в словах: звонит, алфавит, магазин, документ, шофер, километр, инженеры, красивее, договор, инструмент, ненависть, столяр?

3. Объяснить разницу в значении слов: дворовый, дворецкий, придворный; крепость, крепостной.

4. Объясните смысл пословицы: «Куй железо, пока горячо» и т. д.

Как положительный момент в работе школы следует отметить, что все чаще в 5—8 классах стали проводить массовые внеклассные мероприятия. Наиболее интересный материал публикуется в методической литературе, что способствует активизации постановки внеклассной работы по русскому языку во всех школах Российской Федерации. Можно назвать ряд работ с описанием вечеров, утренников, сборов, посвященных родному языку.

Е. А. Милькова, Пионерский сбор на тему «Великий,

---

[1] М. А. Грызлова, Внеклассная работа по русскому языку, Учпедгиз, 1960, стр. 59.

могучий русский язык», «Русский язык в школе», 1960 г., № 1.

М. З. Громова, Пионерский сбор на тему «Слова, рожденные Октябрем», «Русский язык в школе», 1957 г., № 5.

М. М. Перовская, Великий, могучий русский язык, (Литературно-музыкальный монтаж), «Русский язык в школе», 1956 г., № 4.

М. А. Грызлова, Утренники и вечера в школе, посвященные культуре речи. (Описание утренника на тему «Говори правильно»), «Русский язык в школе», 1959 г., № 3.

Г. В. Артемьева, Тематический вечер в школе рабочей молодежи на тему «Люби, цени и знай великий русский язык», «Русский язык в школе», 1960 г., № 5 и др.

Как показывает анализ данных статей, методика проведения массовых внеклассных мероприятий не отличается большим разнообразием, как, например, методика кружковых занятий.

По аналогии с описываемыми мероприятиями учитель может подготовить со своими учениками вечер, утренник, сбор по русскому языку на любую тему, учитывая, что тематика массовых внеклассных мероприятий в основном однотипна, хотя и имеет огромное воспитательное и познавательное значение.

Во многих пособиях по внеклассной работе мы не найдем указаний, в каком классе использовать предлагаемый автором материал, на каком мероприятии (вечере, кружке и т. д.), но зато в них даны разнообразные упражнения, задачи, игры по русскому языку, охватывающие все разделы курса русского языка: и лексику, и фонетику, и орфографию, и грамматику.

Так, в статье **В. С. Габо** «Материалы по занимательной лексике (омонимии)»[1] можно найти интересные задания (задачи, загадки, шарады) по омонимии в связи с полисемией, которые требуют от учащихся умения рассуждать, определять значения слов. Такие упражнения необходимы для развития мышления, развития речи учащихся.

---

[1] В. С. Габо, Материалы по занимательной лексике (омонимии), «Русский язык в школе», 1958, № 3.

Например.

1. Укажите значение омонимов.

а) На свете много людей. Зажгите свет.

б) Наступила тьма. Тьма народа на улице.

в) Брезгливая мина. Взорвалась мина.

2. Придумать загадки на омофоны:

Глаз — глас; рог — рок; труд — прут.

3. **Задача.**

Мука́—му́ка — омографы. Придумать подобные слова и дать контекст к каждому примеру.

4. **Шарады.**

а) Первое — предлог и нота.
Игра — второе, не работа.
А в целом — инструмент.
(До + лото).

б) Предлог и гласную возьму —
И вот уж песню исполняю
Иль вашу жажду утоляю.
(По+ю) и т. д.

При использовании этой статьи нужно учитывать, что в некоторых упражнениях нет разграничения омонимии с полисемией, поэтому следует внимательно продумывать каждое задание.

Например, задания № 10, № 11, № 12 относятся к полисемии. № 11. Чернила могут быть красные и зеленые. Белье может быть голубое и розовое. Стреляют теперь не стрелами, а пулями, снарядами.

Почему произошел перенос названия? (Дан ответ: по сходству функции предмета).

Нужно было сделать оговорку (как, например, в задании № 10), что в данных примерах нет омонимии, а есть явление многозначности. Такое же замечание относится к заданию № 12:

По какому признаку получилось второе значение слов?

Блюдо — кушанье, номер — комната в гостинице. (Ответ: По постоянной смежности: кушание на блюде, комната имеет номер. Метонимия).

В другой статье В. С. Габо «Материалы по занимательной фонетике»[1] предлагаются разнообразные вопро-

---

[1] В. С. Габо, Материалы по занимательной фонетике, «Русский язык в школе», 1954, № 3.

сы, загадки по фонетике, вызывающие интерес к данному разделу курса русского языка (в частности, по таким вопросам, как «Звуки и буквы», «Гласные и согласные» и т. д.).

Например.

1. Сколько звуков в словах сшить, летчик?

2. **Загадка.**

Ты меня, наверно, знаешь:
Я в сказке Пушкина герой.
Но лишь сонорный звук сменяешь,
Сибирской стану я рекой.

(Елисей — Енисей).

3. **Загадка.**

Я сею ужас всем и гибель в дни войны.
С губным открытым гласным
Я — отрада тишины.

(Пушка — опушка).

Но автор не всегда точен в формулировке задания и не до конца последователен в подборе материала.

Вот шарада № 17.

Первый слог — китайский напиток,
Второй — название буквы.
Целое — птица.

Отгадка этой шарады — **чай + ка.** Слово «чайка» состоит из двух разных согласных, двух одинаковых гласных и одной полугласной буквы (ср. у автора: три (?) различных согласных).

Загадка № 18 относится больше к составу слова, чем к фонетике.

В корне слова при изменении наблюдается чередование е—ё, а значение таково:

Висит оно на жердочке,
Без хвостика, без мордочки,
Качается, гремит.
На речку ходит по воду,
Хоть пить оно не пьет.

(Ответ: ведро — вёдра).

Не нужно забывать, что в стабильном учебнике всевозможные чередования гласных и согласных в корнях слов рассматриваются в разделе «Состав слова». Следовательно, автору нужно было сделать оговорку, после

изучения каких тем могут быть использованы предлагаемые им материалы.

Кроме этого, необходимо иметь в виду, что в некоторых шарадах встречаются такие термины, как «смычный», «щелевой», «аффриката», «открытый», «язычный», которые неизвестны учащимся, т. к. характеристика согласных по способу и месту образования и гласных по ряду и подъему не изучается в программе средней школы. Поэтому, предлагая ученикам какую-либо шараду или метаграмму с незнакомыми терминами, нужно в простой, доступной форме предварительно разъяснить их значение, чтобы ребята поняли, о каких звуках может идти речь (при этом нельзя забывать о степени подготовленности класса).

Следовательно, к выбору материала необходимо подходить с учетом тех знаний и навыков, которые имеют учащиеся соответствующих классов по данному разделу курса русского языка.

Следует отметить также, что в статье В. С. Габо мало заданий, связанных с обучением учащихся правильному литературному произношению. Указанные недочеты не снижают ценности статьи В. С. Габо, и она может быть использована учителями в их практической деятельности.

Большой интерес у учеников вызывает такая работа, как составление различных загадок. Помощь учителю в этом отношении окажет статья **В. И. Добрянского** «Грамматические загадки» (По учебному материалу V класса), напечатанная в ж. «Русский язык в школе», 1954 г., № 3. Предлагаемые автором загадки, помимо грамматического материала (по морфологии), охватывают также материал по лексике и фонетике (об этом можно судить по содержанию загадок).

Например.

По морфологии: 1. Отними у имени существительного 1-го склонения, обозначающего посуду, окончание — а, и ты получишь имя существительное 2-го склонения, обозначающее учреждение.

(Ответ: **банка — банк).**

2. Найди окончание, которое не определяет ни рода ни падежа, ни числа отдельно взятого имени прилагательного.

(Ответ: **-ым (-им)**.

3. Найди имя существительное с приставкой пред — без суффикса и окончания.

(Ответ: **предлог**).

4. Если ты вставишь после Л разделительный Ь, то вместо краткого имени прилагательного, употребляемого, например, для характеристики мороза, получишь глагол настоящего времени 3-го лица, множественного числа.

(Ответ: **лют—льют**) и т. д.

По лексике и фонетике:

1. Если взамен места, покрытого травой, хочешь получить овощ, то, не изменяя звука, замени на конце букву Г буквой К.

(Ответ: **луг—лук**).

2. Если, не изменяя звука, заменишь в середине слова букву Я буквой Е, то вместо резиновых вещей получишь древнее оружие.

(Ответ: **мячи—мечи**).

3. Если ты имеешь в виду возраст кузнеца, то в кратком прилагательном напишешь Д, если же его инструмент, то, не изменяя звука, вместо Д напишешь Т. Найди эти слова.

(Ответ: **молод—молот**) и т. д.

В. И. Добрянский не останавливается на методике работы с загадками, но иллюстративный материал, приводимый им в достаточном количестве (47 загадок), наглядно показывает принцип составления грамматических загадок.

Такая работа закрепляет знания учащихся, учит сознательно применять эти знания на практике, требует умения четко, последовательно излагать свои мысли.

Большим успехом у учащихся пользуются грамматические игры, связанные с определенным грамматическим правилом. Они помогают запоминать правописание трудных слов, учат сознательно применять имеющиеся у учащихся знания по русскому языку. Не случайно поэтому статьи **М. И. Леонтьева**[1], **Л. А. Биятенко**[2], **Н. И. Гамбур-**

---

[1] М. И. Леонтьев, Настольные грамматические игры, ж. «Русский язык в школе», 1952, № 6.

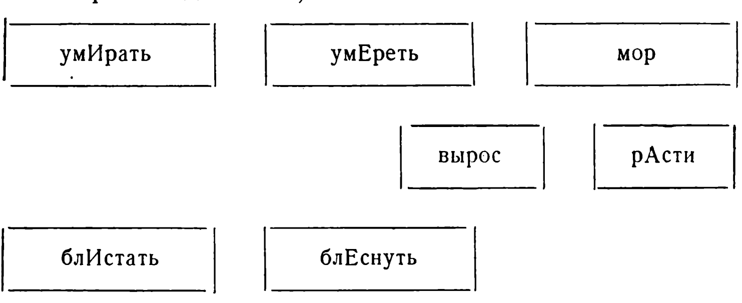
[2] Л. А. Биятенко, Грамматические игры, ж. «Русский язык в школе», 1960, № 2.

га[1], **А. Ю. Гуревич**[2], работа **Н. Воронова**[3] посвящены грамматическим играм. Авторы предлагают разнообразные игры по фонетике, морфологии, останавливаются на методике их проведения.

1. Игра «Чередующиеся гласные»[4].

Цель игры — помочь учащимся запомнить слова с чередующимися гласными, дать повод для повторения соответствующих правил.

Заготавливаются карточки, в каждую из которых вписано одно из слов с чередующимися гласными (гласная корня выделяется).

Игра проводится следующим образом: раздаются карточки всем играющим, после чего одна из карточек кладется в центр стола. Следующий участник игры должен положить рядом однокоренное слово. Если у него такого нет, то ниже он кладет слово другого корня, но обязательно с такой же коренной гласной. Так поступают поочередно все участники. Если у участника игры нет нужных слов, то он свою очередь пропускает.

В результате игры карточки должны лечь так, чтобы по горизонтали находились однокоренные слова, а по вертикали — слова с одинаковыми гласными в корне (см. рисунок). Выигрывает тот, кто первый освободится от своих карточек.

---

[1] Н. И. Гамбург, Занимательная грамматика в школе, ж. «Русский язык в школе», 1958, № 4.

[2] А. Ю. Гуревич, Грамматические кроссворды, ж. «Русский язык в школе», 1961, № 6.

[3] Н. Воронов, Кто лучше знает русский язык? Игра для учащихся V—VIII кл., Куйбышев, 1959.

[4] М. И. Леонтьев, Настольные грамматические игры, «Русский язык в школе», 1952, № 6.

Данный нами краткий обзор некоторой методической литературы, посвященной внеклассной работе по русскому языку, позволяет сделать следующие выводы.

Внеклассной работе по русскому языку в настоящее время уделяется большое внимание в методической литературе и на практике.

Анализ этой литературы показывает, что при организации внеклассных занятий в школе перед учителем встают разнообразные вопросы; некоторые из них в той или иной степени затронуты в рассмотренных выше работах, в частности, вопрос о видах внеклассных мероприятий: кружках, вечерах, сборах и т. д., которые направлены на повышение интереса к языку, на углубление знаний учащихся. В некоторых статьях даются методические указания по организации кружка, приводятся примерные планы кружковой работы, представлен богатый фактический материал.

Большая часть пособий по внеклассной работе представляет собой описание опыта лучших учителей. Публикация передового опыта способствует развитию внеклассной работы по русскому языку в школе.

А. Ф. КУЛАГИН
Доцент, кандидат филологических наук

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В печатных произведениях, в сочинениях и изложениях учащихся и вообще в практике письменного общения нередко встречаются конструкции, оформленные как сложные предложения, но состоящие из разнотипных по цели высказывания частей. Например:

1) одна часть повествовательная, другая — вопросительная: «Вот он, завод, видишь? (Чаковский, Это было в Ленинграде). «Летит большой Биче-ол на большую скалу, и как его только от става не оторвало?» (Георгиевская, Счастье). «Аль забыл — ведь это же Оля...» (Полевой, Повесть о настоящем человеке);

2) одна часть побудительная, другая — повествовательная: «Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу» (Грибоедов, Горе от ума). «Входите, я вас проведу в ее комнату» (Полевой, Повесть о настоящем человеке);

3) одна часть побудительная, другая — вопросительная: «Посмотри скорей, старуха, узнаешь его, орла?» (Твардовский, Василий Теркин). «Стойте, куда вы?». (Полевой, Повесть о настоящем человеке).

Спрашивается, правильно ли сконструированы эти «сложные предложения» и каким в целом каждое из них является по цели высказывания?

Возьмем другие примеры: «Я не знаю, чем можно отплатить за такую любовь?» (Собко, Обыкновенная

жизнь). «Лучше ответь, что это за человек?». (Федоров, В Августовских лесах).

Подобных примеров тоже достаточно много. Встречаются они и в художественной литературе, и даже в учебных пособиях по русскому языку. Нет сомнения, что конструируются они в соответствии с нормами современной грамматики, но пунктуационно зачастую оформляются неверно. Так, в приведенных примерах совершенно излишним является вопросительный знак, поскольку первое сложное предложение в целом повествовательное, а второе — побудительное.

В современных грамматиках типы предложений по цели высказывания обычно рассматриваются в начале раздела «Простое предложение»[1]. А как в этом отношении обстоит дело со сложным предложением — являются ли его части функционально однотипными или же оно может состоять и из различных по цели высказывания частей? Этот вопрос остается пока без ответа.

В академической «Грамматике русского языка» на этот счет тоже нет прямых указаний, хотя понятие о функциональных типах предложений дается там в самом начале раздела «Предложение», то есть до того, как начинается характеристика простого предложения.

А между тем данный вопрос требует того, чтобы в него была внесена определенная ясность. Решение этой проблемы необходимо прежде всего в практических целях: тогда прояснится вопрос об употреблении соответствующих знаков препинания и о правильном произношении конструкций, стоящих в тексте рядом, но различающихся функционально. Ср. разную постановку знаков препинания и разную степень трудности произношения приведенных выше примеров:

1. а) Посмотри скорей, старуха, узнаешь его, орла?
   б) Посмотри скорей, старуха! Узнаешь его, орла?
2. а) Стойте, куда вы?
   б) Стойте! Куда вы?

---

[1] См. С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков, Учебник русского языка, ч. II; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. Синтаксис, Учпедгиз, 1958; «Современный русский язык. Синтаксис», под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. Московского университета, 1958; А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, Учпедгиз, 1961 и др.

3. а) Лучше ответь, что это за человек?

б) Лучше ответь, что это за человек.

Выяснение отношения друг к другу частей сложного предложения с точки зрения целевой направленности их содержания имеет также большое теоретическое значение: тогда понятие о сложном предложении примет более определенный характер и, возможно, придется говорить не только о смысловом и интонационном единстве, но и о функциональном единстве его частей.

За последнее время в лингвистической литературе сложное предложение обычно рассматривается или как смысловое и интонациональное единство частей, подобных по их структуре простым предложениям[1], или как «предложение, имеющее в своем составе два или несколько простых предложений, образующих в смысловом и интонационном отношении единое целое»[2], или как «предложение, которое состоит из двух или более взаимно связанных друг с другом частей, подобных по структуре простым предложениям»[3], или как «объединение нескольких предложений при помощи тех или иных синтаксических средств в грамматическое целое, служащее выражением законченной мысли»[4].

Если принять во внимание, что основным синтаксическим средством связи частей сложного предложения является интонация, то можно считать, что во всех этих различных по форме высказываниях о сущности сложного предложения общим является указание на наличие смыслового и грамматического (синтаксического) единства его основных структурных единиц. И с этим вполне можно согласиться.

В самом деле, если будет отсутствовать хотя бы один из указанных факторов — или смысловое или грамматическое единство, — то конструирование сложного предложения невозможно. Ведь не говорим мы, например, таким образом: «Солнце уже взошло, потому что лиса

---

[1] «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, Введение.

[2] «Современный русский язык. Синтаксис», под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. Московского университета, 1958, стр. 342.

[3] Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. Синтаксис, Учпедгиз, 1958, стр. 146.

[4] А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч II, Учпедгиз, 1961, стр. 199.

очень хитрая»; «Волга впадает в Каспийское море, а зимой можно кататься на лыжах».

В обоих примерах отсутствует смысловое единство между соответствующими предикативными единицами, объединенными искусственно в одно целое, и, следовательно, ни речевыми, ни языковыми единицами, выражающими законченную мысль, они не являются.

Обратимся к другим примерам: «Дождь лил как из ведра. Мы спрятались под деревом».

Эти конструкции, объединенные между собой только по смыслу, тоже не образуют сложного предложения, а представляют собой простые самостоятельные предложения, разделенные в произношении паузой, а на письме точкой. Иное дело, если объединить их еще и грамматически (при помощи интонации или интонации совместно с другими средствами связи), например, так: «Дождь лил как из ведра, и мы спрятались под деревом», или так: «Мы спрятались под деревом, потому что дождь лил как из ведра», или так: «Дождь лил как из ведра — мы спрятались под деревом». Все три последние примера с полным основанием можно считать сложными предложениями, поскольку их части объединены и по смыслу и грамматически. При этом в каждом из них смысловые и синтаксические отношения между частями находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Иначе говоря, смысловые отношения между простыми предложениями, связанными друг с другом только по смыслу и разъединенными на письме точкой, а в произношении паузой, несколько иные по сравнению со смысловыми отношениями, которые получаются в результате объединения тех же самых конструкций в сложное предложение посредством тех или иных синтаксических средств связи.

Средства связи между частями сложного предложения определяются в основном тем, какие смысловые отношения устанавливаются между этими частями. Главными средствами синтаксической связи частей сложного предложения в современных грамматиках обычно считаются интонация, союзы, порядок частей, относительные (союзные) слова, соотносительные слова, употребление форм времени и наклонения, а также особые лексические и фразеологические элементы.

Из всех перечисленных средств связи самым важным, несомненно, является интонация. Если другие средства

связи (например: союзы, соотносительные слова) структурно необходимы лишь для определенных типов сложных предложений, то «интонация является обязательным средством, устанавливающим связи и взаимоотношения предложений во всех видах сложных предложений»[1]. «Интонация служит прежде всего для объединения частей сложного предложения в одно целое, поскольку отдельные части в нем не обладают интонационной законченностью. Это относится к сложносочиненным, сложноподчиненным и бессоюзным сложным предложениям»[2].

Таким образом, интонационное единство частей — одно из необходимых условий формирования сложного предложения. Но интонация не сама по себе определяет единство частей сложного предложения. Она лишь средство выражения смысловых и синтаксических отношений, хотя и очень важное, необходимое, но все-таки только лишь средство, характер которого находится в прямой зависимости от того, какие отношения между частями требуется выразить в данном сложном предложении.

Интонация предложения во многом зависит и от того, какое посредством нее выражается отношение говорящего к участникам речи. Как известно, в одних случаях о чем-то сообщается, повествуется, в других — выражается вопрос, в третьих — побуждение. Поэтому в грамматиках предложения с этой точки зрения принято делить на повествовательные, вопросительные и побудительные. Причем каждому из этих функциональных типов предложений свойственна особая интонация[3].

Эти основные теоретические положения о предложениях с разной целевой направленностью и, следовательно, с разной интонацией вполне понятны без особых доказательств, если иметь в виду простые самостоятельные предложения. А что в этой связи можно сказать о сложных предложениях?

---

[1] А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, Учпедгиз, 1961, стр. 203.

[2] «Современный русский язык, Синтаксис», под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. Московского университета, 1958, стр. 349.

[3] Ср.: «Благодаря интонации достигается различие в произношении между повествовательными, восклицательными, вопросительными и побудительными предложениями» (А. Г. Руднев, Синтаксис простого предложения, Учпедгиз, 1960, стр. 23).

Исследование их формы и содержания показывает, что и они подчиняются этому правилу о делении всех предложений по цели высказывания на три основных типа. А это значит, что части каждого сложного предложения составляют функциональное единство и что не может быть такого явления, чтобы части наиболее типичных сложных предложений были совершенно различными по цели высказывания. Правда, мы знаем, что в современном русском языке имеются простые предложения, совмещающие в себе и значение вопроса и значение побуждения, например: «Да прочитаешь ты, наконец, выразительно?!» Но в таких предложениях вопрос и побуждение находятся в органическом единстве, и выражен этот вопрос — побуждение не разными элементами, а всем предложением в целом. Если же побуждение выражено одной предикативной единицей, а вопрос — другой или наоборот, то, несмотря на смысловую близость этих предикативных единиц, они не составят единого вопросительно-побудительного сложного предложения, а будут двумя простыми самостоятельными предложениями. Например: «Какие тебе деньги? Вон!» (Чехов, Сапожник и нечистая сила); «Сюда! Неужели вы не слышите?».

То же самое можно сказать и о приводимых выше примерах: «Посмотри скорей, старуха, узнаешь его, орла?»; «Стойте, куда вы?» и др. Их нельзя квалифицировать как сложные предложения. Подобное объединение простых предложений в сложное предложение обосновывать только их смысловой близостью другу к другу было бы большой натяжкой. Если допустить такую возможность, то целые абзацы и даже страницы и целые главы произведений, состоящие из взаимосвязанных друг с другом по смыслу предложений, можно будет квалифицировать как отдельные сложные предложения. Однако в действительности этого не наблюдается.

Как указывалось выше, многие ученые вполне справедливо признают, что, кроме смыслового единства между частями сложного предложения, имеется еще и интонационное единство. Однако думается, что ограничиваться указанием на эти характерные особенности сложного предложения нельзя. Очень важно иметь в виду и функциональное единство частей сложного предложения. Дело в том, что, во-первых, интонация и функциональная

сторона предложений не представляют собой тождества; во-вторых, интонация как средство выражения смысловых и синтаксических отношений между частями сложного предложения вторична по отношению к другим факторам высказывания, притом и характер ее зависит не только от целевой направленности предложения; в-третьих, пишущий не всегда задумывается над тем, как то или иное предложение будет звучать в устном произношении, а целевая установка высказывания и в письменном его оформлении выступает достаточно рельефно.

Функциональное единство частей сложного предложения в одних случаях проявляется более ярко, в других — менее ярко, особенно в предложениях переходного типа, но в принципе это положение остается в силе применительно к любому сложному предложению.

Наиболее типичными случаями проявления функционального единства частей сложного предложения являются такие, когда все части занимают равноправное положение в составе целого и притом в одинаковой степени выражают или повествование, или вопрос, или побуждение.

Например:

1) «День уходит, и прохлада освежает и бодрит» (Лебедев-Кумач). Каждая часть в отдельности является повествовательной, и все предложение в целом повествовательное.

2) «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?» (Пушкин). Каждая часть в отдельности является вопросительной, и все предложение в целом тоже вопросительное.

3) «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (Пушкин). Каждая часть в отдельности является побудительной, и все предложение в целом тоже побудительное.

Если же соседние по отношению друг к другу предикативные конструкции относительно самостоятельны и равноправны (как, например, части сложносочиненных и некоторых разновидностей бессоюзных сложных предложений), но не образуют функционального и интонационного единства, то они являются не частями сложного предложения, а лишь простыми самостоятельными предложениями. В этой связи представляется неправильным оформление таких и им подобных простых предло-

жений в единое сложное: «Муж приехал, ты знаешь ли это?» (Островский, Гроза).

Принадлежность сложноподчиненного предложения к тому или иному функциональному типу предложений зависит от целевой направленности главного предложения. Так, например, в целом вопросительным является сложноподчиненное предложение, в котором главное предложение содержит прямой вопрос. При этом придаточное предложение прямо и непосредственно может и не выражать вопроса, но как конструкция, зависимая от главного предложения и поясняющая его, оно несет в себе значение вопроса на правах составной части единого целого. Например: «От кого ты узнал, что я ездил в Москву?». Ср.: «От кого ты узнал о моей поездке в Москву?».

То же самое наблюдается в повествовательных и побудительных предложениях. Здесь только следует оговориться, что придаточное предложение само по себе, вне зависимости от главного никогда не может выражать значение побуждения и, следовательно, в нем никогда не употребляются ни формы повелительного наклонения с императивным значением, ни другие формы с тем же значением. Но, завися от главного побудительного предложения, и оно включается в общую сферу побудительного высказывания, и, таким образом, все сложноподчиненное предложение в целом становится побудительным. Например: «Помните, что наука требует от человека всей его жизни» (Павлов, Письмо к советской молодежи). «Айда на улицу, пока тихо» (Коптяева, Дружба).

В целом является повествовательным (или побудительным), но не вопросительным такое сложноподчиненное предложение, в котором вопрос содержится только в придаточном предложении. Однако наличие подобных конструкций в русском языке не противоречит общему положению о функциональном единстве частей сложного предложения, поскольку такое придаточное предложение выражает не прямой вопрос, а косвенный; поэтому оно и по значению, и по интонации ближе всего подходит не к вопросительным, а к повествовательным (или побудительным) предложениям. Например: «Я спросил своего друга, почему он редко заходит ко мне»; «Скажите, пожалуйста, во сколько начнется собрание».

Проф. А. Б. Шапиро указывает, что иногда в разго-

ворной речи «вопросительным может быть только придаточное предложение, всегда в таких случаях следующее за главным»; например: «...И приданое сделал я, потому что кто же бы ей что сделал? (Достоевский, Кроткая, Ш.)»[1].

Оставив в стороне вопрос о том, в какой степени такие предложения соответствуют современным языковым нормам, и даже допустив правомерность употребления их в речи, мы считаем, что правило о функциональном единстве частей сложного предложения в какой-то мере распространяется и на них. Несколько «нарушая» это правило, подобные конструкции в то же время и подчиняются ему: ведь эти придаточные предложения только по форме вопросительные, да и то не совсем, а по значению они повествовательные; ср.: «потому что никто бы ей этого не сделал».

В сложных предложениях переходного типа, совмещающих в себе элементы сочинения и подчинения, функциональное единство частей тоже может несколько нарушаться, но полностью не ликвидируется. Например: «Учись доброму — худое на ум не пойдет» (Пословица). Части этого сложного предложения не являются однородными и их нельзя произнести с перечислительной интонацией, поскольку отношения между ними не соединительные и не разделительные, а условно-следственные. Следовательно, одна из этих частей подчинена другой, и поэтому все предложение, во многом похожее на сложноподчиненное, в целом, с некоторым отклонением, является повествовательным; ср.: «Если будешь учиться доброму, худое на ум не пойдет».

Предложение «Измените обмен веществ — и вы измените наследственность» по формальным признакам можно отнести к сложносочиненным, а по значению отношений между частями оно гораздо ближе подходит к сложноподчиненным предложениям, поскольку в нем выражены не перечислительные, а условно-следственные связи[2]. Поэтому все предложение в зависимости от характера его основной части является в основном повест-

---

[1] А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 118.

[2] Учебно-методическое пособие для студентов-заочников «Современный русский язык», изд. Саратовского университета, 1960, стр. 152.

вовательным. Если обе эти предикативные единицы, входящие в состав данного примера, попытаться объединить в сложносочиненное предложение как таковое и тем самым сделать их грамматически равноправными, чтобы выразить перечислительные отношения, то этого нам сделать не удастся, потому что это было бы попыткой соединить несоединимое, попыткой объединить разнотипные по цели высказывания конструкции — побудительную и повествовательную. А в нашем примере значение побуждения в первой части значительно ослаблено ее подчиненным положением по отношению к основной части, выражающей повествование.

В предложениях типа: «Простите, вы не видели моего сына?», «Послушайте, вы не знаете этого человека?», «Скажите, вы не были вчера в парке?» — слова «простите», «послушайте», «скажите» являются не частями сложного предложения, а просто вводными словами.

Но если такие слова произносятся с побудительной интонацией и предупредительной паузой после них, то они становятся частями сложного предложения. Например: «Но отвечай: то был царевич?» (Пушкин, Борис Годунов). «Ну, расскажите: как обстояло дело?».

Близки к таким сложным предложениям в структурном отношении следующие и им подобные: «Всю ночь я думал: кто бы это был?» (Пушкин, Моцарт и Сальери); «Она в догадках ломала голову: зачем пожаловал в неурочный час Прохор?» (Шишков, Угрюм-река). Здесь несоответствия в целевой направленности отдельных частей значительно больше, чем в указанных выше случаях. Но зато и в структуре этих сложных предложений переходного характера несоответствия со структурой типичных сложных предложений — союзных и бессоюзных — тоже значительно больше. Они ближе всего подходят к предложениям со словами автора и прямой речью.

В заключение можно сделать следующие теоретические и практические выводы.

1. Бо́льшая или меньшая однотипность по цели высказывания частей сложного предложения является одним из важнейших условий его формирования.

2. Сложное предложение целесообразней определять как смысловое, структурно-грамматическое, интонационное и функциональное единство частей, подобных по

формально-грамматической структуре простым предложениям.

3. Соответствующие знаки препинания на письме должны употребляться с учетом всех условий формирования сложного предложения, а именно:

а) если та или иная предикативная единица не может, по условиям формирования сложного предложения, объединиться с другими предикативными единицами в единое сложное предложение, то пунктуационно она должна оформляться не как часть сложного предложения, а как самостоятельное простое предложение;

б) если в сложноподчиненном предложении только придаточное выражает значение вопроса (косвенного вопроса), то такое предложение в целом не является вопросительным, и, следовательно, вопросительный знак, как конечный знак, который должен относиться ко всему предложению, а не только к его части, — после него не должен ставиться.

М. Д. МИШАЕВА
Кандидат филологических наук

К ВОПРОСУ О СУБСТАНТИВАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Переход прилагательных в существительные наблюдается на всем протяжении развития русского языка. Значительной активностью характеризуется этот процесс и в современном русском языке.

Между тем вопрос о субстантивации прилагательных до сих пор недостаточно изучен.

Такие ученые XIX века, как Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Г. Павский, лишь попутно касаются данного вопроса в своих общеграмматических трудах. Их замечания относятся главным образом к синтаксической области, т. е. условиям субстантивации. Речь идет или об употреблении прилагательного в роли опущенного существительного, или о выступлении прилагательных «в виде имен существительных»[1] без упоминания об опущении.

Несколько подробнее о субстантивации пишет Ф. И. Буслаев. Он пытается определить условия, в которых возможно опущение существительного. Привожу его высказывание по этому поводу: «Существительное опускается тогда, когда слишком общее понятие, им выраженное, достаточно явствует из прилагаемого к нему определения и заключается в нем как «родовой» при-

---

[1] А. Х. Востоков. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, изд. 4-е, СПБ, 1839, стр. 74.

знак. Например, «богатые помогают бедным, опущено **люди и людям»**; «берегись злых, т. е. людей»[1].

Впервые проблема субстантивации получила глубокое научное освещение в трудах А. А. Потебни. Основные положения Потебни сводятся к следующему[2].

Исходя из генетической близости существительных и прилагательных, А. А. Потебня устанавливает два главных типа субстантивации:

1. Тип субстантивации, «когда обычное и потому легко подразумеваемое определяемое существительное опускается, передавая определяющему прилагательному свое значение; сначала портной швец, портной мастер, а потом существительное портной...»[3].

2. Тип «субстантивации, когда опущения определяемого не было»[4].

По мнению Потебни, опущение не имеет места, когда «направление разговора собеседника известно», или когда прилагательное способно определять лишь одно какое-либо существительное. Обычно подобное явление наблюдается при определении лица: «...прилагательные, прилагаемые преимущественно к людям, сами собою, не нуждаясь в определительных и их опущении, являются существительными»[5].

Не находит А. А. Потебня опущения существительного и при довольно многочисленной группе субстантивированных прилагательных среднего рода един. числа типа «заливное», «былое»[6].

А. А. Потебня впервые попытался наметить и семантические рубрики (ряды) субстантивированных прилагательных по степени продуктивности. С этой целью он проанализировал субстантивированные прилагательные в деловых документах XVII века. Взгляды А. А. Потебни

---

[1] Историческая грамматика русского языка, ч. II, изд. 3-е, М., 1869, стр. 39.

[2] Мы здесь не касаемся эволюции взглядов Потебни на субстантивацию прилагательных. В статье дается та трактовка вопроса, которая представлена в III томе «Из записок по русской грамматике».

[3] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. 3, Харьков, 1899, стр. 49.

[4] Там же, стр. 54.

[5] Там же, стр. 55.

[6] См. 59 стр. цит. соч.

на субстантивацию прилагательных были развиты дальше Д. Н. Овсянико-Куликовским[1] и А. М. Пешковским.

Но в отличие от Потебни эти ученые не отождествляют члены предложения и части речи. Поэтому выступление прилагательного в качестве подлежащего и дополнения в определенных условиях они считают закономерным и естественным. Устанавливая типы субстантивации, эти ученые обращают внимание на степень ее полноты и на роль контекста.

Так, А. М. Пешковский в своей известной книге «Русский синтаксис в научном освещении» устанавливает следующие три стадии субстантивации[2]:

1. Полная субстантивация. К этой группе Пешковский относит слова типа «слепой», «мастеровой», «горничная», которые являются прилагательным лишь по происхождению, но выступают в современном русском языке в роли существительных.

2. Неполная субстантивация. В эту группу включаются слова, способные выступать и в роли прилагательных, и в роли существительных. Например: «холерный» применительно к больному человеку.

3. Прилагательные, в которых процесс субстантивации лишь намечается: «заказное» (письмо), «гербовая» (бумага).

В отличие от второй группы, субстантивация в третьей группе, по мнению А. М. Пешковского, носит частный, случайный характер, она еще не закрепилась в языке. В третьей группе опущение является закономерным, постоянным, во второй и первой — оно возможно, но не обязательно.

Следует отметить, что Пешковский намечает три стадии для процесса субстантивации в целом, а не для каждого субстантивированного прилагательного.

Академик А. А. Шахматов, как и А. М. Пешковский, обращает внимание не только на способ субстантивации, но и на закрепленность ее отдельных проявлений в языке. Поэтому А. А. Шахматов различает субстантивацию постоянную, ведущую к превращению прилагательного в существительное, и случайную, имеющую место лишь в определенном контексте.

---

[1] См. «Синтаксис русского языка», СПБ, 1912, стр. 186 и далее.
[2] См. стр. 135—136 указ. соч., Учпедгиз, М., 1956.

В последующие годы (30—40-е) проблемы субстантивации получают дальнейшее освещение в работах наших языковедов.

Так, в ст. «О грамматической омонимии в современном русском языке»[1] академика В. В. Виноградова детально исследуется вопрос омонимии субстантивированных прилагательных. Акад. В. В. Виноградов приходит к выводу о том, что субстантивация представляет морфолого-синтаксический способ словообразования, т. е. своеобразное сжатие словосочетания в одно слово.

Вопросу грамматической омонимии много места уделяется и в кандидатской диссертации А. М. Барзиловича «Субстантивация прилагательных в русском языке»[2].

Вопрос о синтаксических связях субстантивированных прилагательных освещается в ст. С. Д. Липкина «Синтаксическая роль и синтаксические связи субстантивированных прилагательных и причастий в современном русском литературном языке»[3].

Особенно интересна и содержательна ст. А. Б. Перльмуттера. «Переход прилагательных в существительные», к сожалению, не законченная. Автор затрагивает в ней ряд важнейших проблем, связанных с субстантивацией: омонимия, трансформация грамматических показателей и категорий различных групп субстантивированных прилагательных. Разделяя мысль А. А. Потебни о группировке субстантивированных прилагательных по степени продуктивности, Перльмуттер намечает около 20 семантических рядов прилагательных.

«При изучении процесса субстантивации следует учитывать прежде всего семантико-грамматические типы субстантивированных прилагательных», — пишет А. Б. Перльмуттер[4].

Итак, процесс субстантивации более или менее изучен с грамматической стороны. Выяснены общие условия субстантивации. Семантическая же и стилистическая стороны, а также особые случаи субстантивации изучены мало или вообще не исследованы. В настоящей статье

---

[1] См. назв. ст. в ж. «Русский язык в школе», 1940, № 1.

[2] См. автореферат к/д, Киев, 1952.

[3] Ст. помещена в «Трудах Узбекского гос. университета», новая серия, вып. 60, 1955.

[4] Стр. 16 назв. ст., «Русский язык в школе», 1948, № 1.

делается попытка в какой-то мере разрешить следующие вопросы:

1. Выяснить характер изменения признака в различных разрядах прилагательных при их переходе в существительные, а также степень полноты самой субстантивации.

2. Рассмотреть особенности субстантивации и семантики прилагательных, обозначающих отвлеченные понятия.

Прежде чем рассматривать особые случаи субстантивации прилагательных, необходимо остановиться на типичных продуктивных способах субстантивации в современном русском языке.

Одним из основных способов субстантивации является опущение существительного и выступление в качестве замены определяющего его прилагательного. Само же опущение может вызываться различными причинами.

Чаще всего опущение существительного, как и вообще эллипсис, совершается непроизвольно, когда ситуация речи позволяет без ущерба для понимания опускать те или иные слова, особенно если они уже упоминались ранее. Например:

«Каждый вечер, поглазев на пассажирский поезд, Яков Иванович шел... вниз по спуску, на **Песочную улицу...** На **Песочной** горит в крайнем окне свет, и Маша Голубева играет с дымчатым котенком». (А. Толстой, Прогулка). «Шли медленно, плечо в плечо друг другу, не уступая дороги **встречным прохожим».** (М. Горький, Жизнь Клима Самгина). «Листницкий, покуривая, медленно шел правой стороной тротуара, изредка ловя на себе боковые почтительные взгляды **встречных».** (М. Шолохов, Тихий Дон).

Закрепившееся в языке употребление прилагательного в роли существительного приводит к субстантивации. Однако опущение существительного, замена его прилагательным может производиться говорящим и намеренно, с определенной целью.

«В других случаях, — отмечает А. М. Пешковский, — мы употребляем прилагательные в смысле существительных нарочно, чтобы не думать о каком-нибудь отдельном

предмете, а только о всех предметах, имеющих данный признак»[1].

Подобные субстантивированные прилагательные А. М. Пешковский находит в афоризмах, пословицах, загадках и т. д., где высказывание носит явно обобщенный характер и применимо к широкому кругу явлений действительности. Например: «Битый небитого везет». «Сытый голодного не разумеет».

Источником таких афоризмов может быть и книжный язык, и устная речь.

Помимо эллипсиса, существуют другие, менее продуктивные, способы субстантивации.

В научной литературе упоминается и такой источник появления субстантивированных прилагательных, как аналогия. Некоторые авторы не считают этот источник подлинной субстантивацией:

«В ряде случаев мы имеем, однако, дело не с субстантивацией прилагательных, а с созданием новых слов по образцу уже имеющихся субстантивированных прилагательных. Такими являются, например, слова **вселенная, насекомое, числительное,** скалькированные с греческих и латинских слов, слова «**корректорская** и **диспетчерская,** образованные по образцу **столовая, учительская** и т. п.»[2].

За критерий истинности субстантивации мы принимаем иной признак: степень закрепленности, общепринятости ее проявлений в языке. Иными словами, необходимо отличать общеязыковые факты от частного, индивидуального проявления субстантивации. Например:

«Сотня, расчлененная блужданием по лесу, в беспорядке высыпала на **чистое**». (М. Шолохов, Тихий Дон). «Зима легла не сразу. После Покрова стаял выпавший снег, и табуны снова выгнали на **подножный»**. (М. Шолохов, Тихий Дон). «Только что кончился обеденный перерыв, и на **конном** было людно». (Г. Николаева, Жатва).

Во всех случаях имеет место не подлинная субстантивация, а обычное опущение существительного (место, корм, двор).

---

[1] Русский синтаксис в научном освещении, Учпедгиз, М., 1956, стр. 13.

[2] Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, Учпедгиз, М., 1957, стр. 281.

Подлинная субстантивация может быть полной (субстантивированное прилагательное выступает только в значении существительного) и неполной (прилагательное выступает и в собственной функции и в роли определенного существительного).

Примеры полной субстантивации:

«**Горничная** принесла газеты». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Лошади и Никита томились на горячей **мостовой**». (А. Толстой, Мишука Налымов).

Употреблявшееся когда-то с прилагательным «мостовая» существительное «улица» теперь полностью забыто, не мыслится ни словарно, ни грамматически, по выражению А. М. Пешковского.

Такова же судьба существительного «девушка» при слове «горничная».

Примеры на неполную субстантивацию:

«Подошли **пленные**». (М. Шолохов, Тихий Дон).

Ср.: «Навстречу чешским эшелонам, направлявшимся во Владивосток, двигались **военнопленные немцы** и особенно ненавистные венгры». (А. Толстой, Хождение по мукам).

«На **страстной** сестры говели у Николы на курьих ножках, что на Ржевском». (А. Толстой, Хождение по мукам).

Ср.: «У соседки Коршуновых Пелагеи в ночь под субботу на **страстной неделе** собрались бабы на посиделки». (М. Шолохов, Тихий Дон).

Любопытно отметить, что в процессе субстантивации в прилагательном обычно происходит совмещение значения заменяемого существительного с признаком прилагательного в его прямом, первоначальном смысле. То же прилагательное, выступая в собственной роли, нередко метафорически переосмысляется.

Ср.: «Только **слепой** не заметил бы в ней чего-то нового, какой-то особой усталой нежности», (А. Толстой, Хождение по мукам). «А может быть, он любит **слепой** и мучительной **любовью** женщину — ту, о которой рассказывают романы?» (М. Горький, Герой).

Во втором примере прилагательное «слепой» имеет значение — «безотчетной, не подчиняющейся рассудку любовью».

Непроходимой пропасти между подлинной субстантивацией и ее индивидуальным применением нет: на осно-

ве последней нередко возникает первая, если проявление ее закрепляется в языке.

Прилагательные могут выступать в роли самых различных по смыслу существительных.

Проследим, что происходит с семантикой прилагательного при переходе его в существительное. Ради удобства расположим субстантивированные прилагательные по основным семантическим рубрикам обозначаемых ими предметов и явлений:

а) название лица,

б) обозначение предмета (в широком смысле слова),

в) обозначение отвлеченных понятий.

А. Субстантивированные прилагательные, обозначающие лицо.

В качестве названий лиц выступают большей частью относительные и притяжательные прилагательные.

Среди указанных названий выделяются названия лиц по социальному, профессиональному признаку, по признаку принадлежности к той или иной группировке людей, роду службы и т. п.

Как правило, эти прилагательные выступают лишь в одном родовом варианте — мужском. Например:

«Погляди, погляди! — рыданул, проходя мимо него, **рабочий**». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Кучка **штатских** и солдат стояла около сломанной гимнастики на песчаном дворе артиллерийских казарм». (А. Толстой, Хождение по мукам). «По лицу **конвойного** было видно, что ему жалко и противно». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Хотя мундир Илье Леонтьевичу был совершенно не нужен, все же неделю назад он послал за ним **нарочного**». (А. Толстой, Чудаки). — «Чего стоишь? Пошел, пошел, — сказал ему **городовой**». (А. Толстой, Хромой барин). «**Ротный** развел большими руками перед светильней». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Толпой пошли к **сотенному**». (М. Шолохов, Тихий Дон). «**Часовые** подремывали на зарядных ящиках, **дневальные** выметали вагоны с конями, и жирно, свежо пахло навозом». (К. Федин, Необыкновенное лето). «Профессор был из **крепостных**, своим трудом добился прочного положения и даже скопил копеечку». (К. Федин, Необыкновенное лето). «Издавна, еще во времена Петра Первого, заселялись здешние леса **ссыльными**, — беглыми раскольниками». (Г. Николаева, Жатва).

«В этом трактире была особая чистая комната для проезжающих помещиков и чиновников, и на столе в комнате были положены записки **покойного**...» (А. Чехов, Отрывок). «Поэтому полковник послал **верхового** за **понятыми**...». (А. Толстой, Большие неприятности). «От него, как гончие, порскали с приказами **дежурные и вестовые».** (А. Толстой, Хождение по мукам). «Когда она раскрыла глаза — в комнате было светло. Снизу, с улицы, громыхали **ломовые**». (А. Толстой, Фавн). «...восставшие воинские части вели переговоры с **выборными** от запасного полка, сидевшего, затворившись, в кремле». (А. Толстой, Хождение по мукам). «В саду, около веранды, собрались **дворовые** и парни с девушками из села, — разодетые в кумачи...» (А. Толстой, Чудаки). «Кубанские полки кричали: «Нас на убой посылают, а **иногородние** нашу землю грабят!» (А. Толстой, Хождение по мукам).

Как видно из приведенных примеров, многие из субстантивированных прилагательных стали единственными наименованиями лица по профессии, социальному положению и т. д.

В силу этого признак прилагательного слился со значением лица и как таковой, особый, уже не чувствуется. Поэтому с субстантивированными прилагательными этой категории свободно выступают в качестве определения другие слова: прилагательные, причастия и т. д. Например:

«В передней сдал на руки **расторопному вестовому** шинель, повесил на вешалку плеть, долго и звучно сморкался». (М. Шолохов, Тихий Дон). **«Заспанный половой** повел их по длинному коридору в единственный оставшийся незанятым номер...» (А. Толстой, Хождение по мукам). **«Старый мастеровой,** герой труда еще тех первых лет восстановления хозяйства, он выдвинулся как производственник...» (А. Фадеев, Молодая гвардия). «Что касается **моих домашних**, то ждать от них помощи или поддержки я мог меньше всего». (Чехов, Жена).

Напротив, в названиях лиц по другим признакам (физического или психического склада, родственных отношений, возрасту и т. д.) значение самого прилагательного, его признака проступает очень четко, ярко. В этом значении чаще выступают качественные прилага-

тельные. Большая часть из них может выступать в двух родовых вариантах — мужском и женском. Примеры:

«К вечеру **взрослые** разошлись из дому, девочек Прасковья увела в спальню». (Г. Николаева, Жатва). — «Брось, — сказал солдат постарше, расплывчато, как будто лениво, но смышленно улыбаясь, и примирительно тронул **молодого** за локоть». (К. Федин, Необыкновенное лето). «Из брички вылезали двое каких-то мужчин... **Белокурый** был в темно-синей венгерке, **чернявый** в полосатом архалуке». (Н. Гоголь, Мертвые души). «Вздохнув, генеральша принесла шкатулку с фотографиями и показала портреты еще **живых** и давно умерших». (А. Толстой, Чудаки). «Видел я поле под Варшавой, — говорил **черный,** — лежат на нем тысяч пять али шесть сибирских стрелков». (А. Толстой, Хождение по мукам). «И **несчастный** пошел, пошатываясь, к своим паукам в плохо штукатуренную комнату. на третьем этаже у мадам Фриц, что на Гороховой», (А. Толстой, Злосчастный). «А позади, на некотором расстоянии катилась сборная, из разных людей, толпа **любопытных».** (А. Фадеев, Молодая гвардия). «Но царь, как **зачарованный,** сидел в Могилеве среди **верных».** (А. Толстой, Хождение по мукам).

Подобные субстантивированные прилагательные могут выступать в расширенном значении. Например:

«И вот **молодой** садился на коня и уходил к Деникину, а **старый** с бабами, детьми и скотом — бежал в овраги». (А. Толстой, Хождение по мукам).

С целью усиления определенного значения в приведенной фразе вместо формы множественного числа употреблена форма единственного числа (ср.: аналогичное явление: «В этом году яблоко уродилось»).

Иногда писатели сознательно опускают существительное, чтобы заострить внимание на признаке, т. е. прибегают к т. н. приему «ассоциативного сгущения значения». Например:

«Явился толстенький человечек... Он взмахнул руками, и все **полосатые** (мальчики, — наше прим. **М. М.**). отчаянно запели». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина). «Он чувствует, что война и то, что пришлось пережить там, отдалили его от этого скопища **сытых, довольных».** (М. Шолохов, Тихий Дон). «Хочется видеть всю жизнь красивой и гордой, хочется делать ее такою, а она

все показывает острые углы, темные ямы, **жалких,** раздавленных, изолгавшихся». (М. Горький, Женщина). «Жизнь кончена, пусть приходят другие. **Сильные..., лучшие...».** (А. Толстой, Хождение по мукам).

Особой экспрессивностью отличаются субстантивированные прилагательные, выступающие в качестве названия (или прозвища) определенного лица. Например:

«На вокзал их повез тот же **Великий Немой»**. (А. Толстой, Хождение по мукам).

«Немой», выступая в роли прозвища, обозначает не человека, не владеющего звуковой речью, а молчаливого, угрюмого человека.

Выступление качественных субстантивированных прилагательных в двух значениях — прямом и переносном — не редкость.

Ср.: «Секретарь... сунул перо в руку **ближнему:** «Распишись!». («ближнему» выступает здесь в смысле «рядом сидящему»). (М. Шолохов, Тихий Дон).

«Они (неудачники) казались интереснее, лучше густой массы обычных уездных людей, которые живут для работы и ради еды, отталкивая от себя все, что может огорчить кусок хлеба, все, что мешает вырвать его из некрепких рук **ближнего»** (т. е. у человека вообще). (М. Горький, Губин).

Среди рассматриваемой группы субстантивированных прилагательных выделяется очень немногочисленная группа слов со специальным значением. Как и в ряде вышеприведенных примеров, у прилагательных со специальным значением это последнее вырастает на основе метафорического переосмысления. В своем основном значении в роли существительных эти прилагательные выступают редко.

«**Красные** были окружены и стали отступать к площади, где в станичном правлении сидел ревком». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Из церкви **молодые** проехали прямо на пароход». (А. Толстой, Мишука Налымов).

Собственное значение качественных прилагательных, подвергшихся субстантивации, сравнительно с относительными прилагательными, проступает всегда очень ярко и четко. Поэтому определения при них, выраженные прилагательными и причастиями, обычно невозможны.

В качестве определения может употребляться лишь местоимение. Например:

— «Да еще **этот вертлявый** насчет векселя...» (А. Толстой, Чудаки).

По той же самой причине рассматриваемые прилагательные свободно выступают в собственной функции, т. е. в роли определения.

Ср.: «Но не гул вешних вод слышал Давид Давидыч в поднявшемся шуме, а голоса всех умерших и **милых»**. (в роли существительного). (А. Толстой, Овражки).

«[Тетушка] перебрала в шкатулке бумажки с волосами **милых** ушедших» (в роли прилагательного). (А. Толстой, Петушок).

«**Родных** у него не было, товарищи скоро забыли его...». (А. Толстой, Клякса).

«А они, четверо, теперь так близки друг другу — ближе, чем самые **родные люди**». (А. Фадеев, Молодая гвардия).

«Аннушка долго рыдала на огороде, отмахивалась от дьячка, думая, что как же ей жить, когда **близкие** так грубо оттолкнули». (А. Толстой, Родные места).

«И ощущение того, что они вынужденно покидают родную землю, **близких людей,** бегут в безвестность... тяжестью лежало на сердце у каждого». (А. Фадеев, Молодая гвардия).

Б. Субстантивированные прилагательные, обозначающие предметы. Группа эта разнообразна в семантическом отношении. Самыми многочисленными внутри этой группы являются местно-пространственные наименования: названия помещений по признаку назначения, названия улиц, сел, городов и т. д.

а) Названия помещений:

«Она поспешно разделась и в одной рубашке побежала в **ванную,** где были свалены дрова, сундуки, рухлядь». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Он повернулся на каблуках, фыркнул носом и выбежал из **столовой».** (А. Толстой, Чудаки). «Матвей Костиевич, недовольный собой, хмуро сминая в больших, поросших темным волосом руках кепку, вышел в **переднюю**». (А. Фадеев, Молодая гвардия). «Аксинья быстро оглядела окна дома и молча пошла в **людскую,** в свою половину». (М. Шолохов, Тихий Дон). «Осип обернулся и словно паук заворочался в костяных навалившихся на него руках

понятых, но веревкой скрутили его плечи, повели в **холодную**». (А. Толстой, Архип). «Переночевав на **въезжей**, он наутро опять пошел в церковь и расспросил дьячка об Оленьке». (А. Толстой, Овражки). «Обойдя **литейную**, Иван Ильич поговорил с литейщиками и формовщиками...» (А. Толстой, Хождение по мукам). «Худым бы кончилось дело, если бы старик тавричанин не догадался, вскочив в **завозницкую**, он выдернул из печи искрящуюся головню и выбежал из дверей». (М. Шолохов, Тихий Дон). «У дверей **весовой** лежал с проломленной головой молодой тавричанин». (М. Шолохов, Тихий Дон). «Так и я не удивился, когда, обеспокоенный, наконец, отсутствием друзей пошел этим вечером в **пивную** напротив и встретил Костю». (А. Толстой, Чудаки).

Все субстантивированные прилагательные рассматриваемой группы являются относительными, большая часть из них подверглась полной субстантивации и выступает в одном родовом варианте: женском.

Нам встретился лишь один пример подобного прилагательного в форме среднего рода.

«Крымзин заглянул в графин. Послушал, как мухи жужжат на окнах, и ушел в **багажное**... В **багажном**, против выхода, на обшитой железом стойке спал служащий». (А. Толстой, Клякса).

Род слова «багажное» целиком обусловлен родом существительного «помещение» (или «отделение»), которое опущено.

б) Названия улиц, сел, станиц и т. д.

«Где-то на **набережной** мокро хлопнули винтовочные выстрелы, отрывисто просек тишину пулемет». (М. Шолохов, Тихий Дон). «Выходим на улицу, — булыжники **мостовой**, омытые дождем, блестят, как черепа лысых чиновников». (М. Горький, Легкий человек). «Дом на **Галерной** был старый, с темной прихожей, со скрипучим паркетом, со старомодной, потертой мебелью». (А. Толстой, Чудаки). «Антошка уезжал на трамвае на **Невский**, в кофейню, где узнавал новости, затем — в редакцию». (А. Толстой, Соч., т. VII, стр. 30—31). «В **Ягодное** приехал Сергей Платонович в полдень». (М. Шолохов, Тихий Дон). «В **Каменскую** они приехали к вечеру 10 января». (М. Шолохов, Тихий Дон). «Но по слухам, какая-то часть упорно сражалась под **Каменском**,

не пропуская немцев на **Лихую**». (А. Фадеев, Молодая гвардия).

В роли локальных наименований субстантивированные прилагательные выступают лишь в одном родовом варианте: род их полностью определяется родом того существительного, которое они заменяют. Например: столовая (комната) — ж. р.; (станица) Глубокая — ж. р.; (село) Ягодное — ср. р.; (город) Каменск — м. р.

Первоначальное значение прилагательного, выражающееся в его признаке (будь то качественное или относительное прилагательное), растворено в значении существительного, поглощено последним. Что касается других семантических рубрик обозначения предмета, то они столь разнообразны, что характеристика их со стороны семантики и условий субстантивации требует рассмотрения каждого случая в отдельности.

Поэтому ограничимся перечислением некоторых более или менее распространенных в языке семантических разрядов субстантивированных прилагательных.

а) Названия блюд, кушаний по содержанию или способу приготовления. «Красавица Дуня лениво повела плечами: «Привезите **сладкого** — сказала она, глядя на небо». (А. Толстой, Мишука Налымов). «И в первые месяцы ее (Аксинью) тошнило от **мясного**, но Григорий не замечал, а если и замечал, то не догадывался о причине, не придавал особого значения». (М. Шолохов, Тихий Дон). «Подали **на холодное** белого поросенка с хреном и со сметаной, потом жирные, очень горячие щи со свининой и гречневую кашу, от которой столбом валил пар». (А. Чехов, Жена).

Как правило, имена данной рубрики имеют форму среднего рода (**заливное, мороженое**) и по значению довольно широки: так, «мясное» означает любое блюдо, приготовленное из мяса или с мясом.

Не исключена возможность, что такого рода наименования послужили переходной ступенью выступления субстантивированных прилагательных в роли отвлеченных наименований.

б) Названия лошадей по масти, по способу упряжки, назначению.

«В коридоре ожидает ее лакей с галунами, а на улице пара **вороных** и сани с медвежьей полостью...» (А. Че-

хов, Ряженые). «**Коренной** хромает, фыркает, вздрагивает и плетется еле-еле». (А. Чехов, Темною ночью).

«**Караковый** поводил синими глазами и рыл яму копытом...» (А. Толстой, Овражки). «Он у меня зябкий: **пристяжных** у саней можно оставить, а **коренной** очень обидчивый, — сказал ямщик». (А. Толстой, Трагик). «И понесло же их из уютных Гнилопят через всю Россию... на **почтовых** в это захолустье к какому-то скучнейшему старику, Илье Леонтьевичу». (А. Толстой, Чудаки). «На подметенной площадке, со следами метлы на земле, едва стоит нетерпеливая тройка **рыжих:** левая **пристяжная** балует, солидный коренник нарыл яму копытами». (А. Толстой, Хождение по мукам).

Данная группа прозрачна по значению. Род субстантивированного прилагательного целиком обусловлен родом существительных «лошадь» (чаще) или «конь» (реже), которые оно заменяет.

в) Название зерновых культур по способу и времени посева.

«В именьице ее, Сосновке, **озимые** засеяны и пар вспахан, — все в порядке». (А. Толстой, Чудаки). «Он осмотрел свои **озимые** и **яровые,** обошел клеверное поле и раза два согнал на опушке куропатку с цыплятами». (А. Чехов, Соседи).

г) Названия органов и частей человеческого тела.

«Сбоку от дороги по зернистому осевшему снегу, поднимался в гору Христоня, хватая **легкими** воздух». (М. Шолохов, Тихий Дон).

д) Названия танцев.

Сапожков Гымзе: «Или тебе нужно, чтобы я **камаринского** плясал, когда его в овраг повели?» (А. Толстой, Хождение по мукам).

е) Название платежей, разного рода документов, в том числе денежных.

[Граф]: «Потом зайдешь в контору, получишь **вольную,** а тетрадь оставишь мне». (А. Толстой, Портрет). «Все лето Архип передохнуть не давал; то скотину загонит, то вывалит из телеги траву, что мужик на барском поле под сиденье себе накопил, и кушак с мужика снимет или шапку — приходи, мол, жаловаться, неси **штрафные».** (А. Толстой, Архип).

ж) Особое место занимают родовые наименования животных, типа «земноводные, насекомые». Источником

их появления в языке служит книжная речь, кальки с греческого и латинского языков[1].

Например:

«Двенадцать потому, что Мазепа заколол двенадцать казаков, петухи же были выбраны как единственное **земнородное,** которого боится нечистая сила». (А. Толстой, Чудаки).

Употребленные в переносном смысле, подобные наименования, несут ярко выраженный экспрессивный характер. Например:

«Муж молчит, прикрывшись газетой — грубое **животное».** (А. Толстой, Клякса).

Интересно отметить, что при описании одежды человека, когда хотят подчеркнуть цвет последней, существительное обычно не употребляется. Здесь возможны два варианта: субстантивированное прилагательное зависит от слова «одетый» или непосредственно определяет лицо, которому принадлежит одежда определенного цвета.

«К плетню подошел мужик, одетый в **новое** и **красное,** без шапки». (А. Толстой, Хромой барин). «Персы-матросы, одетые в **синее,** костлявые, как верблюды, дружелюбно оскалив жемчужные зубы, смотрят на веселую Русь...». (М. Горький, Едут). «Женщина в **белом;** высокая и босая, неслышно подошла ко мне, поставила на край скамьи кувшин, положила краюху хлеба...». (М. Горький, На Чангуле).

Признак, собственное значение прилагательного, выступающего в аттрибутивной функции без существительного, становится особенно ярким, бросается в глаза. Возможно, опущение существительного (если оно имело здесь место) и вызвано стремлением акцентировать внимание на признаке, оставляя в тени, на заднем плане самый предмет.

Рассмотренная группа субстантивированных прилагательных является самой разнообразной по родовым формам и в семантическом отношении.

Основную массу внутри группы составляют относительные прилагательные. Почти все они являются единственными наименованиями определенных предметов,

[1] См. об их происхождении стр. 62 настоящей статьи.

иными словами — значение их строго специализировано. Например:

«Марков опять скомандовал, растягивая **гласные,** — тогда отделилось сторожевое охранение и бегом ушло далеко вперед». (А. Толстой, Хождение по мукам).

Напротив, в качественных прилагательных их собственное значение вырисовывается отчетливо, и в роли существительных они выступают лишь в определенном контексте. Перевес прилагательного над существительным в них всегда налицо.

В. Названия отвлеченных предметов и понятий.

В качестве названий отвлеченных понятий выступают субстантивированные прилагательные в форме среднего рода един. числа. Это — их грамматический признак. Л. А. Булаховский источник появления и распространения этих прилагательных в роли существительных видит в книжной речи, в рационалистических стилях. Привожу полностью его высказывание по этому поводу.

«Специальную категорию субстантивированных прилагательных представляют формы **единственного числа среднего рода,** получающие распространение вместе с ростом слога рассудочного, в беллетристике и поэзии, с моментами «высокой» сентенции и под. Опорой для них были уже особенности традиционного византийского церковного стиля, культивировавшего субстантивированные имена прилагательные как выражение абстрактных понятий...»[1]. Действительно, большая часть подобных прилагательных носит явный оттенок книжности. Например:

«Во всем **близком, понятном** он видел одно **ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное»**. (Л. Толстой, Война и мир). «Удел сердца — печаль, удел жизни — **минутное,** пока не разорвется сердце». (А. Толстой, Яшмовая тетрадь). «В толпе воинственно проплывали золотые погоны. Это был символ всего **старого, уютного,** охраняемого». (А. Толстой, Хождение по мукам).

Однако источником прилагательных среднего рода со значением отвлеченности может быть и разговорная речь, в частности, народные афоризмы. Например, перефразированная писателем народная пословица: «Стекали не-

---

[1] Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Учпедгиз, М., 1954, стр. 293.

торопливые годы. **Старое,** как водится, старилось; **молодое** росло зеленями». (М. Шолохов, Тихий Дон).

Встает вопрос, в каких условиях, каким образом появились прилагательные со значением отвлеченных понятий? А. А. Потебня отвергает опущение существительного как способ субстантивации данной категории прилагательных. И действительно существительное при них вообще невозможно представить, примыслить.

Например:

«Он напоминал мне людей Диккенса, упрямых в **злом** и **добром».** (М. Горький, Клоун). «Наконец, настала воля всему, что в запрете и духоте копилось в ней (России) **жадного,** неутоленного, **злого**». (А. Толстой, Хождение по мукам).

Подобные прилагательные соотносительны с таким широким кругом предметов, явлений, понятий, для которых в языке часто нет общего наименования.

Интересно в этом плане следующее замечание А. М. Пешковского: «Старое старится, молодое растет...». «Старое», например, не обозначает «ни старухи», «ни старика», а обозначает и стариков, и старух, и всю природу — все, что может вообще стариться, независимо от пола»[1].

Общность же какого-либо признака у ряда явлений, понятий, возможность объединения их по этому признаку и позволяют с помощью прилагательного выразить самые различные широкие понятия.

В отдельных случаях субстантивированное прилагательное как будто соотносительно по значению с сочетанием прилагательного с существительным.

Ср.: «Вдыхая ночной запах травы, земли и болотных трав, Николушка вспоминал **давнишнее**». (А. Толстой, Петушок). «Кондратович употребил старое название Ворошиловграда, и из этого Шульга понял, что **дело давнишнее**». (А. Фадеев, Молодая гвардия). Или:

«Весело хлопотали птицы, обильно цвели цветы, бархатное небо наполняло сад голубым сиянием, и в этом блеске весенней радости было бы неприлично говорить о **печальном**» (говорить о **печальном предмете,** на **печальную тему**). (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Близость сравниваемых конструкций по значению не

---

[1] Русский синтаксис в научном освещении, стр. 137.

дает оснований утверждать, что первая из них возникла на базе второй путем опущения существительного. Во-первых, слова «предмет» и «тема» появились в нашем языке сравнительно поздно и являются одно — прямым заимствованием, другое — калькой. Во-вторых, выражения с этими словами несут отпечаток официально делового стиля, использование их в иных стилях не всегда покажется уместным.

Аналогичный пример:

«Маракуев, зорко подмечая **смешное** и **глупое,** говорил об этом Климу». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Ср.: «Подмечать глупые, смешные черты или стороны».

В отдельных случаях можно предположить опущение, но не существительного, а неопределенного местоимения.

Поясним сказанное на примерах.

«Эта чуткая тишина обнажала все видимое, как бы ожидая, даже требуя, чтоб сказано было **нечто** особенно **значительное**». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина). «Только слепой не заметил бы в ней **чего-то нового,** какой-то особой усталой нежности». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Что-то **мужественное** и **вдохновенное** звучит в душе твоей, когда ты, забыв о ночном часе, летишь по страницам их (героев) биографий», (А. Фадеев, Молодая гвардия). «Даша доставила чашку и, обернув светловолосую голову, говорила **что-то удивительное** и смеялась». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Играли не то вальс, не то **что-то ужасно печальное**, улетающее в вечернее небо». (А. Толстой, Мишука Налымов). «Григорий отогнал негожие мысли, но **что-то враждебное,** неосознанное шевельнулось в эту минуту к жене». (М. Шолохов, Тихий Дон).

Анализируя подобные сочетания, акад. Л. В. Щерба пишет: «В таких сочетаниях, как **на сцене появилось нечто воздушное, ничем хорошим не могу вас порадовать,** можно спрашивать себя, что к чему относится: **нечто** к **воздушное, хорошим** к **ничем** или наоборот»[1].

При опущении местоимения — в некоторых случаях такая возможность не исключается — высказывание ста-

---

[1] Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке, Избр. работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1957, стр. 69.

новится более определенным, но в то же время и более широким по значению.

Ср.: «Пришел Степан с полотенцем на голове, **что-то** пробормотал **неразборчивое».** (А. Толстой, Мечтатель). «Долго еще бормотала Степанида Ивановна, под конец совсем **несвязное,** и не заметила, что Сонечка уже лежала ничком, не двигаясь», (А. Толстой, Чудаки).

Или: «А все-таки хотелось жить, видеть **чистое, красивое**». (М. Горький, Герой); ср.: «видеть **что-то чистое, красивое».**

Второе высказывание носит более ограниченный, прикрепленный характер в том смысле, что «видеть чистое, красивое» — значит видеть, искать его повсюду, во всем; «видеть что-то красивое, чистое», — означает «стремиться увидеть красивое в чем-то одном, какое-то одно его проявление».

Из сопоставления видно, что опущение местоимения при прилагательном без ущерба для смысла может совершаться в языке лишь в определенных условиях, а именно: когда явление приурочено к определенной обстановке, условиям, моменту.

Например:

«В этот же миг Пантелей Прокофьевич, услышавший **неладное** [что-то, нечто неладное. — **М. М.**] прыгнул с саней, откатился назад». (М. Шолохов, Тихий Дон).

«Но эта догадка, не обидев его, исчезла, и снова он стал прислушиваться, как сквозь его течет опустошающее, **бесформенное».** (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

По степени выражения отвлеченности субстантивированные прилагательные анализируемой категории условно можно разбить на три рубрики:

1. Прилагательные с наименьшей степенью отвлеченности, представляющие промежуточное звено перехода к подлинно отвлеченным наименованиям.

Сюда можно отнести обобщенные названия предметов и явлений, существующих в действительности, в природе. Например:

«У монастырских ворот стояли заколоченные балаганы для продажи **съестного** во время праздников». (А. Толстой, Чудаки). «Сорвав его (рюкзак) с плеч, он распихал по карманам и за пазуху **содержимое** — полотенце, фуфайку, бутылку с водой...» (К. Федин, Не-

обыкновенное лето). «Все **живое** прилегло, поджалось, притаилось, каждая кочка, каждая ямка стала защитой». (А. Толстой, Хождение по мукам).

2. Названия временных периодов через события, имевшие место в эти периоды.

«Вспомнив, должно быть **старое** генеральша вытянулась на диване». (А. Толстой, Чудаки). «Постепенно воспоминания стирались в памяти, и Аннушка только в часы грусти вздыхала потихоньку о **невозвратном».** (А. Толстой, Родные места). «Всю дорогу до самого хутора Григорий как-то несвязно и бестолково думал о **недавнем,** пытался хоть вехами наметить будущее...». (М. Шолохов, Тихий Дон).

И в первой, и во второй рубриках преобладают относительные прилагательные. Субстантивация неполная: субстантивированные прилагательные могут выступать и в собственной роли.

Однако это обстоятельство не препятствует им в ином контексте иметь свое определение.

Например: «История, **великое прошлое**, исчезает, как туманные завесы декорации». (А. Толстой, Хождение по мукам).

3. Названия понятий философского, морально-этического, морально-оценочного характера. Эта группа субстантивированных прилагательных отличается высшей степенью отвлеченного значения.

Другая ее характерная особенность — связь с внутренним миром человека, миром его мыслей и чувств, субъективного восприятия окружающего и своих собственных переживаний. Примеры: [Сапожков Телегину]: «И воюем мы с тобой за бесконечность против **конечного**». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Здесь кончалось все **живое** и **человеческое**». (А. Толстой, Хождение по мукам). «И тому были предвозвестники: **новое** и **непонятное** лезло из всех щелей». (А. Толстой, Хождение по мукам).

Внутри этой группы самая многочисленная — субъективно-оценочная категория прилагательных: о каком-либо явлении, событии упоминается, сообщается через отношение к нему говорящего, причем, само явление, как таковое, не называется.

«С Растегиным происходило **странное:** едва он выпивал рюмку, она вновь сейчас же наполнялась»... (А. Толстой, Приключения Растегина). «Но **скверное** случилось

после...» (А. Толстой, Чудаки). «Но все же нужно было сообщить сестре все **обыденное** и **обыкновенное**, что больше всего ценят в письмах». (А. Толстой, Хождение по мукам). «Анфиса Петровна обрадованная, что племянник и на этот раз завалился где-нибудь в трещину, жарила ему еду, не переставая размышлять о **важном...**» (А. Толстой, Неверный шаг). «...Василий забыл обо всем, дрогнул и потянулся к теплому комочку **родного, кровного, безобманного»**. (Г. Николаева, Жатва). «Все что было наиболее **здорового, сильного** и **молодого** среди людей, они отдали фронту». (А. Фадеев, Молодая гвардия). «В нем есть стремление к простору, он любит **светлое**, и сам как будто светится...» (М. Горький, Губин).

Невозможность соотнесения подобных субстантивированных прилагательных с определенными и явлениями действительности порождает расплывчатость их предметного значения (слово «предмет» употреблено в самом широком смысле, субстанциальности вообще). На этой почве возникает их сходство с местоимениями (название предмета подменяется указанием на него, часто в форме намека).

В этом плане показателен следующий пример:

«**Это** — **белое** — идет, идет по воде. Остановилось у беседки». (А. Толстой, Мишука Налымов).

Той же причиной объясняется употребление при этих прилагательных в качестве определений неопределенных местоимений. Например:

«Родная сестра, Катя, сделала что-то **страшное** и **непонятное**, черного цвета». (А. Толстой, Хождение по мукам). «...в горячей темноте, гулко, тревожно ударяет сердце, точно скоро, скоро, сейчас, в это мгновение, должно произойти **что-то невозможное»**. (А. Толстой, Хождение по мукам).

Основу, подавляющее большинство субстантивированных отвлеченных прилагательных составляют качественные прилагательные.

Яркость собственного значения качественных прилагательных, возможность его трансформации (метафорического переосмысления) создают предпосылки для роста данной категории субстантивированных имен, особенно в стилях художественной литературы. Изображение вну-

треннего мира героев, их психического склада, восприятия явлений внешнего мира и является одной из главных сторон образного отражения действительности.

* * *

Переход прилагательных в существительные — живой, активный процесс. Однако степень этого перехода прилагательных разных семантических разрядов различна.

1. Наибольшей активностью процесс субстантивации отличается у относительных и притяжательных прилагательных. Именно они составляют основу названий лиц и предметов. В небольшом количестве относительные прилагательные выступают и в роли наименований отвлеченных понятий.

Субстантивация относительных прилагательных носит, как правило, общеязыковой характер: собственный признак в этих именах сливается с предметным значением существительного, так что при них в аттрибутивной функции свободно может выступать другое прилагательное.

2. Качественные прилагательные занимают меньший удельный вес среди субстантивированных прилагательных, сравнительно с относительными прилагательными. Как наименования предметов, они почти не используются, если не считать отдельных топонимических названий, вроде «Милое» (название села).

Качественные прилагательные в роли названий лиц также образуют неустойчивую группу, заменяя существительное лишь в определенном контексте. Численно преобладают качественные прилагательные лишь в значении отвлеченных понятий. Но стилистическая замкнутость ряда таких прилагательных, зависимость от контекста, не позволяет ставить их в один ряд с относительными прилагательными. О неполноте субстантивации качественных прилагательных свидетельствует сохранение яркости собственного значения и невозможность употребления при них в связи с этим других определений, кроме выраженных местоимениями.

3. Основным способом субстантивации прилагательных, выступающих в качестве названий лица и предмета, служит эллипсис.

У прилагательных среднего рода единственного числа, выражающих отвлеченные понятия, этот способ субстантивации не может считаться основным, поскольку эти названия не сопоставимы, не соотносительны с явлениями действительности и предметными названиями.

А. К. КОЧЕТКОВ
Кандидат филологических наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

И в разговорной речи, и в произведениях художественной литературы довольно часто используются устойчивые (фразеологические) словосочетания, назначение которых — придать высказыванию бо́льшую выразительность, эмоциональность, образность, ярче обрисовать предмет, явление, характер человека и т. д.

Проф. Б. А. Ларин в своих «Очерках по фразеологии» совершенно справедливо отмечает, что «фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще в стадии «скрытого развития». Она интересует многих, над нею задумываются, экспериментируют — и стар и млад. В этих опытах она приобретает традицию и характерные черты, но она еще не сложилась, не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов»[1].

Данная работа представляет собою одну из первых попыток осветить в какой-то мере частный вопрос из области фразеологии, а именно, вопрос о структурной и смысловой изменяемости фразеологических единиц в связи с определенными стилистическими задачами, какие ставит перед собой говорящий или пишущий.

Можно говорить о синхроническом и диахроническом изучении сдвигов в структуре и значении фразеологических словосочетаний. Так, фразеологизм **ни в зуб** исторически можно возвести к таким словосочетаниям, как **ни**

---

[1] См. «Ученые записки» ЛГУ, Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 1956, стр. 200.

в зуб толкнуть, ни в зуб ногой и даже — возможно — **ни в зуб ногой толкнуть.** В течение длительного периода развития языка произошла трансформация структуры словосочетания, выпадение некоторых его компонентов.

Вполне возможно, что современное фразеологическое словосочетание **как в воду глядеть** (т. е. как будто узнать заранее — на основании гадания) связано по происхождению с пословицей «В воду глядит, а беду говорит», возникшей еще в те времена, когда верили в ворожбу и гадания. И в данном случае произошла, как видим, трансформация фразеологического словосочетания, которая устанавливается на основе исторического прослеживания его развития.

Остановимся лишь на тех изменениях фразеологических словосочетаний, которые отмечаются в современном русском литературном языке. Как указывает проф. Б. А. Ларин, нельзя ограничиваться изучением фразеологического материала в историческом плане, хотя это важнейшая задача фразеологии. «Вопросы о применении его (т. е. фразеологического материала. — **А. К.**), о судьбах в современном языке, об удельном весе в фонде выразительных средств языка — не менее важны»[1].

Фразеологические словосочетания в большинстве случаев стабильны, т. е. выступают в определенном структурном оформлении, имеют определенное лексическое значение и вступают в определенные синтаксические связи с другими словами в составе предложения. В качестве примеров можно привести такие словосочетания, как **на чем свет стоит, был таков, как пить дать, во чтобы то ни стало, раз плюнуть, дойти до ручки, кот наплакал, на своих двоих, рукой подать** и т. д.

Ведь я же соглашусь! Ведь я же, дурочка, **как пить дать,** соглашусь, если просижу здесь еще пятнадцать минут! (Г. Николаева, Жатва).

Крепко продрогшие за ночь дружинники ругали **на чем свет стоит** «союзничков». (К. Седых, Даурия).

Этот грех **так себе,** пустяшный, отмолить его — **раз плюнуть,** а царь небесный до человеков милостив... (В. Шишков, Угрюм-река).

Заметив недоверие на лице сестры, дед Фишка захо-

---

[1] Б. А. Ларин, Цит. работа, стр. 224.

тел **во что бы то ни стало** убедить ее. (Г. Марков, Строговы).

Да ведь от таких рассуждений и до волчьего закона **рукой подать:** раз я сильный, почему бы мне у слабого кусок не урвать? (Ю. Лаптев, Заря).

— Мы через тысячу рек и оврагов уже прошли. А до Берлина — **рукой подать.** (Иншаков, Боевая молодость).

Подавляющее большинство фразеологических словосочетаний может претерпевать в составе предложения изменения, сводящиеся к тому, что какой-то компонент получает иную грамматическую форму, не влияющую на лексическое значение или эмоционально-выразительные качества словосочетания. Например, **был таков** может выступить в виде **была такова:**

Встречаюсь ли с знакомыми:
Поклон, да **был таков.** (А. Мерзляков, Среди долины ровныя).

Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыр выпал —
С ним **была** плутовка **такова.** (И. Крылов, Ворона и Лисица).

Или — фразеологическое словосочетание **спать и видеть:**

Давно я только **сплю и вижу,**
Чтоб за нее подраться мне. (А. Пушкин).

Мужики теперь **спят и видят,** чтобы казачьи земли себе забрать. (К. Седых, Даурия).

В данной работе будут рассмотрены лишь такие изменения фразеологических словосочетаний, которые в какой-то степени влияют на качество последних.

На некоторые случаи трансформации фразеологических словосочетаний указывает Н. М. Шанский в статье «Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов», где автор в частности говорит: «Фразеологические выражения могут использоваться в определенных стилистических целях как без изменений, так и в трансформированном виде (с иным значением, с обновленной структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими качествами»[1].

Подавляющее большинство фразеологических слово-

---

[1] См. жур. «Русский язык в школе», 1957, № 3, стр. 19.

сочетаний характеризуется образностью, выразительностью; однако многие словосочетания из-за частого употребления утратили первоначальную свежесть и превратились в готовые речевые штампы, часто используемые отнюдь не с целью сделать сообщение более живым и эмоциональным. К таким словосочетаниям можно причислить, например, следующие: **проходить красной нитью, плыть по течению, из угла в угол** (ходить), **скрепя сердце** и пр. По выражению проф. А. Н. Гвоздева, «речевые штампы теряют образность вследствие их привычности, вследствие того, что словесное выражение остается застывшим, примелькавшимся, в него перестают вдумываться»[1].

Чтобы фразеологическое словосочетание стало более выразительным, более «сочным» или чтобы в нем восстановилось прежнее переносное значение (метафора или метонимия), его «оживляют», т. е. таким образом изменяют его структуру или употребляют в таком контексте, что оно перестает быть в данном случае «примелькавшимся», «трафаретным». При авторском видоизменении (трансформации) фразеологического словосочетания происходит:

1) усиление выразительности словосочетания;

2) восстановление переносного значения словосочетания, если это переносное значение утрачено или почти утрачено.

В обоих случаях почти всегда отыскивается то свободное словосочетание, на основе которого, путем переносного употребления, когда-то возникло фразеологическое словосочетание;

3) при трансформации создается юмористический или сатирический колорит высказывания, дается более запоминающаяся оценка явлениям действительности. Сравните замечание проф. Б. А. Ларина: «Поэты и писатели нередко находят применение ходовым метафорическим словосочетаниям и идиомам не в их традиционном составе, а в обновленном виде, для полной ясности их применения к частному случаю или для нового их понимания»[2].

При каждом удобном случае авторы в своих произведениях используют этот прием. Следует подчеркнуть,

---

[1] «Очерки по стилистике русского языка», Изд. АПН, 1952, стр. 71.

[2] Б. А. Ларин, Цит. работа, стр. 221.

что употребление фразеологических словосочетаний, а в особенности использование их в необычном виде — один из стилистических приемов, характерный в разной степени для того или иного автора, для произведения того или иного жанра.

Фразеологические словосочетания чаще встречаем в речи персонажей, в диалоге. В авторской речи, напротив, можно выделить фразеологические словосочетания так называемого «нейтрального» стиля: **оказать услугу, оказать влияние, принять решение, так сказать, как водится** и т. п., т. е. словосочетания с одинаковым успехом употребляемые во всех стилях речи. Правда, совсем иное дело — язык юмористических и сатирических рассказов, стихов, фельетонов: там фразеологические словосочетания пронизывают и диалог, и авторское повествование, потому что автор дает характеристики не только через высказывания своих героев, но и от себя лично, активно вмешиваясь в их отношения.

Рассмотрим основные случаи трансформации фразеологических словосочетаний.

1. Распространение фразеологических словосочетаний другими словами

В одних случаях при распространении фразеологического словосочетания какими-либо словами все словосочетание (значит, и составляющие его компоненты) приобретает более или менее отчетливое переносное значение. Больше того, фразеологическое словосочетание превращается как бы в свободное, в котором каждое слово выступает со своим, присущим ему вне данного словосочетания, лексическим значением. Для подтверждения можно привести отрывок из романа «Тихий Дон» М. Шолохова, где дважды встречается словосочетание **куда глаза глядят:**

— Я тебе вот что скажу, — начал старик сдержанно и раздельно: — Не будешь с Наташкой жить, — иди с базу **куда глаза твои глядят!** Вот мой сказ! Иди, **куда глаза глядят!** — повторил он обычным спокойным голосом и отошел...

Еле сдерживая свое возбуждение, вызванное непокорностью сына, старик Пантелей Прокофьевич ставит условие: или живи с женой, или уходи; но мало сказать

«уходи», и старик прибавляет к речи фразеологическое словосочетание **куда глаза глядят** (т. е. куда угодно, куда хочешь, безразлично куда). В порыве еле сдерживаемого гнева против сына старик усиливает фразеологизм за счет местоимения «твои». Словосочетание сразу стало «прозрачным», каждое слово получило прямое лексическое значение. Немного успокоившись, старик «убирает» местоимение, и словосочетание вернуло свое значение — куда хочешь, на все четыре стороны. Мы не можем уже говорить о «глазах» Григория и о том, что они «куда-то глядят»..

Сравните также следующие примеры:

Как она могла подозревать, что райком будет **ставить какие-то палки в колеса** и вместо сочувствия она встретит здесь что-то вроде нагоняя или строгого выговора! (Г. Матвеев, Семнадцатилетние).

Преступников нужно искать, но с умом, друзья. И уж вовсе не следует **высасывать** дела **из прокурорского пальца.** (Жур. «Крокодил», 1960, № 2, стр. 2).

Безответственностью, обезличкой, отсутствием контроля горемыки-автобусы доводятся до ручки. В том же Ростове списаны несколько десятков машин, преждевременно **сыгравших в ящик (с металлоломом).** (Жур. «Крокодил», 1960, № 35, стр. 4, Я. Дымской, Человек на остановке).

Компоненты фразеологического словосочетания, распространенного за счет других слов, могут оказаться даже в разных предложениях (в главном и придаточном):

Улеглась **густая клеветническая пыль,** которую журналисты **пускают в глаза** зрителям. (Жур. «Крокодил», 1956, № 18, стр. 11, Синявский, Грубая игра).

В данном примере фразеологическое словосочетание «пускать пыль в глаза» не только распространено, но и получило такую дистантность, которая вместе с распространением словосочетания другими словами способствует восстановлению прежних синтаксических связей между словами, т. е. пониманию словосочетания как свободного. При обычном использовании такого понимания не возникает:

Но для видимости, чтоб **пустить пыль в глаза,** они громко запротестовали. (В. Шишков, Угрюм-река).

Интересен пример распространения словосочетания словом, когда-то, по-видимому, являвшимся структурным

компонентом данного словосочетания, но потом выпавшим из него. Нам известно наречие **вполглаза,** фразеологическое словосочетание **одним глазом (глазком)**; можно было бы ожидать, что отыщется и выражение «в два глаза». Но в современном русском языке мы встречаемся с фразеологизмом «смотреть в оба»:

Еще и сам толком не пойму чем, а пришелся по душе. Но **смотреть** за ним **надо в оба**. (Г. Николаева, Жатва).

Распространение словосочетания за счет исчезнувшего компонента ведет, как и в ранее рассмотренных случаях, к раскрытию этимологии словосочетания:

— Во! Марютка! Препоручаю тебе их благородие. **Смотри в оба глаза.** Упустишь — семь шкур с тебя сдеру! (Б. Лавренев, Сорок первый).

Таким образом, при распространении фразеологического словосочетания восстанавливается в какой-то степени первоначальное, послужившее основой для создания его свободное словосочетание; даже примелькавшееся словосочетание звучит как-то по-новому, заставляет вдуматься в его содержание.

В других случаях распространение лишь «освежает» фразеологизм и уточняет его значение, например:

Все насторожились. По-видимому, не только Сергей подумал, что дело **зашло в безнадежный тупик.** (Адамов, Дело «пестрых»). И вот он (г. Михайловский) сидит и **думает свою крепкую думу** над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?» (В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?).

2. Пропуск компонентов словосочетания

Образность и исходное значение фразеологического словосочетания восстанавливаются и в том случае, когда в диалогической речи один из компонентов словосочетания, а не все словосочетание входит в ответную реплику собеседника. Причем, первый собеседник употребляет словосочетание как фразеологическое, а второй иронически или шутливо употребляет его в прямом, буквальном значении. Например:

— Могу назвать тебе добрый десяток городов, где вас **на руках носили бы.**

— Что-то **не носят...** (О. Чорный, Пути творчества).

— Веришь, такая, брат, скучища, ну прямо хоть закрывай глаза и **беги на край света.**

— Зачем **на край света?** — усмехнулся Андрей Иванович. — Можно куда-нибудь поближе. (Костюков, Мученик. Жур. «Крокодил», 1956, № 18, стр. 4).

Сюда же относятся случаи, когда часть словосочетания повторяется во втором предложении, т. е. не обязательно в ответной реплике:

— Пусть Кирилл Аркадьевич придет, **поклонится** мне **в ножки.** И Кирилл Аркадьевич пришел, **поклонился:** — Дорогая, выручайте. У нас Софью в «Горе от ума» играть некому. Нариньяни, Бабушки — невесты. (Жур. «Крокодил», 1956, № 11, стр. 6).

Пошли в строительной **водить** Патапа Максимыча **за нос; водят** день, **водят** другой: ни отказа, ни приказа... (Мельников-Печерский, В лесах).

3. Сокращение фразеологического словосочетания

Фразеологизм может употребляться в контексте вообще без какого-либо одного или нескольких компонентов. На возможность такого применения фразеологических словосочетаний указывает проф. Б. А. Ларин: «В долгом речевом обиходе «излюбленные» выражения утрачивают подробности, укорачиваются, сохраняя лишь самые необходимые элементы, часто — только начало формулы. Привычное, давно известное, всем памятное понимается с полуслова, с полунамека. Первоначальный, нормальный состав речения деформируется, от него остается сигнальный фрагмент»[1].

Но следует заметить, что значение словосочетания полностью сохраняется. Лишь необычность его структуры заставляет читателя остановить свое внимание, вдуматься. Например:

— А что бы ты стала делать?

— Учиться... Я бы стала много учиться.

— Это понятно. Это **в** мой **огород.** (Г. Матвеев,

---

[1] Б. А. Ларин, Цит. работа, стр. 220.

Семнадцатилетние) («в мой огород» — из словосочетания «бросать камешки в чужой огород»).

И пускай в бою впервые,

Но ребята — **свет пройди!** (А. Твардовский, Василий Теркин) (из словосочетания «свет пройди — не сыщешь»).

Сравните употребление словосочетаний **на чем свет стоит** и **как ни в чем не бывало** в обычной форме и сокращенной:

Сидит старуха под окном,

На чем свет стоит мужа ругает. (А. С. Пушкин, Сказка о рыбаке и золотой рыбке).

Сейчас поедем. Коноводы,
Собравшись в кучу у крыльца,
Ругают **на чем свет** погоду
И курят, курят без конца.
(К. Симонов, Дожди).

Но Василий Андреевич, **как ни в чем не бывало,** разгладил усы и улыбнулся. (К. Седых, Даурия).

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик-солдат.
(А. Твардовский, Василий Теркин).

Нет сомнения в том, что в данных примерах мы наблюдаем тот процесс, который привел исторически к появлению фразеологизма «ни в зуб» из более пространного «ни в зуб толкнуть».

Как показывают примеры, такому сокращению во многом способствует поэтическая речь, где требуется краткость и сохранение необходимого ритма. Но это — лишь второстепенная причина. Основная же причина заключается, как уже отмечалось, в способности фразеологических словосочетаний утрачивать «подробности», сохраняя лишь самые необходимые элементы.

4. Замещение компонентов фразеологического словосочетания

Поражает своей неожиданностью употребление вместо привычного компонента фразеологического словосочета-

ния слова, связанного с обстановкой, с действительностью, в которой происходит разговор или развертывается событие.

Замещение производится для создания юмористического колорита высказывания, основанного на неожиданности и необычности; особенно часто этот прием и используется в юмористических произведениях:

По транспортной проблеме пусть высказывается, пожалуйста! Тут ей (лошади), как говорится, **и карты в копыта!** А насчет остального пусть люди думают. (Ленч, Сметой не предусмотрено. Жур. «Крокодил», 1956, № 12, стр. 11).

Бумага, попав в одну инстанцию, перешла в инстанцию другую, потом в третью. Потом **пошла писать губерния, то бишь область.** (Рябов, Почти по Чехову. Жур. «Крокодил», 1956, № 13, стр. 4).

Автостанция. Кассовый зал. Окошко с табличкой «Билетов нет». **Смешались в кучу люди, вещи.** Слышится тяжелое дыхание и легкий треск отрываемых хлястиков и пуговиц. **Пуговице негде упасть.** (Я. Дымской, Человек на остановке. Жур. «Крокодил», 1960, № 35, стр. 4).

Каждый день в Мурманской области не выходили на линию 22 машины, в Кемеровской — 70, в Ростовской — 92 автобуса. Слегка видоизменив известное изречение Людовика XV, руководители многих автохозяйств действуют по принципу **«После нас хоть пешком».** (Я. Дымской, Человек на остановке. Жур. «Крокодил», 1960, № 35, стр. 4).

Сравните также:

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли,
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

(А. Твардовский, Василий Теркин).

Вместо привычного фразеологического словосочетания «во весь опор» — «во весь мотор»:

Газик мчался **во весь мотор.** (Кожевников, Живая вода).

На этот прием указывает и Н. М. Шанский, приводя примеры образования по модели фразеологизмов новых, индивидуальных художественных оборотов: **ваше местоимение** (Чехов; по образцу **ваше благородие**), капитал — **его препохабие** (Маяковский; по образцу **его преподо-**

бие); его сивушество (Салтыков-Щедрин; по образцу **его сиятельство);**[1] Это уже не безобидный юмор, а острая, разящая сатира.

5. Изменение грамматической формы компонента словосочетания

Чтобы «оживить» фразеологическое словосочетание, меняют грамматическую форму одного из компонентов (чаще — стержневого в синтаксическом отношении). Например, идиом **спустя рукава** употребляется в составе предложения подобно наречию — в функции обстоятельства. Это его обычная форма и постоянное употребление. Нельзя сказать «спустя рукав» или «раскрутив рукава» и т. д.

В. Тендряков в повести «Среди лесов» оживляет словосочетание путем замены деепричастия глаголом:

— Почему после войны никакого роста? **Опустили рукава?**

Сравните следующие примеры:

— Но я не могу глядеть **сложа руки...** Загубить парк... Это же не любить ничего, никого, даже детей. (Кожевников, Живая вода).

В течение пятидесяти лет своей жизни она ни разу не отдохнула, **не сложила рук.** (Тургенев, Дворянское гнездо).

Более выразительны и те словосочетания, в которых глагол заменяется отглагольным именем существительным или другой глагольной формой (причастием, деепричастием). Такая замена производится часто:

Исправник, у которого от приближения закуски даже вода подтекла под щеками, потер себе руки тем особенным манером, который обыкновенно предшествует **«вонзанию в себя первой рюмочки»** (Тургенев, Степной король Лир).

Вечером у косой Лукешки в половине Штокмана собирался разный люд: приходил Христоня; с мельницы Валет в накинутом на плечи замасленном пиджаке; скалозуб Давыдка, **бивший** три месяца **баклуши...** (М. Шолохов, Тихий Дон).

Андрея удивил этот непонятный **«уход в себя»** на гла-

---

[1] Н. М. Шанский, Цит. работа, стр. 20.

зах у всего собрания. — Что ж ты медлишь? — тихо спросил он. (Г. Николаева, Жатва).

6. Включение вводных слов в словосочетания

При помощи вводных слов автор останавливает наше внимание на фразеологическом словосочетании, как бы заостряя его значение и усиливая образность в данном контексте. Без вводных слов словосочетание могло бы в некоторых случаях остаться незамеченным, если оно вообще характеризуется частотой употребления. Вводные слова обычно разрывают фразеологизм. Например:

Раньше она **держала** дочь, **что называется, «в ежовых рукавицах»** и следила за каждым шагом, но за последнее время пришлось предоставить ей некоторую свободу. (Г. Матвеев, Семнадцатилетние).

И бедные овечки от голода сотнями стали **отходить, как говорится, в мир иной.** (Куликов, Жур. «Крокодил», 1956, № 23, стр. 7).

Больше того, я прямо заявляю, что его надо привлечь к ответу, дать ему по лапам, **показать** Джексону, **как у нас в России говорят, «кузькину мать».** (Ленч, Покушение Дональда Джексона. Жур. «Крокодил», 1956, № 22, стр. 10).

7. Авторская расшифровка фразеологического словосочетания

Автор может сам давать объяснение тому, на основе какого словосочетания с прямым значением возник данный фразеологизм, расшифровывая его. Причем, словосочетание употребляется сначала с присущим ему значением и структурой, а затем переводится в иную плоскость — от переносного значения к буквальному. Яркий пример встречаем в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»:

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, — так и **сел в лужу.** И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью.

Сравните также:

— А овцы как же? Куда передний баран, туда и все **сломя голову.**

— То-то и есть, Василий Борисыч, что они не захотят, да и мы не пожелаем **головы свои ломать,** — нахмурясь сказала Манефа.

(Мельников-Печерский, В лесах).

— Способны ли вы принять, однако, в расчет, что на том, что вас интересует больше всего, я **сверну себе шею.** Это вас не пугает?

— Собираясь в Потоцк, я как-то **о вашей шее** совсем не подумала.

(О. Чорный, Пути творчества).

— Значит, живем, ребята, **и никаких гвоздей...**

— Ну, это ты напрасно сказал: **в гвоздях теперь большая потребность будет.** (Саянов, Солдатские разговоры. Жур. «Звезда», 1957, № 1, стр. 141).

Близко к такому приему стоит другой, заключающийся в расчленении фразеологизма, когда каждый компонент получает первоначальное прямое значение:

— Самый, значит, последний... Вся цена тому человеку **пятак, да и тот ломаный.**

(Мельников-Печерский, В лесах).

— Да вы сами утром увидите, что строители тут нагородили. Только одни не ходите! — предупредили нас. — А то там **черт — и тот ногу сломит.** (Жур. «Крокодил», 1956, № 11, стр. 11).

Разъяснение фразеологического словосочетания особенно отчетливо в тех случаях, когда сам говорящий (чаще в детской речи) принимает его за свободное. Например, в рассказах Шатрова «Как мы хоронили Ляльку» и «Папа пишет косо» мальчик, наслушавшись разговоров в семье, ведет такие рассуждения:

Другому, чтобы узнать человека, надо сесть с ним за один стол и **съесть целый пуд соли.** Папе **соли** не надо. Он узнает **без соли.** Он посмотрит на человека и скажет сразу, чем тот дышит и что думает. (Жур. «Крокодил», 1956, № 12, стр. 4).

Папа еще долго говорил, а мама слушала и вздыхала, и все боялась, как бы Смузиков **не подложил нам свинью.** Мама всегда чего-нибудь боится. Чем плохо иметь свинью? Ведь у нас в доме нет даже собаки! (Там же).

Все они (папины враги) подкапывались под папу, **рыли** ему **яму**. Папа **знал про яму и старался в нее не попадать**. (Жур. «Крокодил», 1956, № 32, стр. 12).

А мама сказала, что такие маленькие мальчики, как я, не должны во все вмешиваться, всюду совать свой нос. Лучше **держать** свой **язык за зубами.** Странно! **Как будто я держу его в другом месте.** (Там же).

8. Использование фразеологического словосочетания как свободного при описании соответствующей обстановки

Выразительность фразеологического словосочетания значительно усиливается в том случае, когда оно заведомо употребляется как свободное, т. е. в прямом, а не в переносном значении. В некоторых случаях происходит даже совмещение прямого и переносного значений. Например:

Милый мой давным-давно
Опускается на дно,
Не затем, что хуже вас,
А затем, что водолаз.

(Частушка).

Птицеферму **на смех ку́рам**
Чистит Нюра с маникюром.
Не беда, что маникюр,
А беда, что грязь у кур.

(Жур. «Крокодил», 1956, № 12, стр. 2).

Нет, не скоро еще забудет Андриан Кузьмич, как в сорок пятом году **оставила** его Марья Николаевна хотя и **не «на бобах», а все-таки на бобовой культуре — «на горохе»**. (Ю. Лаптев, Заря).

Изготовлявший листы смертоносного «Мухо́мора» председатель артели был добрый человек. О нем говорили: **«Мухи не обидит!»** (Жур. «Крокодил», 1956, № 18, стр. 8).

Забыв о том, что **не подмажешь — не поедешь,** ростовские иллюзионисты (управляющие автохозяйствами) за восемь месяцев нынешнего года израсходовали менее десяти процентов нормы густой смазки. То-то подшипники горят на работе!

(Я. Дымской, Человек на остановке. Жур. «Крокодил», 1956, № 35, стр. 4).

9. Противопоставление двух фразеологизмов

Неожиданный эффект создает противопоставление двух фразеологических словосочетаний или компонентов одного словосочетания, когда наиболее отчетливо проявляется логическая основа, на которой возникло словосочетание. Чаще противопоставляются компоненты двусловных фразеологизмов типа: **вдоль и поперек, ни холодно ни жарко, ни рыба ни мясо**, а также словосочетания со значением длительности действия типа: **спать и видеть, дневать и ночевать** и др. Примеры:

— Ты ему дело, а он чепуху, ты ему **вдоль, а он поперек....**

(Мельников-Печерский, В лесах).

Поодиночке, не толпой,
Руководители кочуют,
Здесь принцип действует простой:
Где днюют, там уж не ночуют.

(Жур. «Крокодил», 1957, № 2, стр. 3).

— **Ноги** моей больше в деревне **не будет...** у меня **рука** в городе.

(Жур. «Крокодил», 1956, № 4, стр. 8).

10. Использование лишь «образа», положенного в основу значения фразеологизма

Трансформация фразеологического словосочетания может пойти так далеко, что от словосочетания остается лишь его «общее содержание или основной образный стержень». По словам Н. М. Шанского, «фразеологического оборота как целостной смысловой единицы при таком употреблении уже нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать и иметь в виду общенародный фразеологизм в том значении и структуре, с какими он употребляется в языковой системе»[1].

Достаточно привести примеры трансформации словосочетаний **напиться до зеленого змия, переливать из пус-**

---

[1] Н. М. Шанский, Цит. работа, стр. 21.

того в порожнее, толочь воду (в ступе), как белка в колесе, отмеченных в жур. «Крокодил»:

Возвращаясь с юбилейного банкета, гражданин Некиев почувствовал необходимость в чьей-то поддержке. Во дворе дома № 5 он доверчиво обнял тоненькую липку, заботливо посаженную детворой. Короткая схватка «зеленого змия» с «зеленым другом» завершилась шумом нескладно падающего тела и жалобным, предсмертным стоном липки. Увенчав трехвершковый остаток деревца шляпой, гражданин Некиев уснул на месте совершенного злодеяния. (1960, № 23, стр. 5).

Другой пример. В заметке идет речь о том, что западные делегаты в Комитете по разоружению саботируют вопрос о разоружении, предлагают создать новые комитеты по изучению старых архивных документов. В основу положен, по словам «Крокодила», строго научный принцип: «Пожуем мочало и начнем сначала». И «Крокодил» публикует «Торжественное уведомление»:

Желая достойно отметить выдающиеся достижения в области бесплодных словопрений по вопросу о разоружении, «Крокодил» постановляет присвоить следующие малопочетные звания ветеранам болтовни о разоружении:

1. Мистеру Уорсвордту (США) — звание лауреата премии Сообщающихся сосудов **(пустого и порожнего).**

2. Сэру Ормсби-Гору (Великобритания) — звание рыцаря **Толченой воды.**

3. Месье Жюлю Моку (Франция) — звание кавалера **Беличьего колеса.**

Крокодил постановляет также присвоить упомянутым лицам право ношения соответствующих нагрудных знаков, орденов и медалей, проект которых прилагается. («Крокодил», 1960, № 35, стр. 11).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что фразеологические словосочетания, несмотря на свою «стабильность», могут допускать самые разнообразные изменения в структуре, значении и употреблении, обусловленные определенными стилистическими задачами.

Основное назначение необычного использования фразеологических словосочетаний состоит в том, чтобы «создать всякого рода художественно-стилистические эффекты», сделать словосочетание более выразительным, восстановить его прежнее образное значение, если оно со- временем уже утрачено.

О. В. ШАВКУНОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ ОСНОВОЙ

(На материале незамкнутых устойчивых фраз)

Во фразеологическом составе русского языка особую группу образуют предикативные фразеологические единицы, т. е. фразеологизмы в той или иной степени соотносительные по структуре и функционированию со свободно организованными предложениями. Эта группа не является однородной по своим конструктивным особенностям. С точки зрения возможностей включения в рамки предложения каких-либо новых членов здесь могут быть намечены два разряда фразеологических единиц:

1. Фразеологизмы-предложения с закрытой структурой. Они вводятся в контекст как вполне законченные в структурном и смысловом отношении и не нуждаются в распространении путем включения новых слов. По своим семантическим особенностям, а также по характеру синтаксических отношений внутри фразеологизма, фразеологические единицы данного разряда неоднотипны. Сюда могут быть отнесены: пословицы, часть поговорок, устойчивые единицы, постоянно употребляемые в составе сложного предложения на правах его части (**как бы то ни было; если на то пошло; где это видано, чтобы...** и т. п.), нечленимые фразеологизмы-предложения междометного и модального характера: **держи карман шире; что и говорить; час от часу не легче; как бы не так; была не была; чем черт не шутит; вот так клюква; чудеса в решете** и др.

2. Предикативные фразеологические единицы, которые представляют собой основу предложения определенного типа и свое окончательное оформление получают только в контексте, в связи с тем, что дополняются, как правило, теми или иными более или менее свободно включаемыми членами предложения. Такие фразеологические единицы можно назвать предикативными фразеологизмами с незакрытой, незамкнутой структурой, или «незамкнутыми устойчивыми фразами»[1] (душа не лежит, голова идет кругом, море по колено, губа не дура, сам черт не брат, туда и дорога, вынь да положь, дух захватывает, пороху не хватает, и горюшка мало, уши вянут, песок сыплется, днем с огнем не найдешь, закон не писан и т. п.).

Первый и второй разряд предикативных фразеологизмов (т. е. фразеологизмы замкнутые и незамкнутые) по своим грамматическим особенностям существенно отличаются друг от друга, но непроходимой границы между ними нет. Связь между ними прослеживается, во-первых, в генетическом плане (с течением времени фразеологизмы с незамкнутой структурой могут превращаться в замкнутые и наоборот), и, во-вторых, в плане их современного употребления, поскольку некоторые фразеологические единицы, обычно употребляемые как предложения с закрытой структурой, в отдельных случаях допускают включение каких-либо новых членов.

Каковы же важнейшие особенности функционирования предикативных фразеологизмов незамкнутого типа? Как уже указывалось выше, незамкнутые устойчивые фразы представляют собой как бы основу, костяк предложения, причем полное оформление такого предложения происходит в речи.

Следовательно, предложения, оформившиеся на базе таких фразеологических единиц, включают как элементы фразеологически связанные, устойчивые, воспроизводимые, так и элементы более или менее свободно включаемые в ткань предложения.

Члены предложения, дополняющие фразеологизм в каждом конкретном случае его употребления, неодина-

---

[1] Данный термин обосновывается в статье В. Л. Архангельского «Заметки о синтаксическом аспекте в изучении русской фразеологии». Учен. зап. Таганрогск. пед. ин-та, в. 6, Таганрог, 1958, стр. 3—37.

ковы по своей роли и удельному весу в семантике и структуре предложения. Одни из них очень тесно связаны с фразеологической частью предложения, они существенны и важны как для раскрытия содержания фразеологического выражения, так (в большинстве случае) и для реализации конструктивных возможностей входящих в него компонентов. Они отличаются и большей стабильностью своего употребления и формы, иначе говоря, являются типичными, характерными для данной фразеологической единицы и, как правило, сопровождают фразеологизм в процессе его функционирования в речи. Другие члены предложения менее тесно связаны с семантикой фразеологизма и грамматическими свойствами его компонентов, они не закреплены за той или иной фразеологической единицей, а включаются в ткань такого фразеологизированного в своей основе предложения на тех же основаниях, что и в любое свободно организованное предложение, в зависимости от содержания контекста, от целей высказывания.

Итак, в предложениях, возникающих в речи при реализации незамкнутых устойчивых фраз[1] (или, иначе сказать, незамкнутых предикативных фразеологизмов), можно выделить следующие конструктивные элементы, из которых формируется предложение в каждом конкретном случае его употребления:

1) фразеологизированную основу предложения,
2) обусловленный член (или члены),
3) свободные члены.

Охарактеризуем вкратце каждую из этих категорий. Термином **«фразеологизированная основа предложения»** мы считаем возможным обозначить совокупность всех лексических компонентов, определяющих структурные особенности предложения и обладающих свойством воспроизводимости, т. е. постоянных лексических компонентов. Это постоянство, устойчивость лексических компо-

---

[1] По отношению к тем конкретным предложениям, которые формируются на основе незамкнутых предикативных фразеологических единиц, применение термина «незамкнутая устойчивая фраза» было бы не совсем точным, так как подобные предложения включают в свой состав, помимо элементов фразеологически связанных, воспроизводимых, элементы более-менее свободные, невоспроизводимые (или воспроизводимые лишь частично, в своих грамматических связях).

нентов фразеологизированной основы предложения являются в известной степени относительными, поскольку, как показывают примеры, отдельные компоненты могут варьироваться, т. е. заменяться словами, близкими к компонентам фразеологизма по своей лексико-грамматической природе. Можно было бы привести многочисленные примеры такой замены, ограничимся несколькими: Ренева. И я уверена, что с ним **пива** не сваришь... (А. Островский, Светит да не греет).

— Нет, — сказала Инга, — с таким мужем **каши** не сваришь. (С. Нариньяни, Рядом с нами).

— Что ж, имеет мнения, иногда верные, иногда нет. — Это «имеет мнения» звучит как похвала. — Лучше, чем какой-нибудь ватный, неопределенный, с которым не сваришь **ни войны, ни дружбы.** (Знамя, № 11, 1961, стр. 108).

Говоря о синонимической замене компонентов фразеологизированной основы, следует иметь в виду, что во фразеологических единицах наблюдаются не совсем тождественные случаи замены, подстановки компонентов:

1) Компонент может заменяться собственно синонимом, в точном терминологическом значении этого слова, например:

Лес да вода — и глазом **не окинешь.** (С.-Щедрин, Ворон-Челобитчик). В наших местах луга такие: конца-краю не видно, глазом **не обведешь**[1]. (Григорович, Пахотник и бархатник). Или: У тебя **на голове** хоть кол теши... ты все свое. (Ф. Панферов, Бруски). Который понимающий человек, ему замечание одно, а который с приглупостью, мама уронила, тому хочь кол застругай **на башке.** (Серафимович, Со зверями).

2) Компонент может заменяться такой единицей, которая не является синонимичной ему с точки зрения лексической системы данного языка. Такой компонент может быть назван синонимичным только условно, учитывая, что эта своеобразная синонимичность, не свойственная свободной лексической единице, с которой соотносителен данный компонент по своему происхождению, создается в составе фразеологизма в связи с тем, что указанные синонимичные компоненты одинаковым образом участвуют в оформлении смыслового содержа-

---

[1] Сравн. показания словарей, например: **Обвести,** 2. Кого-что. Оглядеть, **окинуть** взором, Слов. под ред. Д. Н. Ушакова, т. 2, 614.

ния и структуры фразеологической единицы: **пива** не сваришь — **каши** не сваришь; **снегу** не выпросишь — **льда** не выпросишь; бабушка надвое **сказала — ворожила** и т. п.

В этом отношении подобные компоненты — синонимы могут быть сопоставлены с контекстуальными синонимами, которые могут возникать в сфере свободных лексических средств языка (например: «Хозяйка вышла, и он (Чичиков) тот же час поспешил раздеться, отдав Фетинье всю стянутую с себя **сбрую,** и Фетинья, пожелав так же со своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые **доспехи»**. (Гоголь, Мертвые души). Их объединяет то обстоятельство, что и те и другие образуются в контексте; первые в контексте фразеологической единицы, вторые — в контексте предложения (или в более широком контексте), и обусловлены смыслом этого контекста.

Но помимо сходства, у них наблюдается и различие: контекстуальные синонимы всегда индивидуальны; заменяющие компоненты (на это было обращено внимание С. Г. Гавриным[1]) могут быть общеупотребительными, общенародными (**каши** не сваришь, **пива** не сваришь, конца-краю **нет, не видно; хлебом, кашей, медом** не корми и т. п.) и индивидуально-авторскими (не сваришь **ни войны ни дружбы, халвой** не корми[2] и т. п.).

Фразеологизированная основа предложения может быть нераспространенной, в таком случае она состоит из главного члена односоставного предложения или предикативного сочетания двусоставного предложения. Например: **хоть выжми, вынь да положь, хоть ложись да помирай, ищи-свищи, не сдобровать** и т. п. Или: **песок сыплется, слюнки текут, уши вянут, лед тронулся, ноги подкосились, руки опускаются, свет не мил, губа не дура, взятки гладки, руки коротки, кишка тонка** и т. п.

Но во многих случаях фразеологизированная основа бывает распространена другими компонентами, которые генетически являются второстепенными членами предложения (это особенно характерно для фразеологических

---

[1] С. Г. Гаврин «К вопросу о постоянстве лексического состава фразеологических единиц». Уч. зап. Пермск. гос. пед. ин-та, в. 25, Пермь, 1960.

[2] И до чего же все любят командовать, **халвой** не корми. (Б. Бедный, Девчата).

единств и сращений[1]). В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры фразеологизмов: хоть **пруд** пруди, **язык** проглотишь, **пальца в рот** не клади, **днем с огнем** не найдешь, **маковой росинки во рту** не было, **отбоя** нет, не сносить **головы.** Или: свет **не клином** сошелся, душа **в пятки** уходит, голова пошла **кругом,** искры **из глаз** посыпались, гора **с плеч** свалилась, мороз **по коже** дерет, **на сердце (на душе)** кошки скребут, зуб **на зуб** не попадает, камень **с души** свалился, каша **во рту** застыла, смешинка **в рот** попала и т. д.

Вторым конструктивным элементом в составе оформившегося на базе незамкнутой устойчивой фразы предложения выступает **обусловленный член** предложения. Этим термином мы считаем возможным обозначить такие элементы предложения, которые являются характерной принадлежностью оформления его структуры и играют первостепенную роль в раскрытии содержания фразеологизма, но не относятся к числу компонентов фразеологизированной основы, так как они имеют значительное более широкие возможности варьирования.

Иначе говоря, устойчивостью, воспроизводимостью в данном случае отличается только форма, а лексическое содержание ее более-менее свободно. Таким образом, обусловленный член является типичной принадлежностью не только определенного, конкретного предложения с фразеологизированной основой, но (в своей грамматической форме) и самой фразеологической единицы незамкнутой структуры, он является неотъемлемой стороной ее конструктивной характеристики.

Вариантные возможности обусловленного члена в отношении его формы неширoки, например: ... **о нем** не было ни слуху ни духу (Григорович, Переселенцы). **Про Танюшку** с той поры в нашем заводе ни слуху ни духу. (Бажов, Малахитовая шкатулка). Или: След его простыл, а жена в ответ на вопросы только выла. (К. Федин, Костер). Селезень спал не больше трех минут. Но когда он поднял голову и стал искать глазами подругу, **от нее**

---

[1] С точки зрения семантических особенностей незамкнутые устойчивые фразы могут быть соотнесены с теми типами фразеологических единиц, которые намечены в работах акад. В. В. Виноградова, см. по данному вопросу указ. статью В. Л. Архангельского «Заметки о синтаксическом аспекте в изучении русской фразеологии».

и след простыл. (сб-к Наша охота, стр. 24. Лениздат, 1959 г.).

В отличие от компонентов фразеологизированной основы, обусловленный член предложения **всегда** выполняет самостоятельную синтаксическую функцию в предложении, свободно вступая в связь с другими членами предложения. Приведем примеры в контексте. Обусловленный член будем выделять подчеркиванием:

— А вот погодите, горлопаны: достанется **всем** на орехи. (М.-Сибиряк, Самородок). То-то и видно, что не жаловался (шофер) — **на машине** живого места нет. (Б. Каспаров, Романтическая история). **Работы и трудностей** край непочатый... (Е. Долматовский, Добровольцы). **С него, голяка,** взятки гладки, а наших тут 80 тысяч ухлопано. (Скиталец, Кузнец). ...**Сашку Веретенникова** голыми руками не возьмешь. (Ю. Крон, Офицер флота). ...был такой случай: весной иду по полю, «ЧТЗ» стоит, работает вхолостую, а **тракториста** и **прицепщика** и в помине нет. (Шолохов, Слово о Родине). Вытаскивая из экипажа вещи, Корляков смекнул, что **у барина** не густо в кармане... (Мамин-Сибиряк. Самородок).

Обусловленный член не является конструктивным элементом, обязательно сопровождающим каждую фразеологическую единицу незамкнутой структуры. Имеются фразеологизмы, способные дополняться в речи, но не имеющие **типичного** дополняющего члена, т. е. обусловленного члена предложения: «...а не забежит волк, или не наступишь случайно на гуся, или не наткнешься как-нибудь, купаясь, на щуку, не поймаешь ее рукой за жабры, не продашь — **тогда** хоть ложись да помирай...». (Г. Успенский, Новые времена, новые заботы. (Неизлечимый).

В ряде случаев фразеологическая единица может иметь не один, а два обусловленных члена: **клином не вышибешь, клещами не вытянешь (чего из кого); нельзя отнять (чего у кого).**

Примеры в контексте: Всю эту музыку нелегко будет разобрать, потому, что **с** наших **рыбаков** клещами **слова** не вытянешь. (В. Закруткин, Плавучая станица). Миловзоров... **Скромности у ней** (Кручининой) отнять нельзя. (А. Островский, Без вины виноватые).

Какую синтаксическую функцию выполняет обуслов-

ленный член в составе предложения? Наиболее часто в качестве обусловленного члена выступают дополнения, прямые и косвенные (с предлогами и без предлогов). При наличии во фразеологизированной основе предложения глагольного компонента, форма обусловленного члена, как правило, является реализацией одной из возможных для данного глагола связей управления, но не всегда самой типичной. Например, для таких фразеологизмов, как **калачом не заманишь, на кривой не объедешь, вынь да положь, хлебом не корми, с собаками не сыщешь, водой не разольешь** и т. п..., обусловленным членом является прямое дополнение, которое, как известно, наиболее тесно связано с глаголом, а во фразеологизмах типа: **шубы не сошьешь** (из чего), **пальца в рот не клади** (кому), **хоть пруд пруди** (чем) и др., прямое дополнение составляет один из компонентов фразеологизированной основы, а в роли обусловленного члена выступают различные формы косвенных дополнений.

Таким образом, в категории обусловленного члена закрепляется, как правило, лишь одна (реже — две) из возможных связей, свойственных данному глаголу в его свободном употреблении, причем необязательно самая для него характерная. Выбор такой связи обусловлен семантикой фразеологического выражения.

Обусловленный член может выполнять роль дополнения и в том случае, если фразеологизированная основа не содержит глагольного компонента, например: **ума палата** (у кого), **море по колено** (кому), **семь пятниц на неделе** (у кого), **грош цена** (чему); или: **цены нет** (чему), **отбоя нет** (от кого), **лица нет** (на ком), **в заводе нет** (чего) и т. п.

Значительно реже обусловленный член выполняет функцию определения. В качестве примера можно привести следующие фразеологизмы: **плакали** (чьи) **денежки; песенка** (чья) **спета; чтобы ноги** (чьей) **не было,** (у кого или где); **дни сочтены** (чьи) и т. п.

Несколько примеров в контексте: 1. Залешин. Вы не переменились, пожалуй еще лучше. Ренева. Может быть, но и **моя** песенка тоже спета. (А. Островский, Светит, да не греет). 2. Любовь. Ненадолго... Все равно **их** песня спета (о белогвардейцах). (К. Тренев, Любовь Яровая). 3. Теперь Привалов и сам верил, что дни **Половодова** окончательно сочтены; оставалось только вос-

пользоваться этим обстоятельством. (М.-Сибиряк, Приваловские миллионы).

При определении обусловленного члена подход к каждой фразеологической единице должен быть индивидуальным. Сравним следующие три предложения: 1. **Не нашего** ума с вами дело, Захар Касьяныч. (Серафимович, Город в степи). 2. Капитализм разваливается у всех на глазах. Все понимают, что **их** песенка спета. (И. Эренбург, Люди, годы, жизнь). 3. А я бы ей: «Полноте, Кисочка, да я бы первый с наслаждением похитил вас!» И так далее в таком роде, и в конце концов дело **мое** было бы в шляпе. (Чехов, Огни).

В каждом из этих примеров имеется притяжательное местоимение, но их роль в предложении неодинакова. В первом примере местоимение не является самостоятельным членом предложения, а входит в качестве неотделяемого компонента во фразеологизированную основу, во втором примере местоимение является обусловленным членом предложения — определением, и, наконец, в третьем — местоимение выполняет роль определения, но является не обусловленным, а свободным членом предложения.

В единичных случаях в роли обусловленного члена могут выступать обстоятельства: Бессердечные вы люди, временщики! **После вас** — хоть потоп. **После вас** хоть трава не расти. (С. Бытовой, Зимняя радуга).

Третьим конструктивным элементом предложений, структурной основой которых выступает фразеологизм, являются **свободные** члены предложения. К свободным мы причисляем такие члены, которые менее тесно (и в семантическом и в грамматическом плане) связаны с фразеологизированной основой предложения, не закреплены в определенной форме за той или иной фразеологической единицей, а включаются в предложение в связи с потребностями контекста. Они, следовательно, более факультативны по своему употреблению сравнительно с обусловленными членами. Свободными членами могут быть обстоятельства, дополнения и определения. Рассмотрим на примерах:

1. Я и то гляжу, на вас сегодня лица нет. (Михалков, Раки) (Свободный член — обстоятельство времени).

2. Как набоишься дома, так и **за границей** небо с ов-

чинку покажется. (М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом) (свободный член — обстоятельство места).

3. Просто у меня **с горя** ум за разум зашел. (Чехов, Тайный советник) (свободный член — обстоятельство причины).

4. Между матерью и дочерью **сразу** пробежала черная кошка. (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина). (свободный член — обстоятельство образа действия).

5. Он пришел ко мне, — я его просто не узнала: **совсем** лица нет. (В. Вересаев, Порыв) (свободный член — обстоятельство меры и степени).

6. Прежде только и свету в окне, что горные инженеры, а нынче — шалишь, пороху **супротив других** не хватает. (Мамин-Сибиряк, «Все мы хлеб едим...») (свободный член — дополнение).

7. Всякое будет еще в его жизни, а он вбил себе в голову, что на **неказистой** Тосе свет клином сошелся. (Б. Бедный, Девчата.) (свободный член — определение).

Свободный член предложения, например, определение, может относиться к другому свободному члену, к обусловленному члену и (в более редких случаях) к одному из компонентов фразеологизированной основы предложения (примеры даем в порядке следования посылок):

1. У нас в **рыбном** хозяйстве непочатый край работы, лишь бы желание и уменье были. (Закруткин, Плавучая станица).

2. Вынь да положь **боевой** успех. (Ю. Крон, Офицер флота).

3. А это значит, что они (солдаты) пришли в Заречную часть города, в рабочую слободу, где жили тульские оружейники и куда господ офицеров **никаким** калачом не заманишь. (Н. Брыкин, На восточном фронте перемены).

Итак, для предложений, представляющих собой реализацию в конкретных условиях языкового общения незамкнутых устойчивых фраз, типичными являются такого рода построения (фразеологизированная основа предложения в примерах подчеркнута одной чертой, обусловленный член предложения — двумя, свободные члены — пунктирной линией): Это золотой голос! Сторублевый голос! Цены нет твоему голосу! (Скиталец, Октава).

К сожалению, из одних комплиментов шубы в наше вре-

мя не сошьешь. (Куприн, Юнкера). Тайга рядом, охота золотая. Строителю в тех местах дорожки не заказаны. (Нева, № 6, 1961, стр. 143). — Ха. лес... Строительный материал, до которого не дошли еще руки. (В. Клипель, Попутчики). И это он чувствует и все за мной ходит, не отстает, и нас теперь водой не разольешь. (Чехов, В овраге). У твоего отца, видно, губа не дура. (Тургенев, Отцы и дети). Но в войне на одной бравой выправке далеко не уедешь. (М. Шолохов, Они сражались за Родину).

Следует отметить, что граница между обусловленными членами и свободными не всегда может быть проведена с достаточной четкостью и определенностью. По нашим наблюдениям, с меньшим основанием в категорию обусловленного члена могут быть отнесены случаи, когда в равной мере для члена предложения возможна и функция определения и функция дополнения (с соответствующим изменением формы): 1. Голова **моя** шла кругом... Кажется, я не соглашался. (А. С. Пушкин, Выстрел). 2. Грузятся сразу две дивизии... **У всех** голова кругом идет — и пушки надо погрузить, и боеприпасы, и лошадей, и людей не растерять. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда). Или: 1. (дъячиха)... так стукнула его локтем в переносицу, что из глаз **его** посыпались искры. (Чехов, Ведьма). 2. Сомов. **У тебя** искры сыпались из глаз? — Костров. Сыпались, Алексей Николаевич. (Н. Погодин, Моль).

Очевидно, здесь наблюдаются явления переходного характера, сравн. конструкции, где такие варианты невозможны: **ума палата** (у кого), **губа не дура** (у кого) и т. п. Не исключены также случаи переходности между компонентом фразеологизированной основы и обусловленным членом, с большей или меньшей степенью приближения к той или другой категории. Все же, несмотря на известные трудности в определении для отдельных групп фразеологизированных в своей основе предложений, границы между категорией обусловленного члена и свободного, а также границы между обусловленным членом и компонентом фразеологизированной основы, сам факт разделения включаемых в их структуру членов

предложения на эти два разряда не подлежит сомнению. В большинстве случаев граница может быть намечена с неоспоримой точностью.

Для изучения синтаксических отношений внутри предложений, структурной основой которых выступает фразеологизм, выделение категории обусловленного члена в отличие от свободных членов предложения является существенно важным моментом, поскольку, как мы полагаем, такое изучение может проводиться только на основании учета взаимоотношений всех трех конструктивных элементов предложения. Выделение категории обусловленного члена важно и в общеязыковом плане, для установления тенденций в развитии незамкнутых предикативных фразеологических единиц, тенденций переоформления их структуры и изменения их синтаксических функций в строе предложения.

По вопросу о сущности отношений и связей между отдельными компонентами фразеологических единиц нет единства мнений. Точки зрения высказываются различные, а нередко и диаметрально противоположные. В пределах настоящей статьи мы не имеем возможности проанализировать высказывания различных авторов по данному вопросу, оговоримся только, что нам представляется наиболее соответствующей действительному положению вещей точки зрения Ю. Р. Гепнера, который констатирует: «...фразеологические связи могут вступать в противоречие с синтаксическими. Внутренняя цельность общего значения может сочетаться с синтаксической раздельностью элементов, создающих эту цельность...»[1] и, кроме того, утверждает первостепенное значение контекста для решения проблемы грамматического анализа фразеологических единиц. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с мнением И. А. Каншина, который в статье «Выражение членов предложения неделимыми сочетаниями слов»[2] пишет: «Среди фразеологизмов — идиом, фразеологических единств и фразеологических сочетаний встречаются цельные предложения, в которых по формальным признакам налицо оба главных члена, но по смыслу

---

[1] Ю. Р. Гепнер, Очерки по общему и русскому языкознанию. Харьков, 1959, стр. 172.

[2] См. Ученые записки Башкирск. пед. ин-та, в. 5, сер. филолог, № 1, 1955, стр. 113—114.

выделить их невозможно, так как сочетание подлежащего и сказуемого имеет такое значение, которое не вытекает, не складывается из их значений в отдельности.

Такие нерасчленимые главные члены предложения выступают как развернутые и застывшие речевые единицы в роли **эквивалентов отдельных слов категории состояния и, следовательно, в роли сочетательных главных членов (сказуемых безличных предложений)»** (подчеркнуто нами. — **О. Ш.**). И далее: «В предложениях этого типа... могут выделяться второстепенные члены предложения, поясняющие собой член предложения, выраженный фразеологическим сочетанием слов. Свободная синтаксическая связь таких второстепенных членов предложения легко определяется путем замены одного второстепенного члена другим, в зависимости от содержания предложения. Примеры: ему **море по колено,** для него **лиха беда начало,** у меня **душа не лежит** к нему, у меня **сердце падает,** у него от этого **мороз по коже подирает,** у меня **кошки скребут на сердце, бог его знает, кончен бал, кривая вывезла, темна вода в облацех».**

Полагаем, что при определении типа предложения у фразеологизмов незамкнутой структуры нельзя руководствоваться только анализом значения, смысла фразеологизма, поскольку это значение необязательно влечет за собой и адекватное ему синтаксическое употребление[1], а именно этот критерий и является, по-видимому, единственным у И. А. Каншина.

Помимо учета семантических свойств фразеологической единицы, необходимо принимать во внимание и ее структурные особенности, которые проявляются в строе предложения, в частности, связи фразеологизированной основы с обусловленными членами (а в ряде случаев и со свободными членами, но близкими по своей роли к обусловленным, или просто со свободными членами). Сравним: 1. **Денег** у него — хоть пруд пруди. (Сл. под ред. Д. Н. Ушакова, т. 3, 10507). 2. А, говорят, **рублями** — пруд пруди. (Сл. совр. русск. лит. яз. изд. АН СССР, т. 11, 1571).

И в том и в другом случае содержание предложений одно: **рублей много, денег много,** но если первое предложение можно считать односоставным безличным, то вто-

[1] Такое употребление может еще только намечаться в отдельных контекстах.

рое, на наш взгляд, не может квалифицироваться иначе как односоставное обобщенно-личное, хотя фразеологизированная основа его и выступает нечленимой; в противном случае обусловленный член в форме творительного падежа оказывается несовместимым со структурными возможностями соответствующей (в семантическом отношении) группы безличных предложений. Данное положение может быть подтверждено и на примерах фразеологизмов, приводимых в статье И. А. Каншина. Если допустимо считать безличными предложения типа **море по колено** (кому), так как здесь форма обусловленного члена не противоречит возможным грамматическим связям слов категории состояния (которые являются синонимами фразеологизма в лексическом плане), то такая характеристика явно неприложима к фразеологизмам типа **мороз по коже подирает, душа не лежит** и т. п. Сравн. в контексте: Черт выскочил из него (мешка) и сел верхом ему (кузнецу) на шею. — Мороз подрал по коже **кузнеца;** испугавшись и побледнев, не знал он, что делать. (Гоголь, Ночь перед рождеством). Мороз подирал по коже **Петушкова**. (Тургенев, Петушков). А потом так глянула прищуренными глазами, что мороз пробежал по спине **Никиты.** (С. Голубов, Сотворение века). Или: ...анти-драматическим показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном: Иоанн не сохраняет своего величия. Сердце **Ваше** не лежит к Иоанну. (Сл. яз. Пушкина, т. 2, 465). Не лежало к этим людям сердце **его,** стал он смотреть, как бы подобру-поздорову да прочь от них. (Мельников-Печерский, В лесах). Но не лежит **его** сердце к тебе. (И. Лазутин, Сержант милиции). Многие из них знали Анюту, но не здоровались. **Тревожные** сердца **их** не лежали к этой девушке. (С. Голубов, Сотворение века).

Как могут быть осмыслены подчеркнутые в текстах члены в плане структуры безличного предложения со словами категории состояния (синонимичными указанным фразеологическим единицам) в роли главного члена? Очевидно, подобные предложения не следует относить к безличным; несмотря на воспроизводимость компонентов фразеологизированной основы, вследствие чего синтаксические отношения между ними не выступают как активно действующие, включение обусловленных и свободных членов во многих случаях способствует вы-

явлению основных грамматических свойств фразеологизма, а именно осмыслению типа предложения (двусоставное или односоставное соответствующего разряда), структурной основой которого он является. В определенных же контекстуальных условиях синтаксические связи и отношения между компонентами фразеологизированной основы вообще проявляются как живые, активные и фразеологизированная основа предложения вполне отчетливо обнаруживает свойство синтаксической членимости. В этом можно убедиться на следующих (помимо приведенных выше) примерах, где фразеологизированная основа предложения выступает членимой (полностью или частично):

I. Ахов. Какие такие у тебя права, коли ты мальчишка, и **вся цена тебе грош?** (А. Островский, Не все коту масленица). Круглова... Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, **вся цена ему грош.** (А. Островский, Не все коту масленица). **И вся-то цена ей** (артистке) — **расколотый грош**, а уж умела угодить публике... (Мамин-Сибиряк, Гроза). ...нет, нынче везде тонкость пошла: **другому вся цена,** ей-богу, **полтина на ассигнации,** а глядишь, он водкой занялся, торговые бани открыл, номера с арфистками. Нет, не прежние времена! (Мамин-Сибиряк, «Все мы хлеб едим...»).

II. Генерал кивнул: — «Понятно! **Дело с отпуском** — табак. (А. Твардовский, В. Теркин). Остапенко... А когда услыхал он (Макагоненко), что идет линия на коллективизацию и **дело его,** выходит, **табак,** так сильно его грусть ударила. (Корнейчук, Фронт). Эк его, беднягу, садануло! Не иначе крупным осколком. Вся кость наружу вылезла, а он молчит... Молчит, как герой! **Его дело,** конечно, **табак,** но я-то должен выскочить? (Шолохов, Они сражались за родину). Дело, братец, твое неприятно. **Совсем табак твое дело.** (В. Г. Короленко, Соколинец). Кажется, **наше дело табак,** — тихо сказал Антон. — Рановато их упустили. (Г. Марков, Строговы).

III. А я бы ей: «Полноте, Кисочка, да я бы первый с наслаждением похитил вас!» И так далее в таком роде, и **в конце концов дело мое было бы в шляпе.** (Чехов, Огни). Будь верен жене, молись с ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спорт — **и твое дело в шляпе и на том и на этом свете.** (Чехов, Письмо А. С. Суворину.

13 апр. 1895 г.). Победа! — сказал ему Чарский: **«ваше дело в шляпе.** Княгиня дает вам свою залу». (Пушкин, Египетские ночи). Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно — **и дело наше в шляпе.** (Сл. яз. Пушк. т. 1, 618).

IV. Саша Усков, молодой человек 25 лет, **из-за которого весь сыр-бор загорелся,** давно уже ушел... (Чехов, Задача). Ничего особенного. **Весь сыр-бор загорелся из-за чистейшего пустяка.** (Чехов, Именины). Плодомасов взглянул на спокойное лицо девушки, **из-за которой загорелся весь сыр-бор,** и почувствовал, что это дело совсем какой-то вздор, из-за которого нимало не стоило ничего подобного поднимать и затевать борьбу. (Лесков, Старые годы в селе Плодомасове). **От ней весь сыр-бор потом и загорелся.** (Писемский, Старая барыня). Но почему же Анна так рассердилась на него? Неужели **весь сыр-бор загорелся из-за того,** что он не пошел с ней в театр? (Б. Бедный, Комары). (Сыр-бор — нечленимое подлежащее, загорелся — сказуемое).

Как явствует из наших примеров, фразеологическая единица с целостным переносным смыслом (например, фразеологизм **грош цена,** являющийся типичным представителем группы фразеологических единств) может функционировать в контексте как разложимая в синтаксическом отношении, отдельные компоненты ее в таком случае выполняют самостоятельную синтаксическую функцию членов предложения.

Итак, в контексте могут создаваться определенные условия, которые поддерживают синтаксическую раздельность компонентов фразеологизированной основы предложения. К таким условиям мы относим следующие (и считаем, что при данных условиях синтаксические связи и отношения между компонентами фразеологизированной основы — по крайней мере некоторыми — выступают не только как понятные, легко объяснимые, но и как живые, функционально действующие):

1. Наличие в контексте слов, которые связаны лишь с одним из компонентов фразеологизированной основы, а не со всей фразеологической единицей. Данный компонент в таком случае осмысливается как самостоятельный в синтаксическом отношении. Такими словами являются, например, прилагательные, местоимения и существительные, выполняющие роль определения по отношению

к компоненту фразеологизированной основы, выраженному именем существительным, в ряде случаев также наречия образа действия, меры и степени и др., определяющие глагольный компонент фразеологизированной основы (т. е. выступающие в роли обстоятельств соответствующего разряда), если по смыслу они не могут быть отнесены ко всей фразеологической единице.

Примеры: 1. И вот послушаешь такое его художественное выступление, лежачи в грязи, под огнем, а потом мурашки у тебя по спине **по-блошиному** запрыгают, вскочишь и... бежишь к фрицевой траншее, не бежишь, учти, а на крыльях летишь. (М. Шолохов, Они сражались за родину). 2. По спине **его** поползли мурашки и он зябко повел плечами. (М. Шолохов, Они сражались за родину). 3. ...а дед Фишка вдруг почувствовал, как **холодные** мурашки поползли по **его** спине: шелковый крученый пояс на Егорке принадлежал когда-то Захару. (Г. Марков, Строговы). 4. Дед Фишка оторопел. Он понял, что карта **его** бита, но духом не падал. (Г. Марков, Строговы). 5. Вот когда действительно все кончено, все лопнуло, **последняя** карта убита. (Тургенев, Конец Чертопханова). 6. А грамотей какой, — беда. — Любая карта бита! — На Марс летишь? — Да не, туда, на эту... на орбиту. (Л. Завальнюк, Веселые приметы). 7. Я уже говорил вам. Будьте моей женой. Настоящей и навсегда. — Бархатов выбросил свой козырь. Карты **противника** биты. Сейчас он подойдет к Ирине, поднимет ее голову и... (Ю. Клименченко, Неуютное море). 8. — Отстань! — крикнула она (дьячиха) и так стукнула его локтем в переносицу, что из глаз **его** посыпались искры. (Чехов, Ведьма). 9. Как только вошла я на двор, то встретившийся со мною его управитель наградил меня такою исправною пощечиной, что посыпались из глаз **моих** искры. (М. Д. Чулков, Пригожая повариха). 10. Черт-именинник, как хозяин, сунулся было разнимать, но как от первого русского леща у него в ушах раздался трезвон в семь колоколов с перезвоном, на языке и горько и кисло стало, а из глаз искры посыпались **градом**, так он присел и присмирел. (В. Даль, Сказка о похождении черта-послушника...). 11. Сегодня я чувствую себя так, как будто бы гора свалилась с **моих** плеч. Счастье было так неожиданно. (Гаршин, Художники). 12. Каширин был готов скакать от радости. Вот, оказывается, за чем вы-

зывал его фельдфебель. В ларек хочет послать его. А он-то, чудак, думал... **Какая** гора свалилась с **его** плеч. (Н. Брыкин. На восточном фронте перемены). 13. Положим, что она рябовата и немного косит, — ну, да доктору с **женина** лица не воду пить. (М.-Сибиряк, Хлеб). 14. ...и там присватался к одной гражданочке, а у гражданочки муж ушел в армию, а в хозяйстве три дойных козы осталось. Так, говорят, не житье ему было, а **сплошная** масленица. (М. Шолохов, Они сражались за родину). 15. Он у меня, папочка, в ежовых был... как только разворчится насчет денег или чего-нибудь, я сейчас: «Ка-ак? Что-о?..» Так у него **вся** душа в пятки... ха-ха-ха...[1]. (Чехов, Длинный язык). 16. Видишь, я ничего не скрываю, — сказала она со вздохом. — Вся душа **моя** нараспашку. (Чехов, Супруги). 17. Воробьев **никаким** калачом не заманишь из деревни в поле... (Чехов, Из Сибири). 18. А это значит, что они (солдаты) пришли в Заречную часть города, в рабочую слободу, где жили тульские оружейники и куда господ офицеров **никаким** калачом не заманишь. (Н. Брыкин, На восточном фронте перемены). 19. Боже мой! Кабы заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и **московским** калачом. (Сл. яз. Пушкина, т. 2, 288). 20. **Тяжкий** камень лежал на сердце у верных хлопцев, глядевших на свою пани. (Гоголь, Страшная месть). 21. Вон же, когда так! Вон, окаянные! Чтоб ноги вашей **поганой** здесь не было. (Григорович, Переселенцы). 22. Аграфене Ивановне **суеверно** захватило дух, ей захотелось и поверить немного, и не верилось, как в Мишу. (А. Малышкин, Люди из захолустья).

Этот перечень примеров можно было бы продолжить. В ряде случаев выделение в качестве самостоятельного члена одного из компонентов фразеологизированной основы влечет за собой с необходимостью расчленение в синтаксическом плане и оставшейся части фразеологизированной основы предложения (если она является распространенной). Это свойственно, например, предложениям: а из глаз посыпались искры **градом, какая** гора свали-

[1] Местоимение **весь (вся, все)** в препозиции к определяемому им имени существительному совмещает функцию определения с функцией обстоятельства меры (см. по данному вопросу «Современный русский язык. Синтаксис». Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, Из-во МГУ, 1957, стр. 222).

лась с **его** плеч и т. п. Но такое положение наблюдается не всегда. Проанализируем для иллюстрации употребление в различных контекстах фразеологизма **хлопот полон рот.** В академической грамматике фразеологическая единица **хлопот полон рот** указана в группе оборотов, представляющих собой нечленимые или застывшие схемы предложений[1].

В книге В. А. Добромыслова и Д. Э. Розенталя «Трудные вопросы грамматики и правописания» (Учпедгиз, М., 1958, стр. 170) находим такую характеристику данного фразеологизма: «Особенностью рассматриваемых предложений[2] является то, что в состав их входят неразложимые фразеологические сочетания, это мешает отчетливому расчленению их состава на отдельные члены предложения. Например, при выделении в первом предложении подлежащего и сказуемого разрушилась бы лексическая цельность словосочетания **хлопот полон рот.** Здесь возможно только выделение второстепенного члена — дополнения **мартышке.** Такие предложения называются нерасчленяемыми»[3].

Посмотрим, во всех ли контекстах такой анализ является единственно возможным и соответствующим действительному положению вещей: 1. Курская полиция не может принять меня, высланного в Курск, любезно — у нее **своих** хлопот полон рот. (М. Горький, Проходимец). 2. У нее был полон рот **самых необходимых** хлопот, потому что нужно было приготовить квартиру для Привалова в ее маленьком домике. (Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы).

С заменой компонента: У начальства **других** забот полон рот, сама знаешь. (В. Перунская, Полина). Сравн. еще примеры с заменой компонента: У Комлева **забот** — полон рот. (И. Подвербный, Караузек). «И без книг,

---

[1] Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, Из-во АН СССР, М., 1960, стр. 61.

[2] «Хлопот мартышке полон рот» и «Так вот оно что?» (О. Ш.).

[3] Примерно так же рассматривается данное предложение и в учебнике для педучилищ (А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев «Русский язык», ч. 2, Учпедгиз, М., 1955, стр. 18). Предложения, у которых на месте главных членов стоит фразеологическое сочетание, и здесь названы нерасчленяемыми.

говорит, **дела** полон рот», — взял да порвал одну, у учительши брала. (Серафимович, Две ночи)[1].

Как видно из примеров, предложение может включать слово, связанное только с одним компонентом фразеологизированной основы (а именно определение к существительному **хлопот, забот)**, что позволяет выделить данный компонент в самостоятельный член предложения; это не ведет еще, однако, к дальнейшему членению фразеологизированной основы, и оставшаяся часть ее (**полон рот**) выступает нечленимой (сравн. невозможность сказать: **мой, твой** и т. д. рот).

Мы полагаем, что у рассматриваемого фразеологизма происходит формирование вторичных фразеологических связей[2], вследствие чего в ряде контекстов отчетливо проявляется следующая структура предложения: часть фразеологизма, бывшая некогда предикативным сочетанием двусоставного предложения, выполняет функцию главного члена безличного односоставного предложения (синонимично предикативу «много») и является нечленимой, компонент **хлопот, забот** и т. п. выступает на правах дополнения и может иметь при себе определяющие слова. Такую структуру имеют, на наш взгляд, и все приведенные выше примеры.

Возможно, что формирование аналогичных с фразеологизмом **хлопот полон рот** вторичных фразеологических связей намечается и для другого фразеологизма незамкнутой структуры — **денег куры не клюют**, в связи с тем, что в целом ряде контекстов наблюдается замена первого компонента фразеологизированной основы. Например:

---

[1] Сравн. также показания словарей: **Хлопот полон рот** — очень много забот... (Сл. Ушакова, т. 3, 1390).

Но: **Хлопот, забот полон рот** кому-либо или у кого-либо. О комлибо у кого очень много забот, дела. **Хлопот** мартышке полон рот: чурбан она то понесет, то так, то сяк его обхватит. То поволочит, то покатит. (Крылов, Обезьяна). Белозеров ее утешать не стал, сказал, что в чужих бедах разбираться некогда, у самого **забот** полон рот. (Саянов, Лена, XI, 4). (Сл. совр. русск. лит. языка, изд. АН СССР, т. 10, 1027).

[2] Под вторичными связями мы понимаем такие связи, которые устанавливаются в процессе функционирования фразеологизма в речи и обусловлены не семантическими и грамматическими свойствами отдельных **компонентов** фразеологизированной основы, а переносным смыслом фразеологической единицы, следовательно, и конструктивными возможностями синонимичных ей свободных лексических средств языка.

У тебя мало денег, у меня же **добра** этого куры не клюют. (Чехов, Драма на охоте). А коли нужно, чтобы книга была потолще, то я пришлю еще текста, **которого** у меня куры не клюют. (Чехов, Письмо А. С. Суворину. 3 апр. 1888 г.). А **гениев** у нас и куры не клюют. (А. А. Бестужев-Марлинский, Сб. Русская сатира[1], 45).

Знаменательно, что и в первом и во втором фразеологизме компонент, который обнаруживает тенденцию к выделению из состава фразеологизированной основы, несколько отличается от других компонентов, а именно этот компонент не имеет переносного смысла и выполняет по сути дела номинативную функцию, свойственную ему и в свободном, фразеологически не связанном употреблении. Заменяется этот компонент опять-таки словами прямого номинативного значения.

Сравн.	Денег	куры не клюют
	Денег	много

или:

Хлопот	полон рот
Хлопот	много

Возможно, что в дальнейшей своей истории компоненты этих фразеологических единиц, выступающие в своем реальном значении, приобретут еще более широкие возможности варьирования и окончательно выделятся из рамок фразеологизированной основы предложения.

Без переносного значения выступают компоненты (отмечены подчеркиванием) и в таких фразеологических единицах: **дело** в шляпе, **дело** табак, плакали (чьи) **денежки** и в некотор. др.

Быть может, данный фактор также играет известную роль в реализации синтаксических отношений между компонентами фразеологизированной основы, так как, по-видимому, сама семантическая целостность для данных единиц является проблематической (хотя фразеологические единицы типа **плакали** (чьи) **денежки** и включены ак. Виноградовым в категорию фразеологических единств).

Небезосновательным в связи с этим представляется

---

[1] Русская сатира XIX — начала XX веков. ГИХЛ, М.—Л., 1960 г.

подразделение С. Г. Гавриным[1] фразеологических единиц на фразеологизмы с целостным переносным значением, все компоненты которых обладают переносным метафорическим смыслом (метафраземы или метафразы), и устойчивые словосочетания или фразы с одним или несколькими метафорическими компонентами.

II. Синтаксическая раздельность компонентов фразеологизма может поддерживаться таким его употреблением, когда в контексте данного предложения имеются свободные члены, выступающие как однородные по отношению к одному из компонентов фразеологизма, тем самым способствуя его осмыслению в качестве самостоятельного члена предложения, или когда один из компонентов фразеологизма играет роль однородного члена в ряду с другими однородными членами:

1. Вы бы порадовались, — сказал бухгалтер. — Все-таки **жив** Курилка, **не спился** и **не подох** под забором, как вы все предсказывали. (Ю. Герман, Дорогой мой человек).

2. Непристойное слово опять срывается с его языка, но он не замечает этого: что прочно засело в сознании, того, знать, не только **наставлениями отца Григория, но и гвоздем** не выковыришь. (Чехов. Панихида).

3. Сердце у него **замрет** и **обольется кровью** от этих драгоценных и редких минут. (Гончаров, Обломов).

4. Расставаясь с Верочкой, он вдруг почувствовал, что сердце его **сжалось** и **облилось кровью:** жаль ему стало тихой и доброй своей жены. (Тургенев, Два приятеля).

5. Крутицкий. Вот язык-то у тебя **без костей**, вот уж **без костей,** так и **болтает,** так и **болтает.** (А. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын).

6. Есть и такие слова, — добавил чиновник, — как «перереформированный», где сам черт **ногу** сломает, или **не ногу,** а **язык**. (Телешов, Между двух берегов).

7. — Доктор более не ручается за ее жизнь, — прибавил фельдмаршал, — не только **дни, часы** ее сочтены. (Г. Данилевский, Княжна Тараканова).

---

[1] С. Г. Гаврин. О степени постоянства грамматической формы устойчивых метафорических сочетаний слов. Уч. зап. Пермск. гос. пед. ин-та, в. 25, каф. русск. яз., Пермь, 1960; или С. Г. Гаврин. О связи синтаксических функций фразеологизмов с грамматической формой опорного слова. Уч. зап. Пермск. гос. пед. ин-та, в. 28, Пермь, 1961.

8. — Ежели я что-либо сделаю неправильно — получай эти деньги обратно, ежели у тебя **понятия** либо **духу** нехватит — мои деньги. (П. Бажов, Малахитовая шкатулка).

III. Показателем членимости фразеологизированной основы предложения может выступать также пауза между ее компонентами (иногда в сочетании с другими факторами, например, инверсией):

1. Гляди чего может достигнуть простой русский человек! — говорили в рабочих семьях. — **Ума — палата,** руки — золотые. (Е. Федоров, Каменный пояс). 2. **Ума — палата**, вот главное... (Мамин-Сибиряк, Хлеб). 3. У **Комлева забот — полон рот.** (И. Подвербный, Караузек).

4. Он сказал, что все не так,
Что со шкапа слезет лак,
Что совсем он не хорош,
Что цена такому — грош.
(А. Барто, Наш сосед Иван Петрович).

5. «А план был... все-таки хорош!»
Погибла муха за идею,
Цена которой — грош.
(Н. И. Страхов, Сатирический вестник)

6. Мурзавецкая. По-моему, всякая баба — дрянь: хоть ты ее золотом осыпь, **все ей самой-то цена — грош.** (А. Островский, Волки и овцы). 7. Матросы встревоженно соглашались, **что дело — «табак».** Станюкович. (Сл. под ред. Ушакова, т. 4, 631), 8. Генерал кивнул: — «Понятно! **Дело с отпуском — табак».** (А. Твардовский, В. Теркин).

В контексте могут возникать также и другие условия, способствующие реализации синтаксических отношений между компонентами фразеологизированной основы предложения. Ввиду только что сказанного, следует внести уточнение в следующее положение, выдвинутое В. Л. Архангельским и определяющее синтаксические отношения специально в структуре незамкнутых устойчивых фраз[1].

---

[1] В. Л. Архангельский, Заметки о синтаксическом аспекте в изучении русской фразеологии. Уч. зап. Таганрогск. пед. ин-та, 1958, в. 6.

«Во фразеологическом составе русского языка есть особые типы фразеологических единиц, которые в двусоставном и односоставном предложении используются в роли главных членов.

Предложения, в которых на месте главных членов выступают фразеологические единицы семантически и синтаксически неразложимые (т. е. единства и сращения), некоторые ученые называют условно «нерасчленяемыми предложениями», точнее это предложения с нерасчленяемым главным членом, ибо распространенные эти предложения содержат легко выделяемые второстепенные члены».

Как можно судить на основе приведенных выше и других примеров, в ряде случаев не только второстепенные члены (обусловленные и свободные) выделяются в самостоятельные члены предложения, но и сама фразеологизированная основа (главный член или главные члены) способна выделять из себя компоненты, выполняющие самостоятельную синтаксическую функцию.

Таким образом, в кругу предикативных фразеологизмов с незамкнутой структурой (преимущественно близких по семантике к фразеологическим единствам) различаются две категории единиц. Если внутри фразеологизированной основы предложения синтаксические связи не выполняют свойственных им функций устанавливать зависимость членов предложения друг от друга, мы имеем, очевидно, фразеологическую единицу, у которой процессы фразеологизации затронули не только область семантики, но полностью охватили и область грамматических отношений.

По поводу такого рода фразеологических единиц можно согласиться с мнением И. С. Торопцева, что отношения между их компонентами утратили синтаксический характер и могут быть условно названы «отношениями соположения»[1].

Иначе обстоит дело с фразеологическими единицами другого типа, а именно такими, где, по крайней мере в ряде контекстов, синтаксические связи и отношения сохранили свое функциональное назначение и позволяют

---

[1] И. С. Торопцев. О природе отношений компонентов во фразеологизме и свободном словосочетании. Совещание языковедов юга России и Сев. Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении (Тезисы д-дов), Р.-на-Д., 1961, стр. 46.

осознавать отдельные компоненты фразеологизированной основы (все или некоторые) как самостоятельные члены предложения, хотя бы и с ограниченными возможностями сочетаемости.

В таком случае налицо, очевидно, фразеологическая единица, у которой процессы фразеологизации охватили область семантики, но лишь в незначительной степени затронули область синтаксиса, а именно единица с постоянным, устойчивым лексическим составом и переносным смыслом (более или менее мотивированным), но с живыми (только ограниченными) синтаксическими связями между компонентами, которые не утратили еще признаков отдельных слов определенной лексико-грамматической природы. Такие фразеологизмы (или применительно к незамкнутым устойчивым фразам — фразеологизированные основы предложения) в определенных контекстах синтаксически членимы и разложимы (полностью или частично).

О. В. ШАВКУНОВА

ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ НЕЗАМКНУТЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕЧИ

Характеризуя специфические особенности фразеологизмов как устойчивых единиц языка, авторы статьи «Заметки по теории фразеологии»[1] на примере фразеологических единиц, однотипных со словосочетаниями, устанавливают, что фразеологизмы обладают внутренними и внешними фразеологическими связями, причем те и другие они понимают как связи синтетические, представляющие тесное единство и взаимодействие семантического и структурно-синтаксического, а также стилистического моментов.

Внутренние фразеологические связи — это те связи, которые устанавливаются внутри самого фразеологизма, между его компонентами; внешние фразеологические связи — это связи между самим фразеологизмом и другими элементами контекста, куда он включен. Такое разграничение фразеологических связей на внешние и внутренние вполне приемлемо и по отношению к незамкнутым предикативным фразеологизмам, для которых при их реальном функционировании в речи внешние фразеологические связи устанавливаются как связи фразеологизированной

---

[1] Л. И. Ройзензон, Ю. Ю. Авалиани. Заметки по теории фразеологии (О фразеологизации и фразеологических связях в языке). Труды Узбекского гос. университета им. Алишера Навои, нов. сер. вып. 95, сб. статей по языкознанию. Самарканд, 1959 г.

основы предложения с другими его членами, и прежде всего — с обусловленным членом[1].

Выделяя для рассмотрения такого сложного единства как фразеологические связи синтаксический аспект явления, отметим, что в целом на материале фразеологических единиц (в том числе и предикативных) могут быть вскрыты как бы три пласта синтаксических связей и отношений:

1) Связи и отношения, которые не могут быть объяснены с точки зрения действующих грамматических норм современного русского языка, но соответствуют языковым нормам более ранних эпох. Эти грамматические архаизмы, реликты существовавших ранее в языке норм, сохраняются во фразеологических единицах вследствие их (фразеологических единиц) устойчивости, в свободном же употреблении слов эти синтаксические связи и способы их выражения изменились в соответствии с закономерностями развития грамматического строя.

— **Нашего полку** прибыло! Вот и еще дворяне появились у нас на селе! — поздравляли друг друга соседи. (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина).

2) Связи и отношения, которые понятны и объяснимы с точки зрения действующих в современном языке грамматических норм, соответствуют им и могут быть осмыслены на фоне параллельных им свободно организованных конструкций. Такого рода связи и отношения не противоречат особенностям лексико-грамматической природы отдельных элементов фразеологизма, а, наоборот, целиком обусловлены ими.

Борису всегда море по колено. (Б. Лавренев, За тех, кто в море).

Сравн.: Татьяна в лес; медведь за нею; **Снег** рыхлый по **колено ей.**

(Пушкин, Евгений Онегин).

3) Новые связи и отношения, которые не вытекают из особенностей лексико-грамматической природы компонентов фразеологизма (а иногда даже противоречат им). Они складываются в процессе функционирования фразеологической единицы и присущи только ей (причем именно как целостной единице), но не словам, сходным по

---

[1] Обоснование терминов «фразеологизированная основа» и «обусловленный член» см. в нашей статье «Некоторые особенности структуры предложений с фразеологизированной основой».

своим лексико-грамматическим свойствам с компонентами фразеологизма. Сравним:

1. Женихов много. **Вашим братом** хоть пруд пруди. (Г. Марков, Строговы).

и

2. У меня **гостей** — хоть пруд пруди.

(Чехов, Н. А. Лейкину, 4 июля 1897 г.).

или

1. После вас — хоть потоп! **После вас** хоть трава не расти!

(С. Бытовой, Зимняя радуга).

и

2. Ребенку спать пора, а **тебе** хоть трава не расти.

(Б. Челышев, Гибель сказки.)

Примеры под номером первым соответствуют содержанию второй рубрики нашей классификации, под номером вторым — третьей рубрики.

Новые связи и отношения могут устанавливаться между компонентами фразеологизма, т. е. охватывать область внутренних фразеологических связей, что наблюдается сравнительно редко, и могут охватывать область внешних фразеологических связей. Итак, характеризуя внешние фразеологические связи незамкнутых предикативных фразеологизмов, следует, очевидно, различать внешние фразеологические связи, обусловленные прежней семантической раздельностью компонентов фразеологизма и соответствующие их лексико-грамматическим особенностям (назовем такие связи **первичными**) и **вторичные** внешние фразеологические связи, которые таким путем объяснены быть не могут[1].

Формирование вторичных внешних фразеологических связей может сопровождаться изменением синтаксической функции фразеологизированной основы предложения, но может и не быть связано с данным процессом. Последнее мы находим в такого рода примерах:

1. Надя. Тебе горя мало, а меня за этого кота старуха из дому выгонит.

(Н. Погодин, Человек с ружьем).

НО:

---

[1] Мы, следовательно, употребляем термины «первичные» и «вторичные» связи в ином значении, чем авторы «Заметок по теории фразеологии», для которых понятия первичные и внутренние, вторичные и внешние связи выступают адекватными.

2. Егор. А Волга-матушка течет и течет, ни покою, ни останову не знает... И горя ей мало **до наших дум и бед.** (И. Попов, Семья).

3. ...Я своему родному добра желаю, а **до нее** мне и горя мало. (А. Островский, Волки и овцы).

Однако в подавляющем большинстве случаев формирование вторичных внешних фразеологических связей происходит путем изменения синтаксической функции фразеологизированной основы предложения, вследствие чего предикативный фразеологизм незамкнутой структуры утрачивает предикативность и начинает употребляться в функции члена предложения. Попытаемся проанализировать, что является движущей силой такого изменения и как оно отражается на взаимоотношениях фразеологизированной основы и обусловленного члена.

Для удобства рассмотрения материала мы сгруппируем фразеологические единицы, которые позволяют нам проследить указанные изменения, в три группы, исходя из их значения.

В первую группу могут быть объединены фразеологизмы с общим значением признака (каждая фразеологическая единица индивидуально конкретизирует это общее значение. Например: **Пальца в рот не клади** кому (разг.) — о человеке, с которым надо быть осторожным, который не упустит случая использовать в своих интересах оплошность, слабость, доверчивость другого. (Словарь под ред. Ушакова, т. 3, 24). Сравн. в контексте: ...Я грубил тебе. Это так, ерунда. **Но тебе палец в рот не клади.** — Нет, я тихая, — ответила она, — я при тебе такая. (Б. Сергуненков, Настя).

В эту группу войдут фразеологические единицы типа: **хоть выжми, хоть брось, душа нараспашку, пальца в рот не клади** и некоторые др.

Вторую группу составят фразеологизмы с количественным значением (т. е. единицы, в экспрессивной форме выражающие понятия «много»; «очень много» и т. п.). Например: **хоть пруд пруди, хоть мост мости, хоть отбавляй, хоть лопатой греби, несть числа, глазом не окинешь, на пальцах перечтешь** и т. п.

В третью группу выделены фразеологические единицы, обозначающие понятие отсутствия, исчезновения кого,—чего-либо (они могут быть синонимичны по значению

слову «нет», некоторые — каким-либо глаголам или словам безлично-предикативным). Примеры: **ищи-свищи, и след простыл, поминай как звали, хоть шаром покати.**

Для указанных фразеологических единиц первоначальным является такое употребление, когда фразеологизм функционирует как незамкнутая устойчивая фраза, т. е. в конкретных условиях речевого общения выступает структурной основой предложения и имеет при себе обусловленный член. Отличительной чертой таких предложений является несоответствие между его содержанием и особенностями его грамматического построения. Это несоответствие обусловлено тем, что фразеологизированная основа входит в состав предложения с уже определившимся для данной фразеологической единицы целостным (более или менее мотивированным) значением, а характер ее (основы) грамматической связи с обусловленным членом, форма этого обусловленного члена противоречат этой целостности, так как они определяются прежней семантической раздельностью компонентов фразеологизированной основы. Не находя поддержки в структуре предложения, его переносное значение (которое оформляется на базе единого значения фразеологизированной основы в ее сочетании с обусловленным членом и отличает данное предложение от соответствующего ему свободно организованного предложения с таким же лексико-грамматическим составом) воспринимается в известной степени иносказательно. Сравн.: **Ему пальца в рот не клади**[1], т. е. **он — человек опасный.**

В частности, применительно к первой группе фразеологизмов это обозначает следующее: в предложении дается понятие о признаке предмета и о самом предмете, но не наблюдается такого расчленения содержания, когда один структурный элемент предложения (фразеологизированная основа) вполне отчетливо обозначает признак, а другой структурный элемент (обусловленный член) — предмет. Это несоответствие между содержанием и формой построенного на базе предикативной фразеологической единицы предложения и является причиной, отправным моментом в изменении структурно-функциональных свойств фразеологизма.

---

[1] Далее в тексте фразеологизированная основа предложения выделяется жирным шрифтом одной чертой, обусловленный член — двумя чертами.

Выражение предмета и признака для первой группы фразеологизмов (предмета и его количественной характеристики — для второй и т. п.) получает расчленение — понятие признака сосредоточивает в значении фразеологизированной основы, обусловленный член отделяется и вступает с ней в функционально новые отношения.

Фразеологизированная основа предложения получает функцию предиката двусоставного предложения (в таком случае обусловленный член, изменив, если это необходимо, свою форму, занимает место подлежащего). Фразеологизированная основа может получить и функцию главного члена односоставного предложения (причем обязательно предложения другого типа, если незамкнутая устойчивая фраза тоже имела только один состав), тогда обусловленный член занимает место дополнения, соответствующего нормам новой структуры предложения. Следовательно, если раньше тип предложения, в составе которого употреблялась данная фразеологическая единица (двусоставное; односоставное обобщенно-личное; односоставное безличное и т. п.), определялся грамматическими свойствами компонентов фразеологизированной основы, то после отмеченных изменений он определяется единой, обобщенной **семантикой** фразеологизированной основы, а вследствие этого и структурными возможностями слов, **синонимичных** по значению фразеологизированной основе.

Для фразеологической единицы складываются **вторичные** внешние фразеологические связи. Процесс фразеологизации идет вглубь. Если раньше фразеологизация широко охватывала область семантики, проявляясь в области синтаксических отношений в основном в плане их ограничения рамками определенной конструкции и воспроизводимости, то теперь наступает очередь функционального изменения отношений между конструктивными элементами фразеологизма. В результате этого, отношения между отдельными компонентами фразеологизированной основы теряют синтаксический характер, фразеологизированная основа окончательно утрачивает возможность синтаксического членения.

При употреблении фразеологической единицы с вторичными внешними фразеологическими связями оформляется не предложение с фразеологизированной основой, а предложение, которое можно назвать свободно органи-

зованным, где бывшая фразеологизированная основа играет роль сказуемого (при двусоставности предложения) или роль главного члена (при односоставности).

Разумеется, свобода в организации такого предложения является также относительной, однако ее ограничения оказываются уже не связанными со структурными особенностями отдельных компонентов фразеологизированной основы, а определяются особенностями семантики фразеологизированной основы или конструктивными нормами, существующими для свободных предложений соответствующего типа. Приведем необходимые примеры (по всем трем группам).

Фразеологизмы первой группы

1. **Пальца в рот не клади** (кому). Характеристика значения дана выше. Фразеологизм — незамкнутая устойчивая фраза с обусловленным членом — дополнением в форме дательного падежа.

Примеры употребления в контексте:

Уж больно Емельяниха-то у тебя шельма, да и **Степаниде Егоровне пальца в рот не клади.** (Н. Телешов, Сухая беда). Чувствовался умный человек и практический работник. Первая мысль скользнула: «Делец. **Пальца ему в рот не клади».** (Д. Фурманов, Мятеж).

Вторичные внешние связи проявляются у данного фразеологизма в следующем примере: И Арон вдруг добродушно признал: — А, конечно! **Но эти ребята сами — пальца в рот не клади.** (В. Кетлинская, Иначе жить не стоит).

Структура предложения, в состав которого входит фразеологическая единица, переоформилась, синтаксическая функция фразеологизированной основы изменилась: на месте односоставного обобщенно-личного предложения — двусоставное, фразеологизированная основа предложения стала сказуемым, обусловленный член — подлежащим (соответственно дат. падеж дополнения заменился именительным падежом подлежащего).

2. **Душа нараспашку** у кого (разг.) — о человеке откровенном, не умеющем ничего скрывать. (Словарь под

ред. Ушакова, т. 1, 818). В соответствии со своей структурой фразеологизм первоначально функционирует как основа двусоставного предложения с обусловленным членом — дополнением в форме вин. п. с предлогом: Сразу было видно, что **душа у нее нараспашку** и что любому желающему она всегда готова выложить ее. (Вересаев, За права).

Но сравн.: Кто не встречался с диверсантом Ухоздвиговым? И ни у кого не возникало никакого подозрения... Приятный собеседник; **человек — душа нараспашку!** (А. Черкасов, Хмель). В последнем примере бывшая фразеологизированная основа выполняет роль сказуемого двусоставного предложения, обусловленный член выдвигается на место подлежащего.

3. **Хоть выжми.** Известны два значения для данной единицы: а) мокрый, очень мокрый; б) пьяный, очень пьяный (второе значение указывают не все словари, оно дается, например, в сл. Михельсона, т. 2, 473)[1]. Согласно примерам, оба эти значения свойственны фразеологизму и в современном русском языке (второе встречается редко): а) ...шинель его **хоть выжми...** (Чехов); б) Он кажинный божий день пьян, **хоть выжми.** (В. Шишков, Угрюм-река).

Фразеологизм восходит по происхождению к уступительному придаточному предложению, обобщенно-личному, с глаголом повелительного наклонения в роли главного члена (нераспространенная фразеологизированная основа). Обусловленным членом предложения выступает прямое дополнение. Примеры в контексте: а) Промочила ножки и **хоть выжми шубку.** (Н. Некрасов, Буря). Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне **рубаху хоть выжми.** (Л. Толстой, Кавказский пленник). б) Хорош ревизор, когда **его хоть выжми** — вон как насосались с благоверным муженьком. (Мамин-Сибиряк, Хищная птица).

В данных примерах фразеологизм функционирует с первичными внешними фразеологическими связями. Формирование вторичных внешних фразеологических связей приводит к изменению отношений между фразео-

[1] М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Сб. образн. слов и иносказаний, т. 1—2.

логизированной основой предложения и обусловленным членом: обусловленный член становится подлежащим (соответственно винительный падеж заменяется именительным падежом), фразеологизированная основа становится сказуемым двусоставного предложения:

а) Жарко невыносимо!.. **рубаха, лоб и подмышки хоть выжми.** (А. Чехов, А. С. Суворину, 25 июля, 1888 г.); б) У меня губа словно грецкая губка: чуть окунешь ее в вино — донышко проглядывает, **а голова хоть выжми**. (Марлинский, Наезды. Словарь Михельсона, т. 2, 473).

4. Аналогичные изменения можно проследить и на примере фразеологической единицы **хоть брось** (в толковых словарях[1] указывается значение — никуда не годится, очень плохо), совпадающей по структуре с предшествующим фразеологизмом. Вторичные внешние фразеологические связи для данной единицы устанавливаются уже в языке 18 века: **С головы ты хоть брось**: а о прочем — та и говорить неча. (П. А. Плавильщиков, Бобыль). **А от этого и все хоть брось.** (А. Облесимов, Мельник — колдун, обманщик и сват).

Более поздние примеры: Каретник мой плут; взял с меня за починку, **а в один месяц карета моя хоть брось.** (Сл. яз. Пушкина, т. I, 182). Французские газеты чрезвычайно интересны, **а русские — хоть брось.** (Чехов, Ф. Д. Батюшкову, 23 янв. 1898 г.). Кружили мы таким манером с Секретом, **дело . хоть брось.** (Мамин-Сибиряк, Родительская кровь).

Первоначальные синтаксические отношения, свойственные фразеологизму как структурной основе обобщенно-личного предложения с прямым дополнением в роли обусловленного члена, выясняются на ряде примеров пословичного характера: Дружба дружбе рознь, а **иную хоть брось.** Вкривь да вкось — **хоть** все **дело брось**[2]. Пошло вкривь да вкось, **хоть все брось**[3]. (В двух последних

[1] См., например. «Словарь современного русск. лит. яз.». Изд. АН СССР, М.—Л., 1948—1961, т. 1, 642; «Словарь русского языка», Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1957—1961, т. 1, стр. 142.

[2] В. В. Князев. Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии. Л., «Красная газета», 1930.

[3] Русские народные пословицы и поговорки. (Составитель А. Жигулев). М., «Московский рабочий», 1958.

примерах еще отчетливо обнаруживается прямое номинативное значение компонентов).

Еще несколько примеров для характеристики фразеологизмов первой группы:

1) Фразеологические единицы, функционирующие с первичными внешними фразеологическими связями: а) — Больной... и нога... увечный! И ухо болит! — Ухо! Ах ты, касатка моя! Да ты **пройди** весь **свет** — такого **уха не найдешь**! (Г. И. Успенский, Будка), б) Деньги он имел, но главное имущество были лошади; сказываю, **животам цены нет.** (Н. Успенский, Обоз), в) Лицо сияло, движения были энергичны, точны и, я бы сказал, вдохновенны. **Хоть пиши его** (Макеева) **на картине.** (С. Кожевников, Ради этого стоит жить).

2) Примеры употребления соответствующих фразеологических единиц с вторичными внешними фразеологическими связями: а) И пускай в бою впервые, **но ребята — свет пройди.** (А. Твардовский, Василий Теркин), б) Ингуши у меня под командой были — полсотни, шашку мне подарили с надписью «лубимому начальнику»... **Цены нет — шашка!** (Сергеев-Ценский, Пристав Дерябин), в) Дом полная чаша. **Каждая горничная — пиши картину,** а главный кучер — морское чудовище, ей-богу. (Мамин-Сибиряк, Сибирские орлы).

Фразеологизмы второй группы

В грамматическом отношении рассматриваемые фразеологические единицы, экспрессивные эквиваленты слов, обозначающих количество, представляют по происхождению односоставные предложения (обобщенно-личные или безличные) незамкнутой структуры. Процесс переоформления таких предложений под воздействием семантики фразеологической единицы приводит к образованию в каждом конкретном случае предложения, в котором прежняя фразеологизированная основа выполняет роль главного члена и обозначает количество, а обусловленный член приобретает форму родит. падежа и обозначает предмет, количественная характеристика которого дается главным членом.

Рассмотрим на примерах:

1. **Несть числа** (чему, кому) — об очень большом количестве[1]. В своем первоначальном употреблении, с первичными внешними фразеологическими связями, фразеологизм представляет собой основу безличного предложения с обусловленным членом — дополнением, выраженным именем в форме дательного падежа. Например: После 1-го мая уеду в Мелехово, а пока сижу в Москве и принимаю посетителей, ИМ же **несть числа.** (Чехов, А. С. Суворину, 24 апр. 1899 г.).

Устарелая форма **несть** может заменяться соответственно современным нормам словом **нет (не было, не будет)**: ...я видел несколько сотен партизанских отрядов — ИМ **не было числа** в немецком тылу, — и понял одну истину... (П. Вершигора, Люди с чистой совестью).

Приводимые ниже примеры свидетельствуют о формировании у фразеологизма вторичных внешних фразеологических связей, обусловленный член получает форму родительн. падежа. В языке 18 века: Лесник. Пра-во-ста, Излет, по пустякам хохоришься; вить у него там тысяча душ; **а псарей-та и неведь числа.** (Н. П. Николаев, Розана и Любим). Из более поздних примеров: Иван Сидоров. Ну, батюшко, я вот в этот самый город и приехал; — а про него уже и в писании сказано: там убо море... великое и пространное — **идеже гадов несть числа.** (Сухово-Кобылин, Трилогия (Дело).

2. Ряд фразеологических единиц второй группы восходят по своему происхождению к уступительным придаточным предложениям с союзом **хоть** и глаголом повелительного наклонения в роли главного члена.

Формирование у таких фразеологизмов вторичных фразеологических связей, приводит к тому, что фразеологизм начинает функционировать не в качестве фразеологизированной основы обобщенно-личного предложения, а как главный член безличного предложения, а обусловленный член — дополнение (в какой бы форме он ранее ни выступал) получает форму родительного падежа.

Соответствующие примеры:

1) **Хоть пруд пруди** (первоначально кем-чем) — незамкнутая устойчивая фраза с дополнением, выраженным

---

[1] «Словарь русского языка», Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1957—1961, т. 2, 663.

творит. падежом имени, в роли обусловленного члена. Словарями наличие у фразеологизма обусловленного члена в форме творительного падежа не фиксируется: **Хоть пруд пруди** (иноск.) очень много чего (Словарь Михельсона, т. 2, 475). **Хоть пруд пруди** (разг., шутл.) переносн. о чем-н., имеющемся в очень большом количестве. (Словарь Ушакова, т. 3, 1050).

«Словарь современного русского литературного языка» дает новую форму фразеологизма, с вторичными внешними связями: **(Хоть) пруд пруди** кого, чего. О ком, чем-либо, имеющемся в большом количестве (т. 11, 1571). Однако здесь же находим такой пример: А, говорят, РУБЛЯМИ — **пруд пруди:** все закрома засыпаны доверху. (Мей, Псковитянка. II, 2).

Судя по имеющимся у нас примерам, в современном языке в равной мере употребительна и форма фразеологизма с первичными внешними связями (фразеологизм — основа обобщенно-личного предложения) и со вторичными внешними связями, когда фразеологизм выступает главным членом односоставного безличного предложения.

Примеры употребления фразеологизма с первичными внешними фразеологическими связями: Такими ГРАМОТЕЯМИ **хоть пруд пруди,** — гудел голос Федоры... (П. Замойский, Молодость). Родственников и старух, КОТОРЫМИ на всяких родинах **хоть пруд пруди,** тут не видно. (Чехов, Необыкновенный). Женихов много. ВАШИМ БРАТОМ **хоть пруд пруди.** (Г. Марков, Строговы).

Примеры употребления фразеологической единицы с вторичными внешними связями: **У меня гостей — хоть пруд пруди.** (Чехов, Н. А. Лейкину, 4 июля 1897 г.). **Мужчин у нас хоть пруд пруди,** а вот кавалеров нет. (В. Кетлинская, Мужество). А ежели всерьез майор нужен, так пожалуйста, **у нас их теперь хоть пруд пруди.** (Б. Чирков, Победители).

2) Аналогичным путем идет формирование внешних фразеологических связей и для фразеологической единицы **хоть залейся**[1].

---

[1] Словарями фразеологическая единица не отмечена.

Сравн.: ...Ну, а у меня, веришь ли, как налитая пчела, да ядреная, да веселая, МЕДОМ **хоть залейся,** и не жалит, так уж пчела ласковая. (Серафимович, Полосатый зверь).

В данном примере фразеологизм выступает с первичными внешними фразеологическими связями **(хоть залейся** — фразеологизированная основа обобщенно-личного предложения, **медом** — обусловленный член предложения — дополнение, выраженное существительным в форме творительного падежа). Но сравн: ...в областном (городе)... еще год-полтора назад **молока было «хоть залейся»...** (С. Викулов, Севернее Вологды, Октябрь, № 3, 1962). Ну, правду сказать, и питание мое тут было самое барское: яишница на завтрак, яишница в обед, на ужин яишница... **Молока — залейся.** (А. Твардовский, Родина и чужбина). Доезжайте до Куртыша, там геофизики стоят. **У них бензину — залейся,** — посоветовал Караш Алиевич. (Ю. Трифонов, Доктор, студент и Митя). В последних примерах фразеологизм функционирует в роли главного члена односоставного **безличного** предложения, т. е. с вторичными внешними фразеологическими связями.

Сходная же с фразеологизмом **«хоть залейся»** по структуре и семантике фразеологическая единица **«хоть завались»,** вообще, по-видимому, употребляется только с вторичными внешними фразеологическими связями, например: **Тумбочек у нас хоть завались,** могу даже две дать, а по части подушек бедствуем. (Б. Бедный, Девчата). **Брусники тут завались,** — деловито рассказывала Анфиса. (Там же). В Галиции не знаю, а вот в Саксонии все имеется... — хлеб, мясо — все... А сахару **прямо завались.** (В. Бахметьев, Встреча).

Характерно, что установление вторичных фразеологических связей наблюдается и у таких фразеологических единиц (данной группы), для которых обусловленным членом выступает дополнение в форме родительного падежа. В таких случаях переоформление структуры выражается не в изменении формы обусловленного члена, а в изменении его отношения к фразеологизированной основе, вследствие чего односоставное обобщенно-личное предложение воспринимается как безличное, в произношении это проявляется в наличии отчетливой паузы, ко-

торая на письме отмечается знаком тире. Например: В один из таких вечеров провели партсобрание: избрали секретаря. **Коммунистов в колхозе — на пальцах перечтешь.** (И. Подвербный, Караузек). Сравним: КОММУНИСТОВ в колхозе **на пальцах перечтешь,** где то же с точки зрения лексико-грамматического состава предложение должно быть квалифицировано как обобщенно-личное. (Сравн. у Мамина-Сибиряка: Туго жили, всех **богачей по пальцам пересчитаешь,** а вновь никого. («Все мы хлеб едим...»).

Итак, на основе анализа приведенных выше примеров можно сделать вывод, что в результате оформления у фразеологизмов второй группы вторичных фразеологических связей, они закрепляются в новой синтаксической функции — функции главного члена односоставного предложения (синонима неопределенно-количественных числительных «много», «мало»), а обусловленный член неизменно приобретает форму родит. падежа.

Данные конструкции являются односоставными безличными предложениями, в которых в роли главного члена выступает соответствующая фрезеологическая единица, синонимичная неопределенно-количественным словам, а имя в родительном падеже выполняет самостоятельную синтаксическую функцию дополнения при главном члене.

Фразеологизмы третьей группы

1. **И след простыл.** По происхождению фразеологизм представляет собой предикативное сочетание, в котором сущ. **след** играло роль подлежащего, глагол **простыл** — сказуемого. Например, такая структура ясно выступает в следующем предложении:

Юпитер же в сердцах жесток;
Швырком невесть куда закинет,
Что весь и след совсем простынет,
Как будто по ветру дымок.

(Н. П. Осипов, Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку).

Функционирование данного фразеологизма в качестве незамкнутой устойчивой фразы предполагает включение обусловленного члена. Обусловленным членом выступает

местоимение третьего лица родительного падежа с притяжательным значением или имя существительное в форме родит. падежа также с оттенком притяжательности. С такими первоначальными фразеологическими связями и ясными синтаксическими отношениями фразеологизм может фигурировать и в современном русском языке, как это наблюдается, в частности, в следующем примере из романа К. Федина: С ним будто бы удалось перемолвиться, и он сказал: — Нырков своего счастья выждет. Его спросили насчет жены. Он ответил: — Коли жалеет меня — найдется. С тем и отъехал... **След ЕГО простыл,** а жена в ответ на вопросы только выла. (К. Федин, Костер).

В предложениях типа: **«След его простыл**, а жена в ответ на вопросы только выла» обусловлённый член предложения является определением по отношению к одному из компонентов фразеологизированной основы предложения.

Под влиянием семантики[1] фразеологической единицы синтаксические отношения в составе подобных предложений (отношения между фразеологизированной основой предложения и обусловленным членом) с течением времени переосмысливаются: фразеологизированная основа утрачивает свойства предикативного сочетания и начинает выступать в качестве главного члена односоставного безличного предложения, обусловленный член получает функцию дополнения. Формирование вторичных внешних фразеологических связей проявляется, следовательно, в данном случае не в изменении формы обусловленного члена (поскольку его форма не противоречит новой конструкции предложения), а именно в новом понимании отношений между лексически устойчивой частью фразеологизма и обусловленным членом.

Это новое осмысление структуры предложения находит отражение и в некоторых формальных особенностях его построения:

а) Об этом свидетельствует возможность дистантного употребления бывшего обусловленного члена и компонента фразеологизированной основы предложения, к которому он относился: Мариша. Толкуй. Мне оценщик

---

[1] В словаре под ред. Ушакова дается, например, такая характеристика значения: О бесследном исчезновении кого-либо (т. 3, 1015).

в скупке объяснял: настоящий художник, который знаменитый, так **его** уже лет двести как **след** простыл. (Ю. Крон, Офицер флота). Такой разрыв между существительным и местоимением, если бы оно имело значение несогласованного определения, был бы невозможен.

б) Несогласованным определением не может быть личное местоимение первого или второго лица, в то время как анализируемые нами безличные предложения могут включать такие местоимения (в форме родит. падежа). Примеры: Сегодня ты здесь вот чай с нами пьешь, а завтра **тебя** и след простыл. (Мамин-Сибиряк, «Все мы хлеб едим...»). А **меня** уже и след простыл. (А. Караваева, Золотой клюв).

Новое понимание структуры предложений, включающих фразеологизм, фиксируется и толковыми словарями: След простыл **кого-чего** (сл. Ушакова, т. 3, 1015); **кого, чего** и след простыл («Словарь современного русского литературного языка», т. 11, 1415).

Итак, по своим конструктивным возможностям преобразованная незамкнутая фраза «след простыл» примыкает к безличным предложениям, а именно к той группе безличных предложений, главным членом которых выступает отрицательное слово **нет.**

2. Фразеологизм **поминай как звали** по происхождению представляет собой сложное предложение, в котором главная часть выступает как предложение обобщенно-личное. Обусловленный член (прямое дополнение, выраженное именем существительным или местоимением в форме винит. падежа) мог быть, по-видимому, связан и с главной частью и с придаточной, поскольку и в той, и в другой части имеется переходный глагол. Функционируя в языке в качестве незамкнутой устойчивой фразы с переносным значением, данная единица утрачивает членимость на две части сложного предложения — главную и придаточную, и воспринимается в целом как односоставное обобщенно-личное предложение с прямым дополнением в роли обусловленного члена; такая характеристика подтверждается рядом примеров. Из литературы последнего времени: В полночь меня будит крик, кто-то зовет, но я не могу пробудиться. — Собака воет, — наконец, слышу голос Василия Николаевича...—Кто же это?— спрашивает Трофим. — Берта, больше некому. БОЙКУ

И КУЧУМА — поминай как звали, — отвечаю я со вздохом. (Г. Федосеев, Смерть меня подождет).

Формирование вторичных внешних фразеологических связей у данной единицы приводит к изменению синтаксических отношений: обусловленный член занимает место подлежащего, фразеологизированная основа закрепляется в функции сказуемого, на месте односоставного предложения выступает двусоставное. Характерный пример такого переоформления находим у Чехова: Налим вдруг неожиданно делает резкое движение хвостом вверх, и рыболовы слышат сильный плеск... Все растопыривают руки, но уже поздно: **налим — поминай как звали.** (Чехов, Налим).

3. **Хоть шаром покати**[1].

Первоначальная структура фразеологизма — незамкнутой устойчивой фразы отчетливо выявляется в таких примерах, где сохраняются первичные фразеологические связи и форма обусловленного члена является реализацией одной из присущих глагольному компоненту фразеологизированной основы связей управления: На гумне — ни снопа. В закромах — ни зерна; на дворе, ПО ТРАВЕ, **Хоть шаром покати.** (А. Кольцов, Что ты спишь, мужичок). Или: Он гнал эти мечты, приостанавливался, поправляя на плече винтовку, разевал тяжелые веки, оглядывал идущих людей, телеги с мотающимися ранеными, ровную выгоревшую степь, плывущую ему в душу, — **шаром ПО НЕЙ кати,** ни деревца, ни телеграфного столба, плывет бурая, бесцветная, тоскливая, покачивается. (А. Толстой, Хождение по мукам).

В этих примерах благодаря наличию обусловленного члена сквозь общее переносное значение проглядывают прежние номинативные значения компонентов. По мере того, как в языке все яснее выкристаллизовывалось переносное значение фразеологизма («пусто», «ничего нет»), ощутимее становилось несоответствие между формой и содержанием тех предложений, в составе которых

---

[1] Хоть шаром покати (так гладко, так чисто — ничего нет). (Словарь Михельсона, т. 2, 474). Хоть шаром покати (разг.) ничего нет, совершенно пусто где-нибудь. (Словарь под ред. Ушакова, т. 4, 1319).

фразеологизм выполнял роль фразеологизированной основы. В связи с этим фразеологическая единица утрачивает признаки, свойственные обобщенно-личному предложению; в соответствии с новой семантикой оформляется безличное предложение, в составе которого фразеологизированная основа предложения выполняет функцию главного члена. Особенно наглядно новая структура проявляется в тех примерах, где имеется связка, а фразеологизм выступает присвязочной частью:

И было-то у них всего ничего в хозяйстве,.. **стало хоть шаром покати,** за полчаса последнего лишились. (В. Воеводин, Покоя нет).

А подошел черный день, смешались прибыль с убылью и пошли беда за бедой. В два года в доме-то **стало хоть шаром покати.** (Мельников-Печерский, В лесах).

Употребление в составе безличного предложения обусловленного члена — дополнения, выраженного именем в форме дательного падежа с предлогом **по,** становится невозможным. Сохраняется лишь возможность включения в предложение обстоятельства места:

У нас им взять нечего, — проговорил отец. — Хоть шаром **на дворе** покати. (П. Замойский, Подпасок).

Включение обстоятельства места не противоречит и первичным связям фразеологизированной основы, сравн. у Кольцова: **На дворе, по траве**[1], хоть шаром покати.

Преобразование незамкнутой устойчивой фразы сопровождается в данном случае утратой обусловленного члена.

Итак, на основе рассмотренных выше примеров можно сделать вывод, что в языке прослеживается процесс изменения синтаксической функции некоторых незамкнутых предикативных фразеологизмов, имеющих обусловленный член, в соответствии с особенностями их смыслового содержания. Этот процесс находит свое отражение в особенностях грамматического построения предложений, в составе которых употребляется такая фразеологическая единица. Данный процесс характеризуется изменением отношений между фразеологизированной основой предло-

---

[1] Причем, как видно из данного примера, само дополнение тоже имеет обстоятельственный оттенок.

жения и обусловленным членом, вследствие чего фразеологизированная основа предложения замыкает свою структуру и закрепляется в функции члена предложения (предиката или главного члена односоставного предложения). Как мы видим, этим процессом охватывается ряд фразеологических единиц, это говорит о том, что он проявляется в языке как определенная тенденция, причем на известном этапе фразеологизм может функционировать в языке двояко: с первичными и вторичными внешними фразеологическими связями.

Названная тенденция не может быть определена как закономерность, во-первых, в силу того, что в процесс перестройки вовлекаются не все фразеологические единицы соответствующей семантики, во-вторых, потому, что сам факт функционирования в известный период времени фразеологической единицы с первичными и вторичными внешними фразеологическими связями еще не дает оснований заключить с достаточной достоверностью, что в дальнейшем закрепится и сохранится лишь последняя форма его употребления, а первоначальная обязательно уйдет в пассивный запас и будет забыта, хотя для некоторых фразеологических единиц (таких, например, как **след простыл**) такое завершение процесса намечается вполне определенно.

Для других фразеологических единиц употребление с вторичными внешними фразеологическими связями является еще факультативным.

Сам факт наличия в языке процесса перестройки синтаксических отношений в структуре оформляющихся на базе незамкнутых устойчивых фраз предложений свидетельствует о том, что отдельный компонент как частица фразеологизированной основы предложения обнаруживает противоречивые свойства. С одной стороны, он стремится к утрате собственного номинативного значения, к растворению его в переносном значении всей фразеологизированной основы, с другой стороны, благодаря сохранению грамматических свойств, присущих ему как слову определенной лексико-грамматической природы и реализующихся в его связях с обусловленными и свободными членами, эта тенденция не получает полного завершения.

Данное противоречие снимается в ходе перестройки грамматических отношений в незамкнутой устойчивой

фразе, вследствие чего компонент окончательно разрывает свои связи с соответствующим ему свободным словом, а незамкнутая фразеологическая единица замыкает свою структуру и утрачивает предикативность.

Очевидно, до тех пор пока между фразеологизированной основой предложения и обусловленным членом сохраняются связи и отношения, определяемые прежней семантической раздельностью ее компонентов, не наблюдается полного распада связей отдельного компонента с его свободным эквивалентом, не наблюдается и полной утраты синтаксических отношений внутри фразеологизированной основы, между ее компонентами, во всяком случае не наблюдается изменения **типа** предложения.

М. Д. МИШАЕВА
Кандидат филологических наук

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Н. В. ГОГОЛЯ

Установление системы стилевых приемов и средств синтаксиса предполагает глубокое и всестороннее изучечение структурно-языковых особенностей т. н. функциональных стилей речи и особенностей слога великих писателей.

Исследование функциональных стилей позволит установить общие и отличительные черты их синтаксиса, стилевые возможности последнего в каждом из стилей.

Изучение слога великих писателей позволит вскрыть своеобразие эстетической трансформации языковых средств в пределах индивидуальных стилей, а также общие стилистические закономерности и свойства, присущие языку художественной литературы, как важнейшей разновидности литературного языка.

Встает вопрос, допустимо ли судить о стилевых возможностях синтаксиса художественной литературы в целом (но, разумеется определенного периода, например, национального) на основе анализа средств отдельного писателя.

Считаем, что в значительной степени,—да, если иметь в виду творчество великих писателей, особенно таких, как Пушкин и Гоголь. Творчество этих писателей является истоком, «откуда пошла» вся великая реалистическая литература. Естественно, что выработанные ими приемы и средства художественной речи, в той или иной

мере, пусть в трансформированном виде, но присущи всем писателям данного направления.

Более того, само развитие, прогресс литературы и литературного языка был бы невозможен без существования традиции и преемственности[1].

Задачей настоящей статьи и является рассмотрение некоторых типичных стилевых приемов синтаксиса Гоголя, на материале «Мертвых душ» и «Петербургских повестей», послуживших базой для языка последующих писателей-сатириков.

Одной из типичных, отличительных особенностей синтаксиса Гоголя является обилие развернутых, больших по объему синтаксических конструкций: предложений с сочинением и подчинением, включающих разного рода обособления, сложные предложные обороты, ряды однородных членов, вставочные замечания и т. д.

Удельный вес таких конструкций, частотность их употребления в языке автора очень велики: на 20 сложных структур, в авторской речи нередко переходящих в периоды, приходится всего 4—5 простых предложений. Причем, последние, как правило, осложняются или причастным оборотом, или каким-либо уточнением. Сложные фразы преобладают и в языке героев, кроме тех случаев, когда дается цепь кратких реплик, отражающих непринужденную беседу. Там же, где автор передает размышления и душевное состояние героев (своего рода внутренние монологи), господствуют характерные для Гоголя подробнейшие описания.

Принято считать, и не без основания, что творческому методу Гоголя свойственно совмещение авторского стиля со стилем речевой характеристики персонажей[2]. Данное явление особенно яркое, прямое отражение находит в лексике. В синтаксисе же этот прием получает, если можно так выразиться, опосредственное выражение, т. е. благодаря семантике компонентов и употреблению отдельных оборотов, свойственных народной речи. В основном же синтаксис Гоголя носит книжный характер,

---

[1] См. А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи, Изд. МГУ, 1957, стр. 411—412.

[2] См. об этом: В. В. Виноградов. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, Изд.-во АН СССР, 1953, стр. 21.

но обилие народно-разговорной лексики, фразеологизмов, эмоционально-оценочное отношение автора к изображаемому, преувеличенное внимание к незначительным деталям создают непередаваемый колорит глубокой, истинной народности.

Виды и функциональное назначение развернутых конструкций весьма различны.

1. Развернутые конструкции, являющиеся статистическими описаниями предметов и явлений. Такие спокойные, внешне бесстрастные характеристики сравнительно редко встречаются у Гоголя. Например: «Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохший, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном запустении» (Мертвые души, т. V, стр. 116)[1]. И все последующее описание сада Плюшкина дано в том же тоне.

«Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр.» (Мертвые души, т. V, стр. 115).

«Между тем из конюшни выпрыгнул солдат, послышался стук копыт, наконец показался другой, в белом балахоне, с черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдруг подняв голову, чуть не подняла вверх присевшего к земле солдата вместе с его усами». (Коляска, т. III, стр. 165).

Для синтаксиса Гоголя более характерны развернутые конструкции иного семантического плана: структуры, в которых выражено отношение автора к изображаемому, его сокровенные мысли и чувства. Неповторимость гоголевского языка и стиля и сказывается в этом активном стремлении автора средствами лексики и синтаксиса вскрыть свой глубоко личный и в то же время гражданский взгляд на вещи. «Образ» самого писателя вырисовывается всегда очень ярко и четко. А еще Л. Толстой указывал, что каждый писатель интересен для читателя не столько тем, что он изображает, сколько тем, как

---

[1] Цитируемый материал дается по собр. сочинений Н. В. Гоголя в 6-ти томах, М., Госиздат художеств. литературы, 1953 г.

изображает, т. е. своей личностью, подходом к изображаемому, оценкой его.

Достигает Гоголь данной цели различными средствами.

а) прямым и открытым изложением своей точки зрения на предмет. Однако сентенции занимают сравнительно небольшое место в языке Гоголя. Их процент несколько возрастает лишь в лирических отступлениях в поэме «Мертвые души». В петербургских же повестях такие высказывания буквально единичны. Например:

«Слава не может дать наслажденья тому, кто украл ее, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее». (т. III, Портрет, стр. 102).

«Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки, в них выставленные пахнут страшным количеством ассигнаций». (Невский проспект, т. 3, стр. 42).

«Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом». (Мертвые души, т. V, стр. 132).

б) В отличие от приведенных категорических суждений, более часто встречаются высказывания, выраженные в виде раздумья, даже сомнения, в форме лирической или шутливой:

«И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто в нем его никогда и не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп». (Шинель, т. 3, стр. 155—6).

Глубокая скорбь автора в связи с бездушным отношением к человеку здесь выражена негативно, мысль эта образует своего рода подконтекст. Трагическая нотка звучания особенно усиливается благодаря комической концовке.

«Это был художник. Не правда ли странное явление? Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно...» (Невский проспект, т. 3, стр. 14).

«Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут рас-

пространяться нелепые выдумки, и что он удивляется, как не обратит на это внимание правительство. Господин этот, как видно, принадлежал к числу тех господ, которые бы желали впутать правительство во все, даже в свои ежедневные ссоры с женою». (Нос, т. 3, стр. 67).

в) Совмещением, слиянием авторского суждения с излияниями или внутренними монологами героев. Примеры:

«С очей его вдруг слетела повязка. Боже! и погубить так безжалостно лучшие годы своей юности; истребить, погасить искру огня, может быть теплившегося в груди, может быть развившегося теперь в величии и красоте, может быть также исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности! и погубить все это, погубить без всякой жалости!» (Портрет, т. 3, стр. 104).

«Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости; она так была странна и так же не шла к ее лицу, как идет выражение набожности роже взяточника или бухгалтерская книга поэту». (Невский проспект, т. 3, стр. 19).

г) Путем передачи внутренних переживаний героев, которые являются нередко лишь фоном, отправным моментом для выражения основной мысли автора, пронизывающей все произведение:

«Боже мой! боже мой! За что это такое несчастие? Будь я без руки или без ноги — все бы это лучше, будь я без ушей — скверно, однако ж все сноснее; но без носа человек — черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, — просто возьми и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что ни про что, пропал даром, ни за грош». (Нос, 3-й, стр. 59).

«Я их всех знаю; это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, порядочная свинья». (Мертвые души, т. V, стр. 100).

Приведение подобных прямых высказываний героев у Гоголя почти всегда несет двойную нагрузку: обрисовка характера героя (в последнем случае — «кулацкой» натуры Собакевича) и выявление отношения автора к описываемому явлению.

2. Среди развернутых конструкций довольно большой

удельный вес приходится на конструкции, в которых «образ» автора, его эмоционально-оценочное отношение к изображаемому передаются с помощью подчеркивания, выделения незначительной детали, вводных слов и предложений, вставочных замечаний и т. д.

Примеры:

«...крыши большею частью крыты тростником, как обыкновенно бывает в южных городах наших; садики, **для лучшего вида** (подч. нами. — **М. М.**), городничий давно приказал вырубить». (Коляска, т. 3, стр. 161). В данном примере подчеркнутые слова внешние безобидной фразе придают оттенок сарказма, чувствуется гневное осуждение автором поступков градоначальника-самодура.

«Нет ничего лучше Невского проспекта, **по крайней мере в Петербурге;** для него он составляет все. Чем не блестит эта улица-красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта». (Невский проспект, т. 3, стр. 7). Подчеркнутое ограничительное замечание автора порождает сомнение в серьезности его высказывания и восхищения, и это сомнение переходит в уверенность благодаря концовке фразы. Нарочитая акцентация внимания на пустяковой детали может окрасить все повествование в шутливо-комический или сатирический тон:

«Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыма в кухне, **что нельзя было видеть даже и самых тараканов».** (Шинель, т. 3, стр. 136). (Подчеркнуто нами. — **М. М.**).

Вводные слова, предложения, вставочные замечания также насыщены в произведениях Гоголя сильной экспрессией, которая как бы наслаивается на основную функцию этих средств: указывать последовательность мысли, принадлежность ее какому-либо лицу, уверенность, предположение и т. д. Например:

«Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы (нужно заметить, что вообще все дамы города N были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, что толщины никак нельзя было приметить)». (Мертвые души, V, 169). Заключенное в скобки предложение в приведенном примере коренным образом изменяет смысл основно-

го высказывания и окрашивает в яркий сатирический колорит все предложение в целом.

«Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник...» (Шинель, т. 3, стр. 129). Здесь как бы попутно брошенное автором замечание тонко передает его сетования и скорбь по поводу неразвитости художественного вкуса у мещански настроенной публики.

[Прямая речь]: «Не правда ли, теперь нет таких, как был Тициан? Нет той силы в колорите, нет той... как жаль, что я не могу выразить по-русски (дама была любительница живописи и оббегала с лорнетом все галереи в Италии)». (Портрет, т. 3, стр. 92). Здесь с помощью вводного предложения и особенно слова «оббегала» Гоголь вносит полную ясность в вопрос о том, к какому роду ценителей искусства принадлежала дама с большими претензиями.

«Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его (чиновника. — **М. М.**) произносится решительно всуе». (Шинель, т. 3, стр. 129). Вводное слово и предложение в последнем примере призваны вскрыть нелепость просьбы капитан-исправника, а имитация канцелярского слога в самом авторском повествовании явно рассчитаны на комический эффект.

3. Близкой к рассматриваемой группе выступает категория синтаксических конструкций, которые заключаются т. н. присоединениями или включают последние в свой состав. Вопрос о присоединительных структурах в грамматическом плане является спорным и сложным. Даже самый термин «присоединение» не является общепринятым и общеупотребительным. В настоящей статье нет надобности заниматься трактовкой вопроса о присоединении в общетеоретическом разрезе. Это не входит в задачи статьи. Рабочее же определение явления для рассмотрения его в стилистическом аспекте дать следует. Уже само значение слова «присоединение» свидетельствует об отсутствии какой-то внутренней связи, которая подменяется внешней связью. Такая внутренняя связь может быть логической и структурной. Нарочитое нарушение внутренней связи, естественно, становится стили-

стическим приемом. Данный прием очень удачно используется Гоголем.

Большой активностью в языке Гоголя отличаются конструкции с т. н. «внутренним» присоединением.

Такое явление нередко наблюдается при перечислении, когда намеренно нарушается принцип однородности и в ряду перечисляемых компонентов оказываются названия противоречивых или даже несовместимых предметов, действий, признаков.

«Мало-помалу присоединяются к их обществу все окончившие довольно важные домашние занятия, как-то: поговорившие с доктором о **погоде и небольшом прыщике,** вскочившем на носу, узнавшие о здоровье **лошадей и детей своих** (подчеркнуто нами. — **М. М.**)...» (Невский проспект, т. 3, стр. 9).

«Лакей с **галунами и наружностью,** показывавшую пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола, с запискою в руках, и почел приличным показать свою общежительность». (Нос, т. 3, стр. 54).

«Не только кто имеет **двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук,** но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волоса и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта». (Невский проспект, т. 3, стр. 7).

«День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою **кислых щей и крепким сном** во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства». (Мертвые души, т. V, стр. 12).

«Лица у них (помещиков. — **М. М.**) были полные и круглые, на иных **даже были бородавки...»** (Мертвые души, т. V, стр. 153).

Модифицируя различным образом данный прием, намеренно строя парадоксальные суждения, явные алогизмы, Гоголь достигает неотразимого сатирического воздействия. Примеры:

«Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только из судьи, жившего в одном доме с какою-то диаконицею, и городничего, **рассудительного человека, но спавшего решительно весь день:** от обеда до вечера и от вечера до обеда». (Коляска, т. 3, стр. 162—3).

«Прочие тоже были более или менее **люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто — «Московские ведомо-**

сти», кто даже и совсем ничего не читал». (Мертвые души, т. V, стр. 162). Сатирический эффект создается в данном случае не только противопоставлением, но и взаимоисключением доказательств и доказуемого. Противоречивость суждения может выражаться и в конструкциях, построенных по образцу предложений с причинно-следственными отношениями:

«Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать»... (Шинель, т. 3, стр. 154). Разрыв содержания и формы, вернее, употребление слов «благодаря» и «вспомоществование», имеющих положительный смысл, в контрастном, противоположном значении и привело к нарушению обычных представлений, к чему и стремился сатирик. Говоря о присоединительных конструкциях, следует отметить, целую систему таких конструкций у Гоголя. Один из типичных способов, составляющих эту систему, уже рассмотрен.

Наряду с рассмотренным приемом, выделяются еще два приема, характерные для синтаксиса Гоголя: предварение, своеобразный постулат, который разъясняется, уточняется или опровергается в последующих рассуждениях, и своеобразное резюме, замыкающее цепь рассуждений. Оба эти приема тесно связаны между собою, составляют как бы две стороны одной медали. И предваряющие и заключающие присоединительные конструкции несут важную смысловую и стилистическую нагрузку призваны выражать чувства, настроения автора и героев, оценку изложенного и т. д. Не случайно, что по форме эти конструкции, как правило, представляют восклицательные и вопросительные предложения (обычно риторические вопросы), т. е. конструкции экспрессивные уже по самой форме.

а) Конструкции, начинающие ход размышлений. Автор в сжатой эмоциональной форме дает своего рода предварительный вывод, который уточняется или доказывается последующим ходом рассуждения:

«Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света». (Мертвые души, т. V, стр. 11). В предварительном суждении автор может выражать мысль, диссонирующую с последующим рассуждением:

«Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия: вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шуму в городе, очутился как ни в чем не бывало вновь на своем месте, то есть именно между щек майора Ковалева». (Нос, т. 3, стр. 67).

«Предваряющая» конструкция может служить лишь для выражения эмоций и волеизъявлений. Выражение эмоций нередко намеренно преувеличено, т. е. не соответствует поводу. Например:

«А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина, потому что даму также легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским». (Невский проспект, т. 3, стр. 8).

«Боже, какие есть прекрасные должности и службы! Как они возвышают и украшают душу! Но, увы! я не служу и лишен удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников». (Невский проспект, т. 3, стр 10). Преувеличенное выражение сожаления автора и восхищения им службами призвано выразить противоположную мысль; отрицательное отношение к службе в государственных департаментах.

Эмоциональное восклицание, выступающее в роли своеобразного постулата, иногда осложняется риторическим вопросом, косвенно-стилистическим обращением:

«Создатель! Какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдете, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды». (Невский проспект, т. 3, стр. 11).

Присоединительные конструкции, выступающие в виде своеобразного резюме. Специфика таких конструкций состоит в том, что заключая какое-либо высказывание или цепь высказываний, они кажутся немотивированными со стороны внутренних смысловых связей конструкций. В них автор стремится не подвести итог сказанному, а выразить свои собственные мысли и чувства, свое личное отношение к чему-либо. При этом ранее высказанные

суждения образуют лишь фон или внешний повод, от которого удобно оттолкнуться.

По своей интонации конечные присоединительные конструкции могут быть оформлены как повествовательные и восклицательные предложения.

«Заперся один в своей комнате, не велел никого впускать и весь погрузился в работу. Как терпеливый юноша, как ученик, сидел он за своим трудом. **Но как беспощадно-неблагодарно было все то, что выходило из-под его кисти!»** (Портрет, т. 3, стр. 105).

«Впрочем, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. **Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь...»** (Мертвые души, т. V, стр. 54).

4. **Косноязычие как стилистический прием.**

Косноязычие как особый стилистический прием занимает значительное место в синтаксисе Гоголя. Косноязычие в речи героев — это яркое средство индивидуальной характеристики, обрисовки характера. Вот как описывает сущность косноязычия сам Гоголь, говоря о речевой манере Башмачкина: «Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большей частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам позабывал, думая, что все уже выговорил». (Шинель, т. 3, стр. 137).

Приведем образец речи Акакия Акакиевича:

«Этаково-то дело этакое, — говорил он сам себе: — я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... — а потом, после некоторого молчания, прибавил: — так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак». (Шинель, т. 3, стр. 139).

Для косноязычия характерна неожиданная прерывистость речи. Прием прерывистости умело использован Гоголем в сцене разговора Ковалева с собственным носом:

«Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на воскресенском мосту очищенные апель-

сины, можно сидеть без носа: но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами... я не знаю милостивый государь... Извините, если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...» (Нос, т. 3, стр. 51). Если косноязычие в репликах героев создает сатирический эффект, то еще более значительным будет эффект, когда элементы косноязычия сознательно вводятся Гоголем в авторскую речь. Например:

«Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, — даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то есть не так чтобы толстые, однако ж и не то чтобы тонкие, способны были к любви; но при всем том здесь было что-то такое, странное, что-то в таком роде, чего он сам себе не мог объяснить...)» (Мертвые души, т. V, стр. 175).

Вкрапление косноязычия в авторскую речь служит и цели стилизации авторского слога под речь героев. Последнее (стилизация) — яркий признак гоголевского стиля в целом.

Подлинное же, отрицательное отношение Гоголя к косноязычию, ненужным повторениям, речевым штампам, отчетливо выражено в следующей сцене. Характеризуя почтмейстера, как острослова и философа, Гоголь как бы между прочим, внешне простодушно присовокупляет: «А уснащивал он речь множеством разных частиц, как-то: сударь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, относительно так сказать, некоторым образом», и прочими, которые сыпал он мешками...» (Мертвые души, т. V, стр. 162).

На основе косноязычия Гоголь нередко создает остроумные каламбуры:

«Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом». (Шинель, т. 3, стр. 151).

«Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вместо ее выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно всегда было принять за куницу». (Шинель, т. 3, стр. 143).

5. Канцеляризм как стилистическое средство. И в «Мертвых душах», и в петербургских повестях большое место занимает описание чиновничьей среды. Отсюда за-

кономерно частое обращение автора к канцеляризмам, синтаксическим оборотам делового стиля.

Канцеляризмы в речи действующих лиц — средство реалистической обрисовки героев, прием создания индивидуальной речевой характеристики.

Употребление канцеляризмов в авторской речи — специальный стилистический прием. Назначение таких канцеляризмов многопланово.

Во-первых, они служат цели создания единого стилевого фона — «канцелярского», если можно так сказать, в произведениях, посвященных миру чиновников. Например, такая тенденция заметна в повести «Шинель» и частично во всех анализируемых произведениях, где описывается мир чиновников.

Во-вторых, введение канцеляризмов, особенно синтаксических, в авторскую речь сближает стиль авторского повествования с речью героев, что является типичной особенностью слога Гоголя в целом. Например:

«За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно **действующее в рассуждении веселости».** (Шинель, т. 3, стр. 158).

«Никита долго силился попасть ключом в замочную дырку, вовсе незаметную **по причине темноты».** (Портрет, т. 3, стр. 76).

В-третьих, канцеляризмы выступают в качестве яркого оригинального пародийно-сатирического средства:

«Итак, **во избежание всяких неприятностей,** лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем **одним департаментом.** Итак, **в одном департаменте** служил **один чиновник...»** (Шинель, т. 3, стр 129).

Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, **подвержены** совершенной простуде по **причине ночного сдергивания шинелей».** (Шинель, т. 3, стр. 156).

«Но Чичиков сказал просто, что подобное **предприятие,** или негоция никак не будет **несоответствующею гражданским постановлениям** и дальнейшим видам России, а через минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины». (Мертвые души, т. V, стр. 37).

В-четвертых, канцеляризмы, деловые формулы ис-

пользуются автором как средство придания описанию внешне бесстрастного, объективного характера:

«**Марта 25-числа** случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие». (Нос, т. 3, стр. 44).

« Он решился **отнестись** прямо **в газетную экспедицию** и заблаговременно **сделать публикацию с обстоятельным описанием** всех качеств, **дабы** всякий, встретивший его (нос. — **М. М.**), мог в ту же минуту его представить к нему или по крайней мере дать знать о месте пребывания». (Нос, т. 3, стр 53).

«**По истечении всякого полугода** он **ревизовал** накопившуюся сумму медную и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в **продолжение нескольких лет** оказалось накопившейся суммы более чем на сорок рублей». (Шинель, т. 3, стр 141).

Если внимательно присмотреться к анализируемым примерам, то легко заметить, что деление канцеляризмов по выполняемой функции на четыре рубрики в известной мере является условным. Нередко канцеляризмы совмещают в себе перечисленные качества: т. е. одновременно выступают и как средство обрисовки характера героя, его речевой манеры и как яркое сатирическое средство и т. д.

6. Насыщенность синтаксиса прозы Гоголя элементами поэтического синтаксиса, элементами поэтического слога.

Отмеченная особенность проявляется в двух направлениях: в построении структур, синтаксических конструкций и в широком использовании средств художественной изобразительности, образных синтаксических средств.

а) Построение структур по образцу поэтического синтаксиса. Сюда относится сцепление однородных по структуре конструкций в пределах сложного целого или однородных частей — в предложении. Подобный параллелизм создает впечатление симметрии, своеобразного ритма.

Например:

«Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека, — вот их обыкновенные сюжеты». (Портрет, т. 3, стр. 7).

В данном случае однотипность номинативных конструкций призвана подчеркнуть трафаретность, духовную бедность, антихудожественность лубочных малеваний, предназначавшихся для бедного люда.

Однотипность конструкций еще более усиливается, подчеркивается введением единоначалия, анафоры. К данному приему Гоголь прибегает очень часто, при описании самых различных ситуаций.

«**Уже** он начинал, как всегда случается в почетные лета, брать сильно сторону Рафаэля и старинных художников, — не потому что убедился вполне в их высоком достоинстве, но потому, чтобы колоть ими в глаза молодых художников. **Уже он начинал,** по обычаю всех, вступающих в такие лета, укорять без изъятья молодежь в безнравственности и дурном направлении духа. **Уже начинал он** верить, что все на свете делается просто, вдохновенья свыше нет и все необходимо должно быть подвергнуто под один строгий порядок аккуратности и однообразья». (Портрет, т. III, стр. 101).

«**Здесь** (на Невском проспекте. — **М. М.**) **вы встретите** улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете ее вверх. **Здесь вы встретите** разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. (Невский проспект, т. III, стр. 11).

«А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. **Потому что** пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку, **потому что** праздно вращается на устах слово «добродетельный человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека...» (Мертвые души, т. V, стр. 233).

Близость к поэтическому синтаксису создается также благодаря нарочитому введению в строй детализированного размеренного описания интонационно иных структур, т. е. восклицательных и вопросительных предложений:

«Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний юноша, гусар ли он, студент ли он, или просто только что начавший жизненное поприще,— и боже! чего не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем!» (Мертвые души, т. V, стр. 95).

В отдельных местах повествования восклицательные и вопросительные предложения (риторические вопросы), например, в лирических отступлениях, представляют целые цепи, окрашивая все повествование в тона экспрессии:

«Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» (Мертвые души, т. V, стр. 230).

«А ночь! небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. (Мертвые души, т. V, стр. 231).

б) Образные средства синтаксиса тесно связаны со смысловым содержанием конструкций, но в то же время их проявление возможно лишь в контексте.

Особенность слога Гоголя состоит в этом плане в **насыщенности** языка всеми средствами художественной изобразительности, в щедром употреблении метафор, эпитетов и сравнений и т. д. Все это столь очевидно, что не нуждается ни в каких доказательствах.

Поэтому здесь остановимся лишь на приемах, вытекающих из творческого метода Гоголя и особенностей его синтаксиса (имеются в виду такие общестилистические моменты, как откровенная сатирическая направленность, тенденция к детальному, развернутому описанию): нагнетении синонимов, каламбуре и гиперболе.

Примеры на нагнетение синонимов очень многочисленны. Перечень синонимов может занимать любое место в предложении, синонимы могут быть выражены любой частью речи и даже различными частями. Функциональное назначение нагнетения синонимов почти всегда двойное: представить явления всесторонне, во всех «ракурсах» и в то же время подчеркнуть какую-либо одну особенность или выразить определенное чувство по поводу сказанного:

«**Чистое, непорочное, прекрасное,** как невеста, стояло перед ним произведение художника». (Портрет, т. III, стр. 103).

«Золото сделалось его **страстью, страхом, идеалом, наслажденьем, целью».** (Портрет, т. III, стр. 102).

«Какие **искривленные, глухие, узкие, непроходимые,** заносящие далеко в сторону дороги избирало человечест-

во, стремясь достигнуть вечной истины...» (Мертвые души, т. V, стр. 219).

Прием гиперболы в творчестве Гоголя занимает видное место. Вытекает он из другого приема — контрастного изображения, смыслового и стилевого диссонанса, когда писатель, возвышенно описывая низменное явление, тем самым еще более принижает его, клеймит позором.

Пример гиперболы: «Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить; другой имеет **рот величиною с арку главного штаба,** но, увы! должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля». (Невский проспект, т. III, стр. 42).

Каламбуры Гоголя остроумны и оригинальны. Один из типичных способов создания им каламбура покоится на контрасте смысловых ассоциаций, вызываемых описанием явления:

«Перед ним сидел Шиллер, не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но **известный** Шиллер, жестянных дел мастер в Мещанской улице». (Невский проспект, т. III, стр. 34).

* * *

Итак, к типичным синтаксическим особенностям прозы Гоголя, определяющим ее стилевое своеобразие и сатирическую направленность, относятся:

1. Наличие развернутых конструкций различного функционально-смыслового плана.
   Частое и оригинальное использование стилистического приема, называемого «внутренним присоединением».
3. Включение в авторскую речь с различными целями средств косноязычной речи и канцелярского жаргона.
4. Насыщение языка прозы элементами и построениями образно-поэтического синтаксиса.

В. Ф. БАРАШКОВ
Кандидат филологических наук

НЕРУССКАЯ ТОПОНИМИКА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(Наблюдения и лингвистические материалы)

Разыскания в области топонимики с давних пор привлекали внимание исследователей. Особенно широкое распространение получили они в последние годы. Объясняется это в значительной мере тем, что изучение собственных географических наименований представляет большой интерес как само по себе, так и в связи с решением многих вопросов истории, археологии, этнографии, лингвистики и других наук. Не вызывает сомнений, в частности, то, что изучение целого ряда вопросов древней и средней истории, в тех случаях, когда отсутствуют соответствующие письменные свидетельства, оказывается или очень неполным или по существу невозможным без привлечения топонимического материала. Именно поэтому в свое время Н. И. Надеждин писал, что «топонимика — язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре» (названиях — **В. Б.**)[1].

Особенно важное значение приобретают данные топонимики для выяснения древнейшего расселения народов, смены одних народов другими на тех или иных территориях. Большую помощь оказывает топонимика в исследовании разнообразных этнических процессов, которы-

[1] Цитируется по книге: Н. П. Милонов. Изучение истории области в средней школе. Учпедгиз, 1960 г., стр. 69—70.

ми сопровождалось историческое формирование народов мира. Последнее в свою очередь очень важно для изучения истории языков соответствующих народов и, прежде всего, для изучения процессов формирования и дифференциации местных говоров этих языков.[1] П. И. Кушнер, специально исследовавший вопрос об этнических территориях и этнических границах, с достаточным основанием подчеркивал тот факт, что топонимика является ключом к решению многих вопросов, связанных с современным этническим составом или происхождением коренного населения соответствующих территорий и местностей[2]. Конкретные достижения топонимики оказываются в высшей степени полезными для разнообразных направлений школьной работы.[3]

Не подлежит сомнению, безусловно, тот факт, что сама топонимика в своих собственных разысканиях постоянно опирается не только на чисто лингвистический материал, но и на разыскания всех отмеченных выше смежных областей знания.[4]

Большой научный интерес представляет топонимика Ульяновской области, к сожалению, не получившая сколько-нибудь систематического освещения в литературе до настоящего времени. Если не считать единичных толкований топонимов, встречающихся в краеведческих работах по истории некоторых населенных пунктов области, то по рассматриваемому вопросу можно указать лишь статью В. А. Никонова «История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимики»[5]. В этой инте-

---

[1] О значении данных топонимики для диалектологии и этнографии подробнее см., напр., В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 229—252; Н. В. Подольская. Исследование топонимики в связи с данными этнографии. Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II, изд. АН СССР, 1961, стр. 169—179.

[2] П. И. Кушнер. Этнические территории и этнические границы. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 160.

[3] О значении данных топонимики для школьной работы подробнее см. названную книгу Н. П. Милонова, а также: К. А. Селиванов. Из опыта работы по краеведению. Ульяновск, 1952.

[4] См. об этом: Б. А. Серебренников. О методах изучения топонимических названий. Ж. «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 36—50.

[5] В. А. Никонов. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимики. Сб. «Вопросы географии», № 50, 1960.

ресной и ценной работе анализируется значительный фактический материал по топонимике области. Однако в связи с тем, что статья посвящается вопросам освоения Среднего Поволжья **русским** населением, то в ней и рассматриваются топонимы преимущественно русского происхождения.

Между тем, наряду с пластом топонимов и гидронимов, возникших на базе русского языка, на территории области встречается большое количество географических наименований (населенных пунктов, рек, гор, озер, и т. д.) **нерусского корнеслова.** Подобное «сосуществование» на одной территории русских по происхождению топонимов с наименованиями, уходящими своими корнями в другие языки, исторически вполне оправдано и объяснимо. По справедливому замечанию Б. А. Серебренникова «топонимика и гидронимика каждой страны (и, можно добавить, не только страны, но и отдельных территорий, областей внутри страны. — **В. Б.**) представляет смешение разных по времени образований, принадлежащих разным языкам и народам»[1]. Это замечание целиком и полностью относится к топонимике и гидронимике Ульяновской области.

Как известно, массовое продвижение русских на территорию современной Ульяновской области началось относительно поздно. Наиболее интенсивно оно осуществлялось, начиная с XVI—XVII вв. В то же время еще до начала массового продвижения русских на территории области уже проживало нерусское население, в частности, мордва, татары, чуваши, а также некоторые другие, более древние и ныне не существующие племена и народности (буртасы, мещера и др.).

Исторические сведения о времени появления мордвы на территории области противоречивы. Некоторые исследователи полагают, что мордва переселялась сюда лишь с XVII в. Однако исследования последних лет свидетельствуют о проживании мордвы в пределах Среднего Поволжья, в том числе и на территории современной Ульяновской области, в более ранние, чем XVII век, периоды. По мнению историков, XVII в. характеризуется лишь тем,

---

[1] См. названную выше работу Б. А. Серебренникова, стр. 40.

что в это время, волна мордовского переселения сюда лишь усилилась[1].

До массового переселения русских проживало в Среднем Поволжье и тюрко-татарское население. Оно было представлено здесь прежде всего так называемыми казанскими татарами, часть которых и сейчас расселена во многих районах области. Данные этногенеза свидетельствуют о том, что современное татарское население Среднего Поволжья в массе своей восходит исторически к местным тюркоязычным народам, связанным с кочевническим миром южнорусских степей XI—XVII веков[2].

Не подлежит сомнению и давность проживания на территории области отдельных групп чувашского населения[3].

В настоящее время нерусское население — преимущественно мордва, татары, чуваши — распространено во всех частях области. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в области насчитывалось: мордвы — 73 017 человек, татар — 96 918 человек, чуваш — 59 682 человека, что составляет в общей сложности лишь несколько меньше одной трети по отношению к русскому населению[4].

Значительный в целом процент нерусского населения, длительность его исторического бытования объясняют и большое количество в области топонимов и гидронимов нерусского корнеслова, распространенных повсеместно.

Заслуживает внимания тот факт, что нерусская топонимика и гидронимика на территории области еще в середине XVII в., судя по «Строельной книге города Синбирска», была явно преобладающей»[5]. В настоящее время соотношение топонимов с русским и нерусским корнесловом заметно изменилось в пользу первых в связи с появлением большого количества населенных пунктов, имеющих русские названия, а также в связи с заменой части

---

1 См.: М. И. Зевакин. Экономическое развитие и расселение мордовского народа в XVI—XVII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955, стр. 15.

2 С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Изд. МГУ, 1958, стр. 172.

3 С. А. Токарев. Назв. работа, стр. 162—164.

4 Население Ульяновской области. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г. Ульяновск, 1961, стр. 27.

5 См.: «Книга строельная города Синбирска». Симбирск, 1897, разд. «Географический указатель».

нерусских топонимов русскими. Так, селение **Бухтияль** позднее стало называться **Богдашкино**; деревня **Гафидовка** была переименована в **Грязный ключ** и т. д. В ряде составных наименований была произведена замена одного из нерусских компонентов русским, в результате чего появились своеобразные контаминационные образования типа **Большая Цильна** (из Ярамай Цильна), **Старое Шаймурзино** (из Иски Шаймурза), **Новые Алгаши** (из Сенэ Улгаш), **Старые Алгаши** (из Киви Улгаш) и под.

Христианизация нерусского населения и постройка церквей в части населенных пунктов обусловили замену нерусских названий их названиями по именам «святых», в честь которых строились церкви. Ср. Верхняя Маза — Покровское; Нижняя Маза — Никольское; Ундоры — Воскресенское; Стемас — Никольское и т. д. В связи с упразднением церквей во многих случаях были заменены и связанные с ними названия, при этом официально восстанавливались обычно старые наименования.

По своей основе нерусские топонимы области оказываются очень разнообразными, как и топонимы любого другого района.

Так, здесь выделяются топонимы и гидронимы нерусского происхождения, возникновение которых связано с наиболее характерными признаками и особенностями природы соответствующей местности, с характером деятельности человека в том, или ином пункте. Наименование речки **Веденейки** (Сурский район) объясняется при помощи мордовского языка, в котором **ведь** — вода, **ведень** — водный. Топо- и гидроним **Чуварлейка** (Николаевский район) также связан с мордовским языком, в котором **чувар** — песок; **лей** — река. Название **Мулловка,** как можно полагать, подчеркивает приволье местности, ее изобилие всем необходимым для жизни человека. Ср. татарск. **муллык** — изобилие, приволье, достаток[1]. Можно полагать, что гидроним **Чеберчинка** (Сурский район) также обязан своим существованием татарскому языку и в переводе на русский язык означает «красивая». Ср. татарск. **чибер** — красивый, **чиберлек** — красота.

---

[1] Связь данного топонима с татарским же м у л л а — священник, не представляется возможной хотя бы потому, что из истории села ничего не известно ни о наличии в данной местности какой-либо мечети, ни о деятельности какого-либо муллы.

Немало среди нерусских топонимов области выделяется и таких, которые по возникновению неразрывно связаны с гидронимами. Здесь наблюдаются случаи, когда название населенного пункта представляет собой отражение названия того водного источника, возле которого соответствующее селение возникло. Вполне вероятно, что город **Барыш** получил свое имя по реке Барыш. В свою очередь река Барыш связана по названию с татарским языком, в котором слово **барыш** употребляется в значении «езда, ход, течение». По сообщению Юркина, раньше по реке шел путь в г. Алатырь и в Москву[1]. Город Сенгилей получил свое название по протекающей через него речке Сенгилейке; р. п. Сурск — по р. Суре; с. Сайман (Николаевский район) — по речке Сайману и т. д.

В то же время, есть основания предполагать, что в ряде случаев населенные пункты передали свои названия протекающим возле них рекам. В соответствии с историческими свидетельствами село Тагай, один из первых городов на так называемой Симбирской укрепленной черте, «передало» свое название протекающей возле него речке Тагайке[2].

Большое количество нерусских наименований, распространенных на территории области, по своему происхождению связаны с собственными личными именами нерусского корнеслова. В «Приходо-расходной книге Синбирской приказной избы» за 1665—1667 гг.[3], упоминается деревня мордовская **Паркайки** Келдюшева — ныне **с. Паркино** (Сурский район). С мордовскими личными именами связаны, например, такие селения Сурского района, как с. **Помаево, д. Аркаево, д. Атяшкино.**

До настоящего времени сохраняются некоторые топонимы, имеющие в основе нерусские по корню фамилии помещиков — бывших владельцев соответствующих сел.

---

[1] См.: Юркин. Материалы для истории города Карсуна и его слобод. Симбирск, 1908.

[2] П. Мартынов считает, что «Тагай... получил свое название от имени одного из ханов ордынских — Тугая Бездежского, который в 1361 г., пользуясь междоусобицами в Орде, набрал себе дружину, перешел Волгу и завоевал часть Мордовской земли».

П. Мартынов. Тагай, упраздненный город Симбирского уезда. Симбирск, 1898., стр. 3—4.

[3] См.: А. Н. Зерцалов. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Симбирск, 1896.

Таковы топонимы: **Аллагулово** (Мелекесский район), **Канабеевка** (Вешкаймский район), **Киндяковка** (район г. Ульяновска), **Малаевка** (Чердаклинский район), **Чуфарово** (Вешкаймский район) и др.

Наконец, говоря об основаниях появления нерусских топонимов на территории области нельзя не отметить того, что некоторое количество из них в своем существовании связано с перемещениями, миграциями населения как внутри области, так и с территорий, находящихся за ее пределами. Топоним **Уржумское** (Майнский район) генетически связан с марийским языком, обозначая в переводе на русский язык «беличье место». Однако ошибочно было бы связывать происхождение данного топонима и его этимологическое значение с природными условиями местности или с проживанием здесь марийцев. Дело в том, что рассматриваемое название было принесено в пределы области в середине XVII в. «переведенцами» из г. Уржума, основавшими на Симбирской сторожевой черте слободу и назвавшими ее по имени города, из которого они сюда пришли[1]. Подобными по своему появлению в пределах области является названия **Арское, Лаишевка, Тетюшское** (селения Ульяновского района) и некоторые другие.

Наименования с корнем Таш — неоднократно встречаются в пределах области. Ср.: **Ташла** Ясашная и **Ташла** Солдатская — селения Тереньгульского района; **Ташолка** — приток Свияги, протекающий преимущественно по территории этого же района. Вместе с тем названия Ташла и Ташолка встречаются в Куйбышевской области и в Татарской АССР: **Ташолка** — речка и селение в Ставропольском районе Куйбышевской области; **Ташла** — селение Куйбышевской области, близ Нового Буяна; **Ташлиярово** — селение Татарской АССР. Генетически топоним несомненно тюрко-татарского происхождения. Однако возникновение названных селений с рассматриваемым корнем в Тереньгульском районе области, возможно, и не связано с татарами. По свидетельству П. Мартынова, **Солдатская Ташла** основана солдатами выборного полка при речке Ташле «на диком поле в 1675 г.»,

---

[1] В. Э. Красовский. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. Симбирск, 1901.

а **Ясашная Ташла** основана в начале XVIII в. в верховьях речки Ташлы «ясашными из мордвы крестьянами»[1].

Следует указать, что названия многих селений по происхождению совершенно не совпадают с **национальным** составом жителей, проживающих в них в настоящее время. Последнее опять-таки обусловлено теми перемещениями населения, которые имели место здесь в более ранние исторические периоды. Поэтому сейчас многочисленны случаи, когда русские проживают в селениях с нерусскими названиями, чуваши — в селениях с татарскими наименованиями, татары — в селах с чувашскими топонимами. В некоторых случаях это как бы подчеркивается включением в состав топонима слова, являющегося определением более позднего национального состава жителей селения. Ср. противопоставления: **Сайман — Чувашский Сайман.; Русская Бектяшка — Мордовская Бектяшка; Старая Кулатка, Новая Кулатка, Усть-Кулатка — Чувашская Кулатка** и др.

Длительность использования нерусских по происхождению наименований в русском языке обусловила своеобразное освоение их по образцу русских слов. Многие топонимы нерусского корнеслова приобрели русские суффиксы и окончания, получили способность русского словоизменения, заметно преобразились в своем звуковом облике. Ср.: **Ташла** — из тат., **Ташлы; Веденейка** — из морд. **ведень; Чуварлейка** — из морд. **Чуварлей; Аркаево, Помаево, Паркино** — из морд., личных имен **Аркай, Помай, Паркай**; **Борла** — из тат. **борылу; Ерыклинск** — из тат. **ераклык** и т. д. Некоторые топо-и гидронимы рассматриваемого типа не претерпели сколько-нибудь заметных структурно-фонетических изменений, но формообразовательные способности их в этом случае уподобились соответствующим категориям русских слов. Ср.: Барыш— Барыша — к Барышу — в Барыше и т. д.

Значительное количество топонимов нерусского корнеслова, распространенных в области, могут быть уже сейчас определены и «расшифрованы» как по своей национальной принадлежности, так во многих случаях и по этимологическому значению, с которым был связан переход соответствующего слова в разряд топонимов.

---

[1] См.: П. Мартынов. Селения Симбирского уезда, Симбирск, 1903.

Вместе с тем на территории области встречаются и такие заведомо нерусского корнеслова топонимы и гидронимы, определение национальной принадлежности и этимологического значения которых в настоящее время представляет известные затруднения. Обусловлено это целым рядом причин. Одна из них заключается в том, что некоторые топонимы имеют звуковые соответствия не в одном, а в нескольких нерусских языках, причем в каждом из них со своим особым значением. Примером может служить топоним Малыкла, входящий в состав целого ряда собственных географических наименований на территории Ново-Малыклинского района: **Новая Малыкла**— центр названного района, **Старая Малыкла** — селение того же района; **Малыкла** — железнодорожная станция там же. В настоящее время на территории с рассматриваемым топонимом проживают и татары, и мордва, и чуваши. В языках всех трех названных народов имеются слова с корневым элементом **мал:** морд. **мала** — близкий; чувашск. **малалли** — дальний; татарск. **мал** — состояние, богатство, **маллы** — состоятельный, богатый, имеющий много скота. В данном случае анализ лишь корневого элемента топонима не дает возможности прийти к какому-либо определенному выводу. Однако, учитывая то, что в морфологическом составе топонима может быть выделен суффикс-лык — (**малык** ∠ малык —), можно предполагать, что это название по своему происхождению связано с татарским языком.

Вместе с тем на территории области встречаются и такие заведомо нерусского корнеслова географические названия, которые вообще не имеют приемлемых соответствий в современных нерусских языках области. Разгадка «тайн» данного пласта нерусской топонимики, видимо, возможна будет лишь на основе более тщательного изучения **диалектной лексики** этих языков, а также с помощью привлечения материала родственных языков и диалектов (в пределах, прежде всего, тюркской и угро-финской языковых семей).

Ниже приводится некоторый материал, характеризующий связи части нерусской топонимики области с мордовским, татарским, чувашским языками. Материал этот ограничен по объему, но, надеемся, и он окажется небесполезным для дальнейшего более полного и детально-

го изучения как отдельных наименований, так и всей топонимики области в целом.

Аллагулово — татарское село Мелекесского района. Название села по происхождению связано с тюрко-татарской по корню фамилией Аллагуловых.

Ардовать — приток Канадея (Николаевский район). Вполне допустимой представляется связь гидронима с мордовским языком, в котором **ардома** — 1) бег, 2) езда, 3) ход, 4) переезд; **ардомс** — 1) бежать, 2) ехать, 3) идти. Конечная часть гидронима — **вать,** видимо, является отражением основы **вед** —/**вад** —,распространенной в балтийско-финской топонимике со значением «вода»[1].

Аркаево — селение Астрадамовского сельсовета. Топоним возник на основе личного мордовского имени **Аркай,** принадлежавшего, по легенде, основателю села. В «Приходо-расходной книге Синбирской приказной избы» за 1665 г. упоминается мордовская «деревня Аркаева на ключе Белом, на речке Якле», а в ней «двор Атнашки Аркаева»[2].

Арское — селение Ульяновского района. Топоним тюрко-татарского корнеслова. Название появилось одновременно с основанием Арской слободы в 1649 г. переведенцами из г. Арска быв. Казанской губернии[3].

Ахматлей — татарское селение Николаевского района, Топоним, видимо, контаминационного характера, образован на основе личного татарского имени **Ахмат** и мордовского нарицательного **лей** — река.

Аппаково — чувашское селение Боровского сельсовета Мелекесского района. Этимологически топоним тюркского происхождения. В татарском языке **апа, апай**—«тетя», «старшая сестра»; в чувашском **аппа** — то же, что и в татарском. Таким образом, **Аппаково** — «тетино, сестрино».

Барыш. Слово неоднократно встречается в качестве топонима и гидронима как на территории области, так и за ее пределами, в частности, в Татарской АССР. Не вызывает сомнений связь наименования по происхождению с тюркскими языками, во многих из которых корень

---

[1] См.: В. Н. Топоров, А. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 178.

[2] А. Н. Зерцалов. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Симбирск, 1896., стр. 63—67.

[3] В. Э. Красовский. Хронологический перечень событий Симбирской губернии (1372—1901 гг.). Симбирск, 1901., стр. 7.

бар — широко распространен со значением «идти», «ехать»[1]. В татарском языке **бару** — «идти», «ехать»; **барыш** — ход, движение, течение. Как полагают, раньше по реке **Барыш** шел путь в гг. Алатырь и Москву[2].

Бирля — селение Мелекесского района и река — приток Б. Черемшана. В татарском языке **биру** — дать, дача.

Борла — левый приток р. Усы. Большая **Борла,** Большие Борлинские выселки — селения на реке Борле. Топоним **Борма** отмечен в Башкирской АССР на границе с Ульяновской областью. В башкирском языке **борма** — «извилина», **бормалы** — «извилистый»; в татарском **борма, бормалы** — то же, что и в башкирском; **бору** — вертеть, поворачивать; **борылыш** — поворотный, извилистый.

Вальдиватское — селение Сурского района. Топоним со сложной морфологической структурой и по корню, вполне вероятно, связан с мордовским языком. Первая часть названия соотносительна с мордовским **валдо** — свет, светлый. Вторая часть слова, видимо, связана с основой **вед —/вад** —, распространенной в балтийско-финской топонимике со значением «вода»[3].

Веденейка — река Сурского района, приток Большой Сарки, впадающей в Суру. В эрзя — мордовском языке **ведь** — вода; **ведень** — водный.

Вишенка — селение Мелекесского района. Возможна связь наименования с мордовским **вишкине** — малый, небольшой по размерам, с более поздним звуковым переоформлением по принципу народной этимологии.

Выры — село и станция Майнского района. Как указывает П. Мартынов, «село Выры не сразу приобрело свое название: сначала оно называлось Вырыпаевка, потом Выровка и Космынка, и только с XVIII века за ним осталось название Выры»[4]. Первоначальная форма названия, по мнению П. Мартынова, связана с фамилией Вырыпаевых, которая, судя по корневым элементам, возникла на базе чувашского языка.

Вырыстайкино — чувашское селение Сенгилеевского

---

[1] Историческое развитие лексики тюркских языков. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 233 и след.

[2] Юркин. Материалы для истории г. Карсуна и слобод. Симбирск, 1908.

[3] См.: В. Н. Топоров, А. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 178.

[4] П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903.

района. Название селу дано по личному чувашскому имени **Вырыстайка.**

Вышка — селение Ульяновского района; жители — мордва. Объяснение названия на основе русского слова **вышка,** видимо, возникло в результате народной этимологии. Более вероятной представляется связь наименования с мордовским **вишка** — малая, небольшая.

Еделево — мордовское село Кузоватовского района. В одной из грамот 1702 г., говорится: «... велено ему Петру ехать в Синбирский уезд в поместье синбирских мордовских мурз Юртая князя Еделева... на речку Тумыщеву»[1].

Елаур — чувашское село Сенгилеевского района. Первая часть топонима несомненно восходит к чувашскому **ял** — село, селение.

Ерыклинск — село Мелекесского района; **Ерыкла** — речка, на которой расположено названное село; Старая и Новая **Ерыкла** — селения Тереньгульского района. Топоним отмечен также на территории Татарской АССР. Название вполне может быть возведено к татарскому языку, в котором **ерак** — далеко, дальний; **ераклык** — дальность, даль. Изменение внутрикорневого гласного а∠ы может быть связано с межслоговой ассимиляцией. Можно полагать, что часть конкретных наименований с рассматриваемым корнем возникла на разной основе (наименование села по реке, перенос названия с одной территории на другую в связи с переселением жителей) и не является результатом прямого отражения отмеченного признака.

Менее вероятной представляется связь данного наименования с татарским же словом **зирек** — ольха[2].

Живайкино — чувашско-мордовское село Барышского района. Название, видимо, связано с личным мордовским именем **Живайка,** об использовании которого можно судить по грамоте 1694 г.: «... а всякие признаки указали старожилы Алатырского уезду мордва: деревни Ардатовы... Живайка Келдюшев...»[3].

---

[1] Ульяновский государственный архив. Фонд рукописных грамот. Грамота № 622.

[2] Р. Х. Субоева. К вопросу о взаимодействии тюрко-татарской и русской топонимики на территории ТАССР. Сб. «Памяти В. А. Богородицкого», изд. Казанского университета, 1961, стр. 377.

[3] Симбирский сборник, т. II, 1870, стр. 83.

Инза. Этим названием на территории области обозначается река — приток Суры, город и железнодорожная станция. Наименование имеет соответствия в мордовском и чувашском языках.

Мокша — морд., **инезе** — малина; **инзама** — борона; **инзавомс** — боронить; **эрзя** — мордовск.; **инзей** (инзой) — малина; **инзеень** — малиновый.

В чувашском языке **инзе** — далеко, дальний. Связь названия с одним из двух указанных языков представляется несомненной. Для более точного определения топонима по одному из отмеченных значений необходимы дополнительные конкретно-исторические сведения.

Ишеевка, название селению дано по татарскому собственному имени. Имеются исторические свидетельства о том, что уже в 1625 г., здесь жили «служилые татары князь Ишеева сотни»[1].

Калда — татарское село Барышского района.
В татарском языке калдау — залежь, залежная земля.

Карла — река; Карлинское — село на реке Свияге и село на реке Вязовке; Урено-Карлинское — село на реке Урень. В Буинском районе Татарской АССР отмечена речка Карла и селение Большая Карланга.

Появление отмеченных названий на территории области, возможно, связано с процессами переселения. По корню топоним, видимо, может быть соотнесен с татарско-мишарским **кар** — сосна[2].

Кармалей — селение Ст.-Кулаткинского района, расположенное у истока речки Мостяк. **Кармалейка** — чувашское селение Барышского района. Название имеет соответствия в мордовском языке: **кармамо** — начало; **лей** — река.

Кувайка — приток Барыша; Большой и Малый **Кувай** — селения, расположенные на речке Кувайке. Возможна связь названий с мордовским Кувака — длинный; кувать — долго, длинно.

Кудалейка — мордовская деревня Барышского района. Название отмечено также на территории Мордовской АССР и имеет соответствия в мордовском языке:

---

[1] Сб. «По краю Ильича», Ульяновск, 1960, стр. 21.

[2] Юркин. Материалы для истории Карсуна и его слобод. Симбирск, 1908.

кудо — дом; **лей** — река. Возможна также связь первой части топонима с личным мордовским именем **Кудаи**.

Кузоватово — центр Кузоватовского района. Топоним, как можно полагать, возник на основе мордовского языка, в котором **куз** — ель, откуда Кузоватово — Елово.

Кулатка. Это название широко распространено на территории Старо-Кулаткинского района: Кулатка — река; Старая и Новая Кулатка, Усть-Кулатка — татарские села названного района; Чувашская Кулатка — чувашское село того же района. Названия сел, надо полагать, вторичны по отношению к названию реки. Последнее, видимо, связано с татарскими — шире — тюркскими диалектами, в которых **кул** — 1) озеро; 2) оконечность.

Кундюковка — чувашское селение Богдашкинского района. Название, видимо, связано с личным чувашским именем Кундюк.

Лаишевка — селение и железнодорожная станция Ульяновского района. Наименование возникло как производное и вторичное к названию г. Лаишева (Татарская АССР).

Маза — река, протекающая по территории Радищевского района; **Верхняя Маза** — селение на этой реке (бывшее имение известного героя-партизана Отечественной войны 1812 г. и поэта Дениса Давыдова); **Нижняя Маза** — селение того же района. Названия селений, как можно полагать, вторичны по отношению к названию реки. Последнее по происхождению связано с мордовским языком, в котором **мазя** — мелководье; **мазя лей** — мелководная река. Менее вероятной представляется связь гидронима с мордовским же **мазый** — красивый.

Карагужа — селение Тереньгульского района. Возможна связь названия с татарским **кара** — черная и мордовским **кужо** — поляна. В связи с этим **Карагужа** — черная поляна.

Малыкла Новая — центр Ново-Малыклинского района; **Малыкла** Старая — мордовское селение того же района; **Малыкла** — ж/д станция. По аффиксальному оформлению можно полагать, что слово восходит к татарскому языку (см. наст. раб., стр. 167).

Мелекесс — город и железнодорожная станция. **Мелекесс** Верхний — чувашское село Мелекесского района; **Мелекесс** Русский — селение того же района; **Мелекесска** — река, протекающая через город, приток Б. Черем-

шана. Топоним отмечен на Каме, в пределах Татарской АССР. Название реки вторично по отношению к названию города. Известно несколько различных объяснений происхождения данного названия, основанных на народных преданиях. Однако и до сих пор остается неясной не только этимология топонима, но и его национально-языковая основа. Можно лишь предполагать, что по происхождению название связано все же с чувашским, а не татарским языком. Первая часть названия, видимо, восходит к чувашскому неканоническому имени **Мелей**; вторая к чувашскому же слову **кассы** — деревня, выселок. В чувашской топонимике нередки названия населенных пунктов типа Арай-Касы (выселок Арая), Иван-Касы (деревня, выселок Ивана) и т. д.

Мулловка — рабочий поселок Мелекесского района. Топоним **Муллы,** гидроним **Мулянка** отмечены на территории Пермской области. Связь топонима с татарским языком несомненна. Татарск. **мул** — 1) обильно, обильный; 2) густой; **муллык** — обилье, приволье, достаток. Менее вероятна связь топонима с татарским же **мулла** — священник.

Найман — селение в Толстовском сельсовете Николаевского района. В мордовском языке **найман** — базар, рынок. Топоним отмечен в Мордовской АССР.

Налейка — железнодорожная станция в Кузоватовском районе. В мокша— мордовском **нал** — роща. Топоним встречается и в Мордовской АССР.

Паркино — мордовское село Помаевского сельсовета Сурского района. Название связано с личным мордовским именем **Паркай.** В «Приходно-расходной книге Синбирской приказной избы» за 1665 г. упоминается деревня Паркайки Келдюшева[1].

Пичеур Старый — мордовское село Николаевского района; **Пичеур** Новый — мордовская деревня Старо-Пичеурского сельсовета. В мордовском языке **Пиче** — сосна. Данный корень встречается в составе целого ряда наименований — **Пичелейка; Пичевеле.** Формант **ур,** видимо, имеет общее значение «место», «местность». Отсюда **Пичеур** — «сосновое место».

Помаево — мордовское село Сурского района, получившее свое название от личного мордовского имени

[1] А. Зерцалов. Материалы для истории Симбирска, стр. 45.

Помай, что подтверждается сохранившимися и до настоящего времени преданиями.

Рузановка — русская деревня Чеботаевского сельсовета Сурского района. Топоним, как можно полагать, связан этимологически с эрзя — мордовским языком, в котором **руз** — русский (сущ.) **рузонь** — русский (прилаг.).

Рызлей — русское село Николаевского района. По происхождению топоним восходит к мордовскому **Рыслей** — рысья река; река, возле которой водились рыси.

Сайман — селение Николаевского района на реке Бекшанке. Название, видимо, является перенесенным и по происхождению связано с татарским языком, в котором **сай** — мелкий, мелководный; **сайлык** — мель; **ман** — выступает здесь в качестве словообразовательного аффикса. Менее вероятной представляется связь топонима с татарской фамилией Сайманов.

Салаван Старый — рабочий поселок на реке Большой Черемшан. В татарском языке, как и в чувашском, **сала** — село, селение; в мордовском **салавань** — тайный. Вероятнее связь топонима с мордовским языком.

Самайкино — село Ново-Спасского района. Возникновение топонима, по всей вероятности, связано с личным именем Самайка.

Сахалин — чувашский поселок Богдашкинского района. Название объясняется на основе чувашского языка, в котором **сахалли** — малое, небольшое по размерам (в данном случае селение).

Сахча Старая, **Сахча** Новая — чувашские селения Мелекесского района. Этимологически название связано со значениями «сторожевой пункт, охранение». Ср. татарск. **сакчи** — охрана; чувашск. **сыхла** — охранять. На карте «Симбирское наместничество в 18 в.» северо-восточнее Мелекесса указано селение **Сахтаселка** (сторожевое село?).

Сенгилей — город на Волге, центр Сенгилеевского района; **Сенгилейка** — речка, впадающая в Волгу в черте города. Можно полагать, что топоним появился на основе гидронима[1]. Название имеет соответствие в мордовском языке, где **Сянглей** — приток реки[2]. Встречающееся

[1] «Симбирские губернские ведомости», 1865., № 11.

[2] См.: Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. Географиздат, М., 1959, стр. 217.

указание на связь с татарским **сингили** едва ли может быть принято из-за трудности объяснения звуковых изменений в конце слова (— ли — лей?).

Собакаево — татарское селение Мелекесского района. Топоним связан с личным именем **Собакай,** употреблявшимся у татар и чуваш еще в XVII в. и отмеченным в упоминавшейся «Приходо-расходной книге Симбирской приказной избы»[1].

Сыреси — селение Сурского района. Название соотносительно с мордовским **сыре** — старый, древний.

Сюндюково Красное — татарская деревня Ундоровского сельсовета. Название происходит от личного имени **Сюндюк**, употреблявшегося у татар и чуваш и отмеченного в грамотах XVII в.

Тагай — селение Майнского района на речке Тагайке — притоке Сельди. П. Мартынов считает, что Тагай получил свое название от имени одного из ханов Ордынских Тугая Бездежского, который в 1361 г., пользуясь междоусобицами в Орде, набрал себе дружину, перешел Волгу и завоевал часть мордовской земли[2]. В данном случае топоним, видимо, явился основой гидронима. Связь названия с тюркскими языками не вызывает сомнений. Тюркск. **тогай** (тугай) — лес, чаще пойменный, в речных долинах.

Ташла Ясашная и **Ташла** Солдатская — селения Тереньгульского района; **Ташолка** — приток р. Свияги. Название нередко встречается за пределами области, в частности, в Татарской АССР и в Куйбышевской области. Связь наименования по происхождению с тюркскими языками несомненна: татарское **таш** — камень; **ташлы** — каменистый. Названия селений, как можно полагать, возникли на основе названия реки. Правда, последнее в своем современном виде (Ташолка, безусловно, является производным от **Ташла**). Как указывает П. Мартынов, Солдатская Ташла основана солдатами выборного полка при речке Ташле, «на диком поле» в 1675 г., а Ясашная Ташла в начале XVIII столетия, жители были «ясашные из мордвы крестьяне»[3].

---

[1] А. Зерцалов. Материалы для истории города Симбирска.

[2] П. Мартынов. Тагай — упраздненный город Симбирского уезда. Симбирск, 1898, стр. 3—4.

[3] П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903, стр. 12.

Тереньга — районный центр Тереньгульского района, расположенный на речке Тереньгульке — притоке р. Усы. Гидроним, по всей вероятности, связан с татарским **тирен** — глубоко, глубокий; **тиренлек** — глубина.

Тия — приток Черемшана; **Тиинск** — селение и железнодорожная станция. Татарское **тию** — достаться, быть полученным при распределении, раздаче, разделе. Возможна также связь гидронима с мордовским **тея** — узкий.

Туарма Верхняя — приток Барыша; **Туарма** Верхняя и **Туарма** Нижняя — селения на этой реке. Топоним по морфологическому составу представляет сложное слово. В наиболее ранних грамотах пишется как **Туварма.** Так, в одной из рукописных грамот 1673 года после описания чувашских (и татарских) дворов отмечено: «По реке Барышу и по реке Туварме по обе стороны...»[1]. На карте «Симбирское наместничество в XVIII в.» отмечены деревни Верхняя и Нижняя Туварма[2]. По свидетельству Юркина, село **Туварма** и деревня Верхняя **Туварма** зафиксированы в купчей крепости 1758 г.[3] В связи с этим Юркин возводит название к чувашскому языку, в котором **ту** — гора; **вар** — низменность. Отсюда **Туарма** — «низменность среди гор, холмов»[4].

Тумкино — мордовское селение Тереньгульского района. Название селения связано с мордовским языком, в котором **тумо** — дуб. Отсюда **Тумкино** — **Дубово**.

Ундоры — селение и пристань на Волге. Татарск. **Ундырыш** — плодородие; **ундырышлы** — плодородный, хлеборобный. Изменение звучания в данном случае вполне допустимо в связи с освоением слова русскими. На карте «Симбирское наместничество в XVII в.» — **Ундары.** Менее вероятна связь топонима с мордовским **ундо** — дупло.

Уразгильдино — татарское село Чердаклинского района. В грамотах XVII века нередко встречается личное татарское **Уразгилдка**; «двор Уразгилидка Силбяев», «во дворе Уразгилдка Аваеев», «двор Кабышка Уразгильдеев»[4] и т. д. Возникновение топонима несомненно связано с данным личным именем.

---

[1] Ульяновский государственный архив. Фонд рукописных грамот. Грамота № 780.

[2] Карта экспонируется в Ульяновском областном краеведческом музее.

[3] УГА, Архив Юркина. Фонд 269.

[4] См., например, материалы «Приходо-расходной книги Синбирской приказной избы 1665—67 гг.».

Урайкино Горное; Урайкино Русское; Урайкино Татарское — татарские селения Чердаклинского района. По происхождению топоним также связан с неканоническим личным именем **Урай, Урайка.**

Уренбаш Старый — татарское село Чердаклинского района; **Уренбаш** — ж/д разъезд. Татарское **баш** — начало, исток, верховье; **Урень** — название реки.

Урень. Данное слово широко распространено в качестве самостоятельного названия и в составе сложных наименований как на территории области, так и за ее пределами. В области: **Урень** — приток Барыша; **Урень** — река в Чердаклинском районе, приток Волги; **Усть-Урень, Базарный Урень, Малая Усть-Урень, Урено-Карлинское, Урено-Копышовка** — селения Карсунского района; **Новый Урень** — татарское село Чердаклинского района. Бесспорно, что названия селений вторичны по отношению к названиям рек. Гидроним по происхождению, видимо, связан с татарским языком, в котором **УР** — возвышенность, бугор, холм, пригорок; татарско-мишарское **Урене** — на горе. Отсюда река Урень — река, протекающая по холмистой, пересеченной местности.

Уса — река, протекающая преимущественно по территории Тереньгульского района. Татарское **усак** — осина. Топоним отмечен также в Пермской области.

Чеберчинка — приток реки Суры. Происхождение гидронима связано с татарским языком, в котором **чибер** — красивый; **чиберлек** — красота.

Чердаклы — центр Чердаклинского района. Топоним по происхождению несомненно связан с тюркскими языками. По А. М. Селищеву, первичное значение этого слова — «дом, огороженное место»[1].

Черемшан — левый приток Волги. Башкирское **черемша** — темный лес.

Чуварлейка — река и мельница в Николаевском районе. Мордовское **чуварлей** — песчаный (о реке с песчаным дном и берегом).

Чурклей — селение и река Николаевского района. Мордовское **чурк** — лук; **лей** — река.

Чуфарово — ж/д станция Вешкаймского района и село Сурского района. Названия возникли на основе фамилии

---

[1] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 1, стр. 19.

Чуфаровых, которая по корню восходит к мордовскому **чувар** — песок.

Юловка — приток Инзы; **Юлово** — село на этой реке; **Юловка** — селение Инзенского района. В татарском языке **юл** — дорога, дорожка, путь.

Якла — приток Барыша. Возможна связь гидронима с татарским **як, яклы** — край, крайний.

В. К. ИВАНЕНКО
Кандидат педагогических наук

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ АКТИВИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Каждый урок русского языка может стать активным по характеру деятельности учащихся на нем. Для этого надо, чтобы в ходе подготовки детально предусматривалось, что и как в ходе занятия будет делать сам учитель, какие задания и как будут выполнять дети, что будет записано на доске и в тетрадях, какими знаниями и умениями в результате всего этого овладеют учащиеся. Важно быть готовым разъяснить лаконично ученикам смысл предстоящей работы и своевременно показать или напомнить образец выполнения предлагаемого задания, четко ставить вопросы и показывать рациональные пути осознания изучаемого. Необходимо, чтобы учитель в совершенстве владел известными методическими приемами обучения, особенно грамматическим разбором и графическим оформлением его.

Известно, что, сокращая время на индивидуальный опрос, многие учителя усиливают работу со всем классом, больше места отводят и воспитанию у детей умений строить предложения для выражения мыслей об определенном предмете, явлении и т. п. Однако порой при этом наблюдается не совсем обоснованный отказ от проверки домашних упражнений в классе. Между тем надо признать, что эффективность урока определяется не отсутствием опроса или проверки домашнего задания, но прежде всего характером того, как учитель организует деятельность учащихся при опросе и проверке домашнего задания. Активность учащихся зависит обычно от тех прие-

мов, какими проверяются знания и навыки учащихся, от тех методов, с помощью которых разъясняется новое и проводится закрепление изучаемого. Исключительное значение для активизации учащихся имеет установление необходимой связи между изучаемой грамматической теорией и речевой практикой учащихся.

Таковы выводы, полученные в результате проводившейся нами работы в течение двух лет в школах города Ульяновска № 1 им. В. И. Ленина и № 7 им. В. В. Кашкадамовой.

Отказаться от проверки в классе работ, выполняемых дома, значит принизить роль домашних заданий, являющихся обычно естественным продолжением урока. Совершенствовать эту структурную часть урока следует в нескольких направлениях. Надо, чтобы приемы проверки были экономными во времени, а вместе с тем активизировали учащихся, содействовали закреплению необходимых навыков и подготавливали учеников к очередной работе. Указанным требованиям отвечает выборочное чтение проверяемого, сопровождаемое дополнительным заданием — подчеркнуть слово, разобрать его по составу[1], определить структуру предложения и т. п. Кстати, прием подчеркивания определенных морфем или орфограмм широко использован в переработанном учебнике[2]. Но это не исключает того, чтобы названный методический прием применялся и при проверке упражнений, выполненных в классе или дома. Учитель, работающий творчески, стремится сделать опрос максимально обучающим, в чем существенную помощь оказывает пособие М. В. Ушакова «Упражнения по орфографии в средней школе» (изд. 4, М., 1962 г., а также предыдущие издания). Вполне возможно и целесообразно в ряде случаев использовать повторно тексты тех упражнений учебника, которые выполнялись ранее. Например, к уроку на тему «Буквы О и Е после шипящих и Ц в суффиксах прилагательных» уче-

---

[1] При графическом оформлении разбора по составу слова мы, как и Б. З. Вульфов (см. «Русский язык в школе», 1958 г., № 6, стр. 57—61), подчеркиваем корень двумя чертами, приставку — одной, суффикс — углом, окончание — волнистой чертой, например: РАЗВЕДЧИКИ, ПОГРУЗКА.

[2] С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков, Учебник русского языка, ч. I, изд. 8, М., 1961 г.; ч. II, изд. 9, М., 1962 г.

ники повторили § 45, 57, 65. Знания и навыки по этим темам можно проверить путем выборочного и словарного диктантов. Для первого могут быть использованы тексты упражнений 290, 291, 293, 343, 390 и др., для второго — 289, 341, 342 и др. Если названные параграфы не повторялись к уроку, тогда учащиеся могут прочитать их в классе (на это уходит 3—4 минуты), а затем учитель проводит выборочный или словарный диктант по текстам указанных упражнений. При таком опросе в активную работу вовлекаются все ученики, и учитель успешно обучает каждого из них.

Общеизвестно, что применение наглядности значительно экономит время, содействует более активному восприятию изучаемого, позволяет быстрее переходить к практическому применению изученной теории. Довольно часто содержание таблиц, предлагаемых в тех или иных пособиях[1] или составленных самим учителем, переносится на доску. Запись надо оформлять экономно, так, чтобы она помогала учащимся видеть главное, существенное. Этому требованию отвечают миниатюрные схемы, к которым мы обращаемся при изучении правописания суффиксов существительных, прилагательных, причастий и т. п., например: —ИЦЕ, но —ЕЦО́; —Ц—О́В—, но Ц—ЕВ—.

В классах заслуженной учительницы школ РСФСР Е. И. Никитиной, а также ее последователей Е. П. Зининой, Л. Г. Шаховой, З. К. Чумак и других ребята всегда работают увлеченно: сравнивают, перестраивают, дополняют, сочиняют, читают и анализируют создаваемое ими же самими. Поэтому учащиеся много пишут, принимая активное участие в составлении и стилистической правке записываемого. Руководствуясь грамматической теорией, дети рассказывают о своих мыслях и чувствах, о вполне определенных предметах и явлениях, о хороших и замечательных людях прошлого и нашего времени. Так обес-

---

[1] В. Н. Смирнова, Наглядное обучение орфографии в V классе, Учпедгиз, М., 1959 г.

А. И. Дашко, Закрепление знаний и навыков по русскому языку с применением наглядности, Учпедгиз, М., 1962 г.

печивается активность учащихся в развитии их речи, и результатом уроков является обычно запись в тетрадях связного текста, составляемого детьми. Учитель при этом умело направляет своих учеников, успешно руководит их речевой практикой. Например, изучение сложноподчиненного предложения с придаточным цели связывается с подготовкой к домашнему сочинению на тему «Для чего мы учимся».

Записанное на доске предложение (Для построения коммунизма нужны честные, трудолюбивые, всесторонне образованные люди) учащиеся перестраивают так, чтобы эта мысль была выражена сложноподчиненным предложением с придаточным цели (Чтобы построить коммунизм, нужны честные, трудолюбивые, всесторонне образованные люди). Повторив сложное предложение, учащиеся анализируют его (читается главное, придаточное и т. д.), делают необходимый вывод о значении придаточного предложения цели. Только после этого записывается в тетрадях предложение, структуру и значение которого учащиеся хорошо осознали.

Затем уточняется цель урока — подготовка к домашнему сочинению. Учитель указывает, что вопросы дадут основное направление сочинению: 1) Для чего нужно изучать русский язык и литературу? 2) Зачем необходимо знание математики? 3) Зачем надо знать химию и биологию?

Ответы, получаемые на данные вопросы, уточняются. Записываются таким образом три предложения. В одном из них придаточное ставится в середине, в другом — в начале, а в последнем — в конце сложного предложения. Умения строить сложноподчиненные предложения с придаточными цели, полученные в результате устной речевой практики, дополняются уяснением теории: вторично обобщается определение придаточного предложения. Последующие задания заставляют учащихся сопоставить союз ЧТОБЫ с омонимичным сочетанием местоимения и частицы, вспомнить правило употребления частицы НИ при утверждении. Требуется изменить данное предложение так, чтобы в нем было местоимение ЧТО и частица БЫ: Все, что мы учим в школе, необходимо в жизни. — Что бы мы ни учили в школе, все необходимо в жизни. Записывается только последнее. Далее, изменить следующее предложение так, чтобы в нем появилась частица

БЫ: Все, что рассказывают преподаватели, интересно и полезно. — Что бы ни рассказывали преподаватели, все интересно и полезно знать.

Затем к нескольким предложениям подбираются придаточные: 1) Надо настойчиво овладевать знаниями (чтобы жить и трудиться по-ленински). 2) Всегда и всюду стремитесь к тому (чтобы люди были благодарны вам). Наконец учитель читает отрывок из романа Н. Островского «Как закалялась сталь», откуда для записи берутся два предложения: Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Указав тип придаточного предложения в последнем предложении, учащиеся сравнивают их с предыдущими, где придаточное связывается с главным тоже союзом ЧТОБЫ. Так дается понятие о том, что союз ЧТОБЫ может употребляться для связи с главным придаточных изъяснительных, образа действия, цели.

Составленный учащимися и записанный в тетрадях связный текст читается одним из них. Теперь учащийся совершенно самостоятельно и верно излагает теорию по изучаемой теме. Другие выбирают и читают из записанных те предложения, в состав которых входят придаточные цели. В заключение проверяются, как усвоили ученики новое, и уточняется содержание домашнего задания.

Отдавая должное внимание глубокому изучению грамматики родного языка, Е. И. Никитина стремится к тому, чтобы каждый урок был истинно воспитывающим. На таких уроках детям прививается любовь к своему родному краю, возбуждается живой интерес к героическому прошлому и жизни замечательных людей. Здесь ребята не только познают законы русского языка, но и учатся видеть хорошее в человеке, понимать прекрасное в природе и искусстве. Изучение грамматики строится на таких текстах, которые могут оказать положительное влияние на развитие связной речи учащихся. Тексты из художественных произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, С. Есенина, А. Прокофьева и других подбираются так, чтобы и отдельные фразы, и отрывки из произведений этих художников пробуждали и укрепляли у детей страстное желание учиться великому языку у замечательных

мастеров слова. Разнообразие приемов, избираемых учителем, дидактически оправдано. Все подчиняется одной цели, которая рассматривается как изучение определенной грамматической темы в тесном сочетании с развитием связной речи учащихся и воспитанием у них коммунистического мировоззрения[1]. Таким образом, изучение грамматики умело увязывается с речевой практикой учащихся. Это один из важных путей активизации учащихся на уроках русского языка.

Рассмотрим еще один путь активизации учащихся на уроках русского языка — использование схем. Обращаясь к схемам, учащиеся быстрее и лучше осознают структуру анализируемых предложений, учителю же схемы помогают более целенаправленно руководить речевой практикой учащихся, лаконично формулировать при этом задания по конструированию определенных предложений на указанную тему.

Учителя, в классах которых мы проводили работу, стали чаще применять графическое оформление грамматического разбора и схемы для изучения синтаксиса и пунктуации. Этому нам помогли работы не только А. В. Текучева, но и других авторов — Г. М. Макарова, А. И. Пугачевой[2], Л. Н. Ланды[3], Л. П. Федоренко[4], А. Н. Назарова[5], И. Г. Уринова[6] и др.

---

[1] О стиле работы Е. И. Никитиной подробней рассказывается в очерке А. П. Макарова «Щедрое сердце», Ульяновское книжное издательство, 1963 г.

Весьма ценные фактические сведения об уроках Е. И. Никитиной можно найти в ее брошюре «Грамматика и жизнь», Ульяновское книжное издательство, 1963 г., а также в ее же статьях «Связать обучение русскому языку с пионерской работой» («Русский язык в школе», 1962 г., № 2, стр. 41—45), «Грамматика и жизнь» (Учительская газета, 23 марта 1962 г.) и «Чтобы учиться было радостно» (Учительская газета, 16 ноября 1961 г.).

[2] Г. М. Макаров, А. И. Пугачева, Графическое оформление грамматического разбора в вузе, Южно-Сахалинск, 1960.

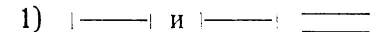
[3] Л. Н. Ланда, Обучение учащихся методам рационального мышления и проблема алгоритмов, Вопросы психологии, 1961 г. № 1, стр. 103—118.

[4] Л. П. Федоренко, Методы обучения русскому языку в вечерних (сменных) школах, М., 1961 г.

[5] А. Н. Назаров. Грамматический разбор и грамматическое конструирование, Пенза, 1961 г.

[6] И. Г. Уринов. Упростить приемы обучения пунктуации в предложениях с однородными членами, Русский язык в школе, 1961, № 5, стр. 84—93.

Расскажем об одном уроке, где был использован указанный методический прием. Приступая к изучению союзов, предлагаем детям прочитать про себя § 159. Затем через 3—4 минуты беседуем по содержанию параграфа, стремясь обратить внимание на роль союзов в предложении, для чего в ходе беседы записываем на доске соответствующие схемы, обобщенно представляющие рассматриваемые синтаксические конструкции. Так, вначале требуем найти из прочитанного параграфа те предложения, в которых союз И соединяет однородные члены, а именно: Молодость и природа ускорили мое выздоровление. Кирюха и Валя бродили поодаль.

Кроме главных членов, в схемах мы отражаем наличие в предложении однородных членов, союзов и союзных слов и т. п. При этом используем общепринятые обозначения, дополняя их лишь некоторыми деталями, например: подлежащее обозначаем прямой линией, пересекаемой двумя прямыми, обобщающее слово — треугольником и т. д.

Выполняя другие задания, учащиеся находят примеры с союзом И, соединяющим предложения (Гремел гром, и шел дождь. Слышалось пение птиц, и доносилось журчание ручейков). Читаются примеры с союзом А, соединяющим сказуемые (Возик свой мы не свезем, а скатим), обстоятельства (Соловей уже не по-вечернему, а по-ночному заливается на весь сад), предложения (Лошади стали, а мы ушли вперед). Далее дети указывают, что повторяющийся союз ТО-ТО связывает два предложения (То солнце тусклое блестит, то туча черная висит). Наконец, назвав подчинительные союзы, имеющиеся в примерах параграфа, дети называют сложные предложения с союзом ЕСЛИ, КОГДА, ЧТО. Так проводится анализ примеров, имеющихся в параграфе учебника. На доске, кроме данной выше схемы, записываются и следующие:

2) ═══ |———| ‖ , и ═══ |———|

3) |———| ═══ , а ═══

4) |———| . . . . , а . . . . ═══

5) |———| ═══ ‖ , а |———| ═══

6) То |———| ═══ ‖ , то |———| ═══

7) |———| ═══ ‖ , если |———| ═══

8) ═══ ———| ‖ , когда |———| ═══

9) |———| ═══ ‖ , что |———| ═══

Записанные на доске схемы помогают ученикам сделать необходимые выводы и о постановке знаков препинания в предложении той или иной структуры. Продолжая закреплять изучаемое, учащиеся определяют структуру предложений (упр. 751), некоторые из них записываются. Кроме этого, учащиеся вычерчивают схемы читаемых учителем пословиц, а затем записывают их: Невелики муравьи, а воздвигают целые башни. Смелого не устрашит ни пуля, ни меч, ни огненный смерч. Лжец приводит в свидетели или умерших, или отсутствующих. Откладывай безделье, да не откладывай дела. Звание героя дают не за красоту, а за труд. Машина любит ласку, чистоту и смазку.

Эффективность обучающих работ значительно повышается, если учащиеся, выполняя их, обращаются к схемам. Последние записываются учителем на доске или составляются самими учениками в тетрадях. Для подтверждения этого расскажем об одном тренировочном диктанте. Уяснив при подготовке к уроку структуру пред-

ложений, составляющих взятый для диктанта текст, записываем на доске схемы. В них отражаем структурные элементы предложения: главные члены, обособленное определение, обобщающие слова при однородных членах, союзы и союзные слова, обращения, прямая речь. Схемы нумеруем и располагаем с учетом постепенного усложнения конструкции, а именно:

1)

2)

3) , и

4) ,

5) ◁ : , , —

6) , { } ,

7) || ,

8) || , а

9) || но

10) || , так как

11) когда || , || , что

12) : „ — обр.

Требуем, чтобы учащиеся прежде, чем записывать прочитанное учителем предложение, установили, какой

схеме соответствует по структуре данное предложение, отметили это в своей тетради, поставив соответствующую цифру, а потом уже записывали. Все это заставило семиклассников вначале обязательно осмыслить предлагаемое для записи предложение и соотнести его с той или иной схемой, а потом уже записывать. Приводим текст диктанта с указанием на характер записи его в тетрадях учащихся.

Отважная четверка

(1) В ночь на 17 января 1960 года на южную часть островов Курильской гряды обрушился ураган. (7) Завыла пурга, повалил густой снег. (6) Две самоходные баржи, стоявшие на якоре, сорвались с тросов. (9) Одну из них выбросило на берег, но экипаж ее был спасен. (2) Усилившийся ураганный ветер понес другую баржу в открытое море. (4) Ледяные волны затушили сигнальные огни, испортили радиостанцию. (3) Снег, дождь и шторм не прекращались. (8) Дни сменялись ночами, а океан все бушевал. (2) Четыре советских воина мужественно продолжали бороться со стихией. (5) Никакие невзгоды: ни холод, ни голод, ни бушующий океан — не сломили юношей. (12) Один из них повторял своим друзьям: «Самое главное — не падать духом, ребята». (2) Седьмого марта американский авианосец заметил в океане баржу. (1) На ней было четверо исхудавших людей. (10) На вопросы они не отвечали, так как ничего не слышали от слабости. (11) Когда же советские солдаты пришли в себя, они сказали, что хотят скорее вернуться в Советский Союз.

Семиклассники верно определили структуру всех предложений. Доказательством этого является незначительное количество пунктуационных ошибок. Кстати, ни одного лишнего знака не было поставлено. Характер ошибок один — пропуск некоторых знаков, а именно: 1) девять учащихся не выделили обращение (Самое главное — не падать духом, ребята); 2) двое в этом же предложении не поставили тире между подлежащим и сказуемым; 3) один пропустил запятую между однородными сказуемыми (Ледяные волны затушили сигнальные огни, испортили радиостанцию), 4) один не поставил тире в предложении с обобщающими словами (Никакие невзгоды: ни

голод, ни холод, ни бушующий океан — не сломили юношей); 5) один не отделил от главного первое придаточное в сложном предложении (Когда советские воины пришли в себя, они сказали, что хотят скорее вернуться в Советский Союз); 6) двое не поставили точки в конце этого предложения. Таким образом, в 33 работах имелось пунктуационных ошибок только 16.

Орфографических ошибок в этих же работах было почти в три раза больше — 47. Последних могло бы и не быть, если бы в процессе письма использовалось подчеркивание по указанию учителя определенных орфограмм, букв. В этом мы убедились, проведя по данному тексту диктант в другом классе, где учащиеся по нашему указанию подчеркивали после записи каждого предложения ПРИСТАВКИ (никакие, невзгоды, прекращались, исхудавших), БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ КОРНЯ (океан, островов, отвечали, выбросило, ураган, продолжал), СУФФИКСЫ (хотят вернуться, советский, авианосец, заметил) и др. Эффективность настоящего методического приема несомненна, и его необходимо использовать и при других видах диктантов.

В заключение дополним выводы, изложенные во вступлении к настоящей статье. Отдавая должное внимание ознакомлению учащихся с тем, что дает и может дать родной язык и его грамматика для выражения мыслей и чувств, надо как можно больше времени уделять воспитанию умений строить предложения для выражения мыслей об определенных предметах, действиях, явлениях. Для этого следует обращаться к жизненному опыту учащихся, к их наблюдениям за окружающей действительностью, к прочитанным или изученным в курсе литературы произведениям, тем самым связывать изучение грамматической теории с речевой практикой детей. Всесторонне продумывая вопросы и задания для учащихся, а также предполагаемые ответы, учитель более уверенно и более успешно управляет учебным процессом, слово учителя звучит властно и убежденно. А это побуждает учащихся работать активно, находить быстро необходимые ответы на поставленные вопросы, творчески решать предлагаемые учителем задачи, а вместе с тем изучаемое хорошо усваивать в основном на самом уроке.

Д. И. АЛЕКСЕЕВ
Кандидат филологических наук

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Краткая диалектологическая хрестоматия Ульяновской области задумана прежде всего как практическое пособие для студентов филологических факультетов педвузов. Однако настоящая краткая хрестоматия, как нам кажется, имеет и некоторую самостоятельную научную значимость, поскольку других хрестоматий Ульяновской области пока не создано. Мы убеждены, что составление диалектологических хрестоматий, образцом которых является книга проф. В. А. Малаховского (Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия, Куйбышев, 1957), дело настолько же необходимое, насколько необходима и сама диалектология как наука. Только в хрестоматии фиксируется живая народная речь, только из хрестоматии можно получить наглядное представление о диалекте. Хрестоматию не заменят ни региональный словарь, ни диалектологический атлас. Лишь в ней найдут для себя материал исследователи, которые не имеют возможности лично наблюдать народную речь во всем ее многообразии, языковеды, изучающие синтаксические и отчасти фонетические особенности народных говоров. Хрестоматия дает пищу для представителей не только «ретроспективной», но и перспективной диалектологии. Наконец, хрестоматия — пока единственное активное средство, с помощью которого вообще можно зафиксировать в письменности уходящую в прошлое диалектную речь.

Следует отметить, кроме лингвистической, также фи-

лологическую ценность хрестоматий: в них накапливаются образцы устного творчества, в них можно обнаружить образцы речи талантливых мастеров-рассказчиков нашего времени, умеющих приковать к себе внимание слушателей. Это, конечно, мастера скромные, без громкого имени.

Записи речи производились нами в течение последних 15 лет. По техническим и другим причинам здесь публикуется лишь незначительная часть собранных материалов. Все записи производились «вручную», т. е. без применения магнитофона, что, разумеется, не могло не сказаться на точности передачи произношения, на манере изложения и поведении рассказчика и т. д.

В сборе материала, помимо составителя, приняли участие студенты и выпускники Мелекесского пединститута, среди которых следует особо выделить Л. В. Шерстневу, Р. Ф. Новикову, Л. С. Николаеву, А. М. Сутягина, С. В. Пономарева, Л. К. Хлынину, А. Ф. Головина, Н. М. Сивицкую, Т. А. Сафонову, Т. Б. Васильеву.

Записи по некоторым районам отобраны и извлечены Л. С. Николаевой из диалектологических архивов Куйбышевского пединститута, любезно предоставленных нам проф. В. А. Малаховским, которого от души благодарим за оказанную помощь.

При подготовке материалов к печати мы применили единую для всех текстов упрощенную транскрипцию. Однако упрощение ни в малейшей степени **не искажает произношения**. Цель упрощения — облегчить набор текста и — особенно — сделать хрестоматию максимально доступной для читателя-неспециалиста.

К хрестоматии приложена диалектологическая (точнее, лингвистическая) карта области. Она составлена студентами Мелекесского пединститута М. М. Салуном и В. Б. Рейнером. При подготовке к печати нами были внесены в карту значительные исправления и добавления, в которых принял активное участие доцент кафедры русского языка Ульяновского пединститута В. Ф. Барашков[1], а также сотрудники Казанского университета Р. Х. Субаева и Л. П. Смолякова, бывшие студенты Мелекесского пединститута Л. В. Шерстнева, К. М. Федосеева, местный житель и знаток Тереньгульского района В. С. Дубровин

[1] Его можно считать соавтором этой карты.

и др. Пользуясь случаем, выражаем им свою искреннюю признательность.

Богаче других в хрестоматии представлены владимирско-поволжские окающие говоры. Они лучше изучены нами и господствуют в Ульяновской области (см. карту). Основные отличительные особенности ульяновских окающих говоров таковы.

1. Неполное оканье: мълоко́, кънопе́л', гъвори́л; ср. также роз'ме́р, робо́та, Они́сим. Спорадически отмечается звук О во втором предударном слоге: озимя́, отвёла́. Под влиянием литературного языка и акающих говоров в некоторых словах систематически произносится А вместо ожидаемого О: ганя́т', гаря́чый, канфе́ты, кар'зи́нка, мато́р, Никала́й, салда́т, тава́р и др.

2. Ёканье: сёло́, сёстра́, нёсу́, шосто́к; возможно появление 'о(ё) и на месте старого ять, но с меньшей последовательностью: лёта́т' и лета́т', вёдро́ и ведро́, слёпы́х и слепы́х. В целом в говорах ёканье проявляется менее последовательно, чем оканье.

3. Отчетливое произношение предударного Э без тяготения его к И: сестра́ (наряду с сёстра́), весна́, теле́га. В некоторых говорах более или менее последовательно произносится И на месте Э, особенно перед мягкими согласными: тиле́га, бил'йо́, пине́к (с. Архангельское Чердаклинского района, с. Головкино Старо-Майнского района и др.).

4. Сохранение 'А в предударном слоге: лягу́шка, мясно́й, пята́к. Отступления наблюдаются в отдельных словах: дьсети́на, нъ мойе́й пъмете́, лъшэде́й и др.

5. Редукция гласных в слабой позиции: мълоко́, нъпишу́; сьноко́с, о́сьн'; са́хър, го́рът; ср. также съндуки́, чъгуно́к, чэрёмъха. Звук У в слабой позиции может и сохраняться.

В заударных слогах в ряде говоров нередко вместо Ъ появляется А: по́мач, го́рат, ка́г жа.

6. Уканье: утопри́, угоро́т, угроно́м. В некоторых говорах уканье отсутствует: ътопри́, ъгроно́м (Радищевский район).

7. Произношение И на месте Э под ударением перед мягкими согласными: дин', ди́ф'ки, и́ти (эти). Особенность отмечена в с. Архангельском Чердаклинского района и немногих других говорах[1].

8. Твердое произношение согласных Ч, ШШ, ЖЖ: чай, чы́стый, ишшо́, шшу́ка, во́жжы.

9. Ослабление или отпадение смычного элемента в сочетаниях мягких согласных З'Д', С'Т': з'з'дес', с'с'теп' (в дальнейшем упрощенно записывается з'дес', с'теп' или з'зес', с'сеп'); шэс', йес', пус'. Отпадения может и не быть: влас'т', гос'т'.

10. Наличие ударного окончания -Е в предложном падеже существительных 3-го склонения: нъ печэ́, ф шале́, нъ лъшэде́ (и на ло́шъди).

11. Широкое распространение окончания -ОВ у существительных в родительном падеже множественного числа: дети́шкъф, рукъводи́тьльф, пу́гъфкъф, местóф, болóтъф.

12. Смягчение заднеязычных согласных в конце основы существительных в творительном падеже множественного числа: з дефчóнкими, ру́чкими, з бума́гими. В некоторых говорах смягчение отсутствует: ру́чкъми, дефчóнкъми (с. Елшанка Николаевского района).

13. Стяжение гласных в прилагательных и глаголах: му́тнъ вода́, чы́стъ вълокнó, цэ́лу неде́лю, глу́пы де́ти; он зна́т, уме́т.

14. Твердое произношение звука С в возвратных глаголах: нь бойу́с, излома́лсъ, вы́мъссъ (вымоешься). Встречается и мягкое произношение: бойу́с', принялся́, пус'ти́лся (Радищевский район; с. Архангельское Чердаклинского района).

15. Употребление местоименных форм у тейа́, у сейа́, у тя́, у ся́, к те. Широко употребляются также формы у меня́ (у миня́), у тебя́, у себя́, ко мне́, к тебе́, к себе́.

---

[1] См. подробнее в нашей статье «Об одной фонетической особенности владимирско-поволжских говоров», Ученые записки Куйбышевского пединститута, вып. 12, Куйбышев, 1954.

Пояснения к транскрипции

' — знак мягкости согласного; перед гласными Е, Ё, Ю, Я, И, Ь знак мягкости не ставится.

Е, Ё, Ю, Я обозначают соответственно звуки Э, О, У, А, а также отмечают мягкость предшествующего согласного.

Ь, Ъ — редуцированные гласные звуки. Й = j и Й. Ударение в односложных словах не отмечается.

1. СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Барышский район, с. Головцево

1. Как лен обрабатывали

Лён посе́йут, пос'пе̃т — вы́бьрут, уколо́тют йово́, зерно́-тъ, нъ луга́х пос'те́лют. Как куде́ля взойде̃т — сыма́йут, на ба́ню са́дют сушы́т'. Пото́м мят' бу́дут, мя́л'цы бы́ли. Изомну́т — толчы́ бу́дут. Пото́м пряс' бу́дут. Нъпряду́т — пря́жу пьремо́йут, тода́ ткат' бу́дут. Ну тък тут уш фсё. Холсто́ф-тъ бы́лъ пъ сндуку́. Мъжыки́ — не-ет! Этъ ба́бы.

Записано от Сягаевой В. К., 70 лет,
Д. И. Алексеевым (1958).

2. Про «ерманца»

Вот, ба́тюшки, мал'чы́шкъ пошо́л в лес. Беге̃т дъ и гъвори́т: Йа уш ково́ вида́л, каке́-тъ сло́внъ не на́шы. Один-ът бо́л'нъ наря́днъй. Пошли́ — пыма́ли двух йерма́нцъф, привели́ их. Наро́т робо́тът' бро́сил, фсе йерма́нцъф пришли́ смотре́т'. Ба́йу, што с' ни́ми бу́дьт? Допро́су им устро́йут, ба́йьт, а мал'чы́шкъ тово́ нъградя́т, ба́йьт, пътому́ штъ он их пыма́л.

Записано от Ивачовой М. А., 90 лет,
студенткой **Л. В. Шерстневой** (1958).

Мелекесский район, с. Новая Майна

3. Рассказ кузнеца

Йа з' д'вёна́ццъти лет фсю жыз'н' ф ку́з'ницъ. На фсё нъселе́нийъ фплот' дъ Йолхо́ф'ки, до Ко́шък робо́тъли.

Тъпоро́ф по ты́шшъ штук ф Сама́ру вози́ли, пит'ся́т пят' копе́йьк шту́къ. Фстава́ли часо́ф ш шэс'си́ и дъ вос'ми́ ургу́чыли. Плуга́ де́лъли, ъднълеме́шны, па́рны. Нъ зъвоцки́х плуга́х дъ отва́лкъф шшъ нь доду́мълис, а у нас уш бы́ли. Мы пре́жъ казё́нных плуго́ф усво́или э́тъ де́лъ.

Записано от Калугина В. М., 72 лет, студентом **С. В. Пономаревым** (1961).

4. Из прошлого села

Пъ преда́нийу то́къ на́шъ село́ вы́хъццы ис Ста́ръй Ма́йны. То́чнъ гот нь скажу́, йес'с', ну, так о́дзывы, штъ пе́рвыми сюды́ пьрьсели́лис Лачу́гины. И постро́или лачу́гу. З'дес' годо́ф деся́тък тому́ наза́т вода́ нь пьрсыха́ла, бы́ли къмышы́. А тепе́р'чъ в э́тъй низи́нь роди́ццъ фсё, а ра́н'шъ вьт' боло́тъ бы́лъ. Мы бы́ли уде́л'ныи, а не ба́рскии — двора́ их высо́чъствъ уде́лы: Оне́ крес'с'йа́н зъставля́ли паха́т' нъ уде́л.

Ф селе́ была́ цэр'ко́внъ-прихо́тскъйъ шко́ла. Йа в э́тъй шко́ль учы́лсъ. Мой нивирсите́т — три зимы́. Йа пъчому́ шшас пълуча́йу пьрсона́л'нуйу пе́н'сийу? Ф пя́тъм году́ мы иска́ли пра́вду мъжыку́.

Записано от Волкова Е. Д., 92 лет, студентом **А. А. Калугиным** (1961).

Мелекесский район, с. Русский Мелекесс

5. Хозяйственные постройки

А в ови́нь-т в э́тим су́шут. Кладу́т жар'ни́к в йа́мь. Над э́тъй йа́мъй ста́вют жэ́р'з'и — шышо́м. На э́тът шыш са́дют снопы́. Где шыш-тъ — там пръдухи́, а снопы́-тъ нъ шышэ́. Ого́н'-тъ нь дохо́дит. Так ы су́шут.

В ры́гу-тъ хлеп ссыпа́ли. Фсё ровно́, штъ ры́га, штъ ови́н.

Анба́ры-тъ нъ зада́х ста́вили, ут пожа́ру.

Сара́й для ко́рму, и дрова́ туда́ кла́ли, и бо́ръны, фся́ки ръмода́, вес' зброт, вес' отхо́т.

Записано от Сергеева К. П., 65 лет, студентом **А. М. Сутягиным** (1960).

Мелекесский район, с. Рязаново

6. О войне

Три войны́ прошо́л. Был нъ йапо́нскъй, был нъ герма́нскъй, дъ на э́тъй пришло́с. Перва́ стра́шнъ, а привы́кньш... кък в аду́ жыве́ш! Про во́йны-тъ ръсказа́т' — и то бо́л'нъ глыбоко́ зале́зьш. Йапо́нцъф вида́л. Ал' не́ту? Их в Влъдивосто́кь бы́лъ полно́. Йапо́нцы хоро́шый наро́т, чы́стый. Оде́жъ-тъ хоро́ша на них. Кото́ры уме́йут пору́ски. Пу́льй ра́нилъ меня́ в бок и в ру́ку. Ф Филя́ндии лижа́л в го́с'питъли шэс' ме́сьцъф. Ни вы́гвърю и́ндъ го́рът-тъ, ника́к ни вы́гвърю. Къбъ ру́скый го́рът-тъ был.

Записано от Федосеева Р. Г., 78 лет,
студентом-заочником **А. З. Болховитиновым** (1961).

Мелекесский район с. Слобода-Выходцево

7. Что носили

Как удёва́лис'? Бы́ли трюбо́ръчки. Трюбо́ркъ — поны́ньшньму жыке́ткъ про́стъ с кли́нъшкими. Полса́к — как трюбо́ркъ, то́къ бьз боро́ф, кто нъзове́т полса́к, кто нъзове́т мана́ркъ. Мана́ркъ с кли́нъшкими, не как куфа́йкъ. Мана́ркъ — э́тъ как топе́р' жыке́ткъ плю́шъвъ. Хълъдники́ — как у вас топе́р' осе́н'ни па́л'ты-тъ. Хълодни́к коро́тьн'къй, а боры́ дли́нны. Хълъдники́ на шо́лкь бы́ли. Топе́р', коне́шнъ, нет хълъднико́ф-тъ, оне́ уш и до нас-тъ не до́жыли пошти́.

Мне вон фсё сноха́ гъвори́т, што ты бьз запо́ну хо́диш. А быва́лъ не́скъл' запо́н'йьф бы́лъ, оди́н-тъ выходно́й был. У куме́ вон два запо́нъ, оди́н-тъ пра́з'нишный с нагру́дникъм.

Чохо́л нъ гълове́ носи́ли, штоп вълоса́ нь росса́ривълис'. Чохлы́ де́ф'ки нь носи́ли, заму́жни то́л'къ носи́ли. Де́ф'ки ходи́ли пъ шышу́, плато́к сло́жут пошы́рь ладо́ни и повя́жут, и ле́нты тут. Быва́лъ наде́ньш бла́н'жъвъй плато́к с' т'вята́ми, наза́т ко́н'чыки.

Мъжыки́ руба́шки с' лифта́ми носи́ли, припо́лкъ вы́шытъ. Пъд руба́шку вот поткла́дъвъйут лифт, шйут руба́шки и бьз лифто́ф.

Записано от неизвестной женщины
студенткой **А. П. Винокуровой** (1961).

Мелекесский район, с. Степная Васильевка

8. О трудолюбии

Робо́тът'-тъ люблю́ йа. При царе́-тъ земли́ бы́лъ ма́лъ. Што́бъ кор'ми́ццъ, приходи́лъс' г ба́рину в Грязну́ху ходи́т' робо́тът'. Топе́р' земля́-тъ фся на́шъ. Мне вот уш сёмо́й деся́тък дохо́дит, а робо́тът' охо́тъ, вот йа и стърожу́.

Записано от Петрова
студентом **А. Г. Данилиным** (1949).

Николаевский район, с. Елшанка

9. Раньше и теперь

Наро́т пре́жъ был тё́мный, бо́л'нъ тё́мный. Роди́тьли мойе́ ба́ршшыну зъхвати́ли, а йа нет. Нъ мойе́й пъмете́ оста́лъс, как жы́ли по-тё́мнъму. Топе́р' вот нь робо́тъйут так, как ра́н'шъ. Уйе́дьш тёмно́ и прийе́дьш тёмно́. Мне бы́лъ лет д'вёна́ццът, а йа уш йе́з'дил бърони́т'. А подво́и бы́ли то́лсты, нь ухва́тиш руко́й-та. А шчас гляди́ш — фсё машы́нъми де́лъйут. Ра́н'шъ цэпа́ми мълоти́ли, фсю зи́му моло́тют. По се́м' рубле́й нънима́лис. И сам топе́р' не ве́рю, штъ так бы́лъ.

А наро́т кре́пкъй был. Уж бо́л'нъ мно́гъ робо́тъл. Ра́з'вь топе́р' позво́лют так. Вон ви́диш, нъ робо́тъ-ту, каг ъсподо́ф нъ машы́нь во́зют.

Жы́з'ню топе́р' не сра́вниш. Вот уш ско́л'къ пьреме́н нъ мойе́й пъмете́. Фсе шчас мо́гут учы́ццъ гра́ти. А товда́ и шчо́тъ-та не зна́ли. По́дът' пла́тиш и на па́лъчкь зару́п'ки де́лъш.

Врачы́ шчас хоро́шы. Пошо́л йа в бол'ни́цу-та, но́ги му́чъли. Вот одна́ пръгнала́ миня́ нъ ренге́н. Ну и сказа́ли, штъ гра́мъ нет нътура́л'нъй кро́ви-ти. Мане́н'къ мне пъмогли́, а шчас опя́т' боле́т' ста́ли, ло́мют, спа́су нет.

Записано от Кураева С. Г., 87 лет,
студенткой **Т. А. Сафоновой** (1959).

Николаевский район, с. Поника

10. О смоляках

Смъляко́ф опя́т' мно́гъ. Дё́гът' де́лъйут в лесу́, дё́гът' го́нют. Смо́лу вари́т. У них вы́рытъ йа́ма. И йево́ зъжыга́йут, э́тът мътер'йа́л. Ну, ис кото́ръвъ должна́ ит'ти́

де́гат'. И оба́л'въйут йево́ землёй, штъбъ дым нь пръходи́л. Ну а там ста́вют посу́ду и текёт ыз нево́. Так ы у́гли де́лъйут, та́гжъ в леса́х. Йа́мы у них нет, прям на ро́внъм ме́с'ть. И опя́т' зава́л'въйут землёй, зъжыга́йут. Как пьргори́т, уту́хньт и ръзрыва́йут, и пълуча́йьццъ у́гъл'.

Записано от Мартышова Т. П., 72 лет,
Д. И. Алексеевым (1959).

Николаевский район, с. Поспеловка

11. Помочь

По́мъч — эт нъподо́бь су́прьткъф. Йа вдова́, нъприме́р, ло́шъди у мня нет зе́млю паха́т'. Ну йа приглашу́ родны́х ил' сосе́дъф, вот, лоша́дных, на́ пъмъч, паха́т' ил' се́ит' рош ил' про́са. Пят' ли шэс' лоша́дникъф ал' лоша́дных мъжыко́ф. И они́ мне спа́шут зъ оди́н ден', и оне́ посе́йут. Прийе́дут и́с жъль, и угошша́йу из обе́дам, вино́м. Ил' снопы́ сва́жывът' то́жъ. Сво́зют снопы́ нъ гумно́ — эт ы йес' по́мач.

Записано от Ганиной Е. С., 62 лет,
студенткой **Л. С. Николаевой** (1960).

Николаевский район, с. Топорнино

12. «В боγа йа не верийу»

Увлекса́ йа Толсто́м. Зако́н бо́жый пръчыта́л, до би́блии дъчыта́лсъ: оди́н посла́ньц друго́въ ъпръверга́т. Ну — тут мне не́чъвъ чыта́т'. По́ньл там, как Ада́м в райу́ съгрешы́л. И тода́ йа по́ньл, штъ чорт сил'не́йъ бо́га. Нашто́ тода́ бо́γу моли́ццъ? И што жъ — и бро́сил йа моли́ццъ бо́гу, стал неве́рушчый. С ъсемна́ццътъвъ го́да йа стал неве́ръшшый.

В бо́γъ-тъ йа не ве́рийу: в Мику́линь цэ́р'кву гро́хъл (разрушал). И на́шу то́жъ — миня́ пръклина́йут (за это). В неп зъ нейо́ взяли́с—пъ указа́н'йу рукъводи́тьльф. Йей бы́лъ сто шъися́т два го́да.

Записано от Хуртина Я. И., 65 лет,
Д. И. Алексеевым (1959).

13. О грозах

Си́л'ны гро́зы-тъ у нас быва́йут. Вот неда́внъ ф сосе́д'ньм селе́ коро́ву уби́лъ и дом згоре́л. Тьлегра́фных

столбóф мнóгъ ръз'биват. Один нъ чтырь час'си ръшшэпилъ, а другóй — пъполáм и стоит. Вон дáв'чъ ф сат удáрилъ. Прóшлый рас там штýки д'ве вётлы роз'билъ. Ф пийсят фторым годý сил'нъ бýря былá. У миня бáню сорвáлъ и опят' на мéстъ, фся из'вёрнутъ тепéр' стоит. Так тряхнýлъ ийó. Рьмон'тиръвът' нáдъ, дъ вот ресýрсъф нет.

А однáжды шол по ýлицъ, а онá з грáдъм каг зарядит. Йа ф сéни-ти забéк, грат крýпный летит. Мне по шэи-тъ, дъ по шэи. Склáднъ пълучáццъ!

Записано от Сазонова А. А., 75 лет,
студентом **А. М. Сутягиным** (1959).

14. На охоте

Пригласил нас нъ охóту Куз'мá Филипъч С'вятъф, зайáдлый охóтник и фсегдá прихóдит бес прóмыслу. «Пойдём, мой милый, нъ охóту. У мня, гъворит, шшъ с прóшлъвъ годý чэтырь зáйцъ хóдют. Йа их давнó примéтил». Ну вот, пошли. Ходили, ходили, нь ъдновó зáйцъ не видьли. «Куды жъ, гъворит, мой милый, онé девáлис? Ф прóшлъм годý йа их з'дес' видьл, а нын'чъ нет». Ну, с этим домóй пришли. Убили нóги дъ врéм'ъ.

Записано от Васькова Н. И., 37 лет,
студенткой **Н. М. Сивицкой** (1959).

15. Топорнинские ключи

Зарéшный ключ — каг зéр'кълъ. А тут — Шумóк нъзывáццъ. Жэр'з'йу совáли — некáк нь достáньш. Он не мёр'з'ньт. В нём рыба крýгла, чóрна какá-тъ. Как на грех ни однá не выльзьт. Пъчомý Шумкóм-тъ назвáли?. Он шумит, он зъфсегдá шумит, как ýхъм прислóниш.

Бéлый ключ — там горá, кáмни бéлы.

А то Пътайнóй ключ. У нас йес' Винный врак нъ клинý. Рáн'шъ там гнáли винó — съмогóнку. Ну, лет сóрък томý назáт. Вот и прóзвъли Винный врак. Там вяс грамáдный, тóлшшъ галáнки. Йемý примéрнъ óкъл двухсóт лет. Под этим вязъм йес' Пътайнóй ключ. Он на склóнь стоит, у нё кóрни тóлсты. И вот прямъ ис-пъд кор'нéй водá такáйъ текёт, там как пéчка. Йéс'ли не

зна́мшы ми́мъ иде́ш — и нь увидиш. Ви́диш — вода́, а откýдъ — не ви́днъ. Тро́пкъ к немý идёт. Туды́ наро́т захо́дит. Отсю́дъ кило́мьтръ три. Вода́ ра́зными стрýйкъми текёт. Как с’леза́ вода́ там, холо́днъ она́.

Записано от Липатова С. Е., 35 лет,
Д. И. Алексеевым и студентом **А. Ф. Головиным** (1959).

Ново-Спасский район, с. Коптевка

16. Плач невесты

Люби́мы мой подрýжън’ки,
Спала́с ли вам тёмна но́чън’ка?
А мне-тъ ръзнешша́снъй нь спало́с,
Мне мно́гъ ви́дьлъс.
Приви́дьлъс-тъ мне, подрýжън’ки,
Сон крута́ гора́.
Ходи́лъ йа пъ круто́й горе́,
Пътеря́лъ йа тро́йъ клю́чъки.
Пе́рвы-т клю́чъки — во́ля ба́тюшкина,
А фторы́-тъ клю́чыки — не́га ма́мън’кина.
А тре́ти-тъ клю́чъки ът мойе́й русо́й косы́.
Мойа́-тъ руса́ коса́ —
Она́ нь доро́шшъна,
А а́лъ-тъ ле́нтъчка в ней
Нь доно́шына.
У фсех-тъ алы́ т’веты́
Стойа́т вьселёхън’ки,
А мой-тъ ало́й т’вёто́к
Он посо́х-повя́л.

Записано от Керовой П. А.

Ново-Спасский район с. Марьевка

17. Мой муж

Давно́ уш э́тъ бы́лъ. Пойе́хъл мой стари́к на ло́шъди в го́рът. А зима́ была́ нъ дворе́, студёно́. Ден’ прошо́л — нет йово́, два прошло́ — фсё не йе́дьт. Чово́ с ним случы́лъс? А он вы́пит’ бо́л’нъ люби́л. На тре́тий ден’ вы́шлъ йа нъ крыле́ц, гляжý — ло́шът’ к на́шъму дворý пъдйежжа́т. Ба, дъ э́тъ на́шъ ло́шът’-тъ! А стърика́-тъ ф саня́х

нь видáт'. Сéрцъ у мьня́ так ы обырвалóс. Пъдбежáлъ к саня́м-тъ, ви́жу — лежы́т. Йа кричáт' йовó, он нь откликáцца...

Записано от Семеновой П. О.

Ново-Спасский район, с. Новое Толмышево

18. О пожаре

Лéтъс' ф сáмы жары́ у наз дом чут' нь зъгорéлсъ. Жнитвы́ нъчали́с — ну, мужыки́-тъ фсе ф пóль, бабёнки-ти тóжъ. Дóмъ остáлис тóл'къ стáры дъ мáлы. Ръбяти́шки и задýмъй кури́т'. Залéз'ли пот сéни, пъкури́ли, а окýрки-тъ ви́днъ как слéдъвът нь пътушы́ли...

Записано от Кретова Н. О.

Ново-Спасский район, с. Старое Толмышево

19. Поиски коровы

Йа вечóр стрáхъф-тъ нътерпéлъс — корóвъ у меня́ отстáлъ ът тъбунá. Ну, пошлá йа в лес ыскáт', дъ зашлá дълёкó. Лéс-ът шуми́т, и тёмнó уш стáлъ. А корóвы чортóфки нет ы нéт, как пръвали́лъс кyды́. Човó, дýмъйу, дéлът'? Корóву-тъ жáлкъ, и ит'ти́ бойýс... Идý э́тъ к полянкь, гляжý — собáкъ ис кустóф-тъ выбегáт, бол'шýшъ такá, и пря́мъ ко мнé, ъкойáннъ, бежы́т. Ну, дýмъйу, пропáла — волк! Собáкь-тъ откýдъ тут быт'? А онá и залáй в э́тъ врéмь. Тогдá уш йа пришлá ф себя́ и дъгадáлъс, штъ э́тъ собáка.

Записано от Съедугиной П. Д.

Радищевский район, с. Новая Дмитриевка

20. Про соху

Вот горóды пахáт' нел'зя́ плýгъм, в гърод'бé давáй сохóй. Сохá-тъ — дойéхъл, рас сóху ф стóръну пъвернýл, опя́т' пошóл, а плýгъм-тъ не скóръ. У нас в дерéвнь д'ве сохи́-т, их замáйьли.

Записано от Кутукова Г. Г., 76 лет,
студенткой **Л. К. Хлыниной** (1961).

Радищевский район, с. Соловчиха

21. Посиденки

Пря́с'-тъ на́дъ бы́лъ нам, вот съберё́мся. «Айда́, Ната́шъ, пойдём вот к хрё́снъму ф пъсидё́нки». Нъберё́м мо́ча-ак мешо́к страшэ́ннъй. Нъпрядём рушнико́ф по пя́т' и припрё́м домо́й. «Но́н'чъ бы́ли мы ф пъсидё́нка-ах!» Дъ шшъ с нъчово́й ходи́ли, дураки́. Дъ мосла́ ру́ки-ти пръпряда́ли.

Записано от Напалковой Е. С., 57 лет,
студенткой **Т. Б. Васильевой** (1961).

22. Как раньше жили

Исто́рийу-тъ как сказа́т'? Тут с чово́ нъчына́т'? У нас ба́рин был Сълофцо́ф, поэ́тъму нъзыва́ццъ Сълофчы́ха. Жы́ли? Бо́л'шъйъ час'т' зънима́лис' в лесу́, дрова́ ре́зъли, пили́ли тёс, у кото́рых ло́шъди бы́ли — йе́з'дили в ызво́с. А мы шъвыро́к ре́зъли, зъгътовля́ли шпа́лы. Жы́ли хто как, у ково́ была́ свойа́ земля́, кото́ры доржа́ли нъ аре́н'дь свой уча́ски, те жы́ли. А на́м ы скоти́ну доржа́т'-тъ не́гдь бы́лъ. Мы жы́ли в гора́х, а пьрьд око́шкъми — кана́въ: тут на́шы дома́, а тут ба́рскъ земля́. Фсё ба́рскъ бы́лъ, и гора́. На́ гъру нел'зя́ бы́лъ пуска́т' скоти́ну, кана́ву пьрейдё́т — и штраф.

Записано от Пронина П. А., 75 лет,
студенткой **Л. К. Хлыниной** (1961).

Старо-Майнский район, с. Бряндино

23. В извозе

Быва́лъ, нъ свойо́м заго́ни му́чышса фсё ле́тъ, с тёмна́ дъ тёмна́, а урожа́й дъ пълзимы́ не хва́тит. Зимо́й бро́сиш се́м'йу, дъ идё́ш изво́з'ничът' нъ свойе́й кля́чъ, нънима́шса г бъɣача́м. Сту́жа, моро́с, а ты йе́диш, гляди́ш, где б устънови́цца погре́цца. Ан, ду́мъш, нет, до́ма сем'йа́ ждёт за́ръбътка. А хозя́ин фсё ужыма́т йово́, за́ръбътък-тъ. Выхо́дит де́лъ, робо́тъш нь на се́м'йу, а нъ хозя́ина.

Сеча́с и робо́тът'-тъ лёхко́ ста́лъ, фсё круго́м машы́ны, моло́тит конба́йна, не как быва́лъ, фсю зи́му в ови́ни цэпо́м му́чышса.

Записано от Зимина Е. М.,
студенткой **Т. А. Сафоновой** (1956).

Старо-Майнский район, с. Головкино

24. Отрывки из рассказов о прошлом

У нас γоспóтскъ селó-тъ. Голóф’кинъ — бáрскъ, Кримéнки — там пáнски, паны́ у них бы́ли.

Қáжну вéсну былá халéра. Нъпушшáли халéру. Халéршшыки пойдýт. Пымáли — халéршшыкъф пымáли! Йих срáзу схватúли, забрáли ф кáтъргу. Ф Сибúр’ сослáли.

В э́тът рас порóли. Ишшó рас бунтовáли. Губернáтър с отря́дъм салдáт.

В однóй ры́гь сóрък жэ́н’шшънъф сожглú.

Записано от Пастушенковой, 55 лет,
Д. И. Алексеевым (1951).

Старо-Майнский район, с. Новиковка

25. О названиях сел

Ря́дъм с Нъвикóфкъй йес’ Қъндалá, в ней робóтъли ф къндалáх лю́ди закóвъны, а в Нъвикóф’кь былá Нóвъкóфка: вноф’ ковáли людéй. Там ковáли, ф Қъндалé ковáли рáн’шъ, а потóм з’дес’.

Жена: Чай не там ковáли.

— Там ковáли, с пéрвъ рáзу. Крес’йáн виновáтых ковáли. Слáли людéй виновáтых, з’дес’ бы́ли лесá. А потóм не стáлъ мéстъ, пър’велú на нóвъ мéстъ. Вот поэ́тъму нъзывáли Нóвъ-кóфка. Вот ы Нъвикóфка пълучы́лъс. Эт йа слы́шъл.

— Ут ковó?

— Ут къндалúнских.

Йа спрáшвъл удновó — пъчомý зовýт Уренбáш? Гъловá рекú, гвърúт, ил’ истóк рекú нъчынáцца.

Записано от Скобелева П. И., 58 лет,
Д. И. Алексеевым (1954).

Старо-Майнский район, с. Русское Урайкино

26. Отдельные выражения

Вы так фсхóжы. Пъсмуглé тóл'къ. Подвёс дъ татáр нъ лъшэдé (до Тат. Урайкино). Уш нáша дьревýшка фся решáццъ. Фéршъл к нам приходúл. Нóжык у вас нь порóжний?. У нёвó мат' игройúня (героиня). Чат' знаш, ф сел'пé-тъ робóтът. В винкамáть робóтът. Мне чугунá дъ ножá нáдъ (т. е. до зарезу, очень). Уйéхъл труливáт' лес. Робёнка нъ ренгéнт возúли. Лъкагóл проклятый (алкоголик). Дýра нагóл'нъйъ. Кльвотáт' бýдут (клеветать). Крымдышыны купúти (крепдешин). Кънбайóръм сын-тъ. Вам гóлъву-т с осúнъфку нáдъ хорóшу.

Записано от Кузьминой Е.,
Д. И. Алексеевым (1953).

Чердаклинский район, с. Архангельское

27. Как крепостное право отменяли

Вод гъворят, наж бáрин выходúл и просúл дáжъ, гъворúл: «Вы крес'йáнь мойé, мне важ жáлкъ, идúть на пóлный надéл, мне гът важ жáлкъ, вы были у мня в рабáх». А он вúднъ и сáм-тъ не знал, бáрин, штó бýдьт, он дýмъл, штъ у миня земля отрéжъццъ и утойдёт гъсудáрству, в бáнък. А къбъ онé знáли, штъ онá за нúми остáньццъ, тък онé бъ не стáли пóччъвът', штъ идúть на пóлный надéл. Нь пошлú на пóлны-т надéл — онá опят' у них остáлъс, онé опят' хозявы, а мы опят' на них робóтът', испóл'ным поряткъм. Лáднъ, тут собрáн'йъ, сходы были. Хват', Полкóвникъф пришóл — бур'мúст штол' он был — эт нь совéтъвът, опят' дьскът' под ййхъ начáлъ идём, вам сирóтску дóлю дадýт. Ну, нарóт задýмълсъ — нъ попятку. Пос'ля-тъ пръклинáли йовó. Хто пошóл на пóлный надéл, те жыли хърошó.

Ну вот, кодá ɣоспóт-тъ повыгнъли, рьволюцыйа былá — тут мы пóжыли, опят' земля в нáшы рýки попáла, хърошó стáлъ.

28. Легенда о камне

Тут кáмьн' был у цэ́р'квы. На кáмнь потпúсън — какé-тъ словá ньпонятны, нь по-нáшъму, какóй-тъ был

скоро́ньн. И вот прийе́хъли, обры́ли и увиз'ли́ ка́мьн', в музе́йу. Бы́ттъ йово́ убрыва́ли, на́шы-ти у́хъри, бы́ттъ ве́шшы зълоты́йъ нъходи́ли. И вот йа слы́шъл ут стърико́ф так, штъ з'дес' ме́стъ бы́лъ тако́йъ, не на́шы лю́ди жы́ли. По́лъ вода́ кода́ подмы́ла, вымыва́лъ вот таке́йъ го́лъвы, кру́пны. З'дес' жы́ли во́ины, кру́пны лю́ди. А уш каке́ эт лю́ди бы́ли — не знай. Йа и сам ви́дьл — как шар гълова́. Эт бъɣаты́рски, бъɣътыри́ бы́ли. А на́шы-ти — и тата́ры гляде́ли — ньпоня́тнъ пис'мо́, не наш чълове́к. В музе́йу каку́-тъ увиз'ли́.

Тексты 27—28 записаны от Чижикова Д. М., 81 год. **Д. И. Алексеевым** (1948).

29. Рассказ о рыбной ловле

Разо́к пришло́с. Рыба́чыли мы дво́йъ с Ми́шъй Рьмидо́нъвъм в жарку́йу. Там йес' Ҁочка́р'. И вот э́дъг жъ но́чйу пъстънови́л йа вътеря́, а това́риш уйе́хъл домо́й с ры́бъй. Ну, вьтеря́ ръсстънови́л йа на́ нъч, заста́л ве́чър. Рос'ки́нул свой шатёр и лёк спат'. И то́жъ бы́лъ вре́мя бу́рнъ, ньхоро́шъ. Де́лъ бы́лъ э́тъ ф суме́р'къх, с'ме́р'клъс то́къ, лёк уш спа́т'. В э́фтъ вре́м'ъ уда́рил уда́р, и йа мотри́ то́л'къ засну́л. И со мно́й так ничово́ не з'де́лълъс, ну по́с'ль э́фтъва йа то́л'къ просну́лсъ — миня́ трясло́ часа́ три. Нь нъпуга́лсъ, нешто́, а трясёт и трясёт, нь уйму́ нека́к. Нъ сонно́въ така́йъ с'тихи́йъ наҁа́лъ. Трясёт ы трясёт, што́ хо́ш де́лъй.

Бо́л'шъ при́ччъф нет. Да, доба́вит' то́л'къ: за э́ту ноч ф три́ццът' вьтере́й два цэ́н'тньра ры́бы пыма́л. Бо́л'шъ бы́ттъ нъ пъмете́ ничово́ нет.

Записано от Лачугина Г. А., 73 лет, **Д. И. Алексеевым** (1951).

30. Рукобитье

Во́пшъм как. Пошли́ сва́тът' зъ жъниха́. Со сва́хъй. Вот пришли́, си́ли пьред ма́ткъй, нъчына́йут дъгова́ривъццъ со сва́тъм: «Сва́хън'къ и сва́тушкъ, мы пришли́ к вам посва́тът' ва́шу до́чку». Ну зна́чыт спра́швъйут до́чку, оте́ц ыл' мат', кто там йис' у ниви́с'ть, согла́сн-она́ ил' нет. Доч ыт'ти́ согла́сна, зна́чът дъгова́ривъйуццъ кла́ткъй ряди́ццъ. Нъ ръкоби́т'йъ чэ́т'вър'т' во́тки несу́т — эт кода́ дъгова́р'въццъ бу́дут о кла́ткь. Ҁла́ткъ

зна́чът ниви́с'ть. Ра́н'шъ нивéста бирёт ж жъниха́, а потóм уш при́дънъ. Вот как миня́. Вы́рьдили мы шу́бу, боти́нки, д'ви́с'ти рубли́й ди́ньк.

Записано от Слесаревой М. М., 57 лет,
Д. И. Алексеевым (1950).

Чердаклинский район, с. Малаевка

31. Колхоз имени Кукаева

Колхóс и́мьни Кука́йьва. Мала́йьскый потпóл'ный робóтник был. Он пóмьр давнó. Он робóтъл зъ пос'лед'ньйь врéмя в Ул'йа́нъскъм. В Москвé был, ф Ташкéн'ть. Жэна́-тъ не óчън' давнó пъмерла́ в Ул'йа́нъским. Ф Ташкéн'ть дъ рьволю́цыйи (подпольщиком был). И в Ъсхаба́ть был, он виз'дé был. Йовó в Москвé сожгли́, прóстъ он пъжэла́л, и пъпелóк стойа́л в ба́нъчкь в музéйь. Потóм скърони́ли йовó в Мала́йьфкь. Пъпелóк зары́ли. Дóлг-он он был в Ул'йа́нъским-тъ в э́тъй ба́нъчкъ. А потóм взя́ли э́ту ба́нъчку. Член Цэка́ он был. Он ъргънизова́л колхóс-тъ, и да́ли йому́ и́мя — и́мьни Кука́йьва. Шчас он съйидини́лса — пят' колхóзъф в оди́н: двóйъ У́ринба́ш, Мала́йьфкъ, Симёнъфка, Рузаны́. Цэ́нтър в Ма́лых Уринба́шъх. Йих двóйь: Бол'шы́йь, Ма́лы Уринба́шы.

Записано от Васильева В. А., 67 лет,
Д. И. Алексеевым (1950).

Чердаклинский район, д. Юрманки

32. Почему так сёла названы

Булуа́къф был ъгронóм. Пётр Ники́фъръч. Он учóный был óчън', шы́пк-учóный. Он гъвори́т, у мня́ йес' така́йа кни́га: чэрёмъха, хмел' там — эт фсё йурёма́. От э́тъвъ и назва́н'йъ вы́шлъ. Ол'ха́, чэрёмыха, чóрна съморóдина, бьлота́л, чърнота́л — фсё э́тъ вмéс'сь нъзыва́йьццъ йурёма́.

А вот Кремёнки — там у тата́р был кремл', вот ы назва́н'йь оста́лъс Кремёнки. Ил' Голóфкинъ — там тата́ры ловили ры́бу гъловню́, вот ы назва́н'йь. Эт фсё ф кни́гь напи́сънъ. Вот т'пер' Йорзóфка — тут пьрека́т был, и онé лóтки пьрета́скъвъли, йóрзъм, йорзы́към — вот отсу́да. Он кни́гу нé дъл мне, ъбешша́л.

Записано от Шилина Д. А., 59 лет,
Д. И. Алексеевым (1950).

II. СРЕДНЕРУССКИЕ ГОВОРЫ

Барышский район, с. Головцево

33. Покровское — Головцево

На́шъ село́ бы́лъ Пакро́фскъ, стърики́ каля́къйут. Жы́ли тут разбо́йники ра́н'шъ. Да-а. И вот назва́ли йево́ Гало́фцъвъ. Ане́ жы́ли ньдалёкъ, тут Бе́лый радни́к, ч'ты́рь кило́мьтръ, в лесу́ кане́шнъ. А суды́ прихади́ли п'йа́нствъвът', гуля́т'. Йих кане́шнъ зна́ли, штъ ане́ разбо́йники. И се́тки ч'ас'т' йих паби́ли, пърлави́ли, а устал'ны́йъ улету́чилис, унисто́жылис. Ане́ убива́ли, вот слу́х-тъ и про́пус'тили, штъ го́лъвы кладу́т ф Пакро́фским. Вот ы назва́ли Угало́фцъвъ.

34. Пожары в с. Головцеве

И в адно́ вре́мя фсё Гало́фцъвъ згаре́лъ, цэ́р'къф' згаре́ла. Этъ — дьревя́нна, а то была́ ка́мьнна. Эт мой атёц по́мнит, йему́ бы́лъ во́сьм' лет, када́ пажа́р был. Кни́ги-ти? Ръсташ'ши́ли. Ми́трики ане́ фсе пъгаре́ли. Вот нъ майе́й пъмете́ фсё Гало́фцъвъ гаре́лъ. Ът свайе́й аплóшки бо́л'шъ. Вот йа помню ма́ньн'къй был — три́ццът' два двара́ згаре́лъ. Сам хазя́ин зажо́к. У не́ пло́хьн'къ изба́ была́. Штрахо́фку мъл пълуч'у́, вот ы зажо́к. Он сибя́ пали́л. А с э́тим нь ш'шита́лсъ, штъ лю́ди бу́дут страда́т'.

Тексты 33—34 записаны от Марусина И. Е., 68 лет,
Д. И. Алексеевым (1958).

Барышский район, с. Филатовка

35. На фронте

Интере́снъ бы́лъ на фро́н'ть, кагда́ гато́вилъс' ке́рьнскъ нъступле́н'йъ. Вы́йьхъл к нам къмиса́р вас'мо́й за́пъднъй а́р'мии, Съвинко́ф фами́л'йа йево́ — з бал'шы́м брю́хъм и шэ́йа нъравне́ с плеча́ми — и призыва́л нас к нъступле́н'йу, к ъкан'ча́тьл'нъй пабе́ди — па пла́ну Ке́рьнскъва. Да, а выступа́л он с ар'тилери́йскъй двуко́лки — взлёс как нъ трибу́ну. Вайна́ мъл да по́лнай пабе́ды! Ф пух раз'би́т' Герма́нийу! А нас бы́ла в на́шъм ке́гз-го́л'мскъм палку́ сем'со́т чълаве́к, три ма́ршъвых ро́ты с Ле́нингра́да — учэ́бникаф, с учэ́бнай кама́нды.

Катóры фслух йему́ кричáт, штъ нъступáт' мы не бу́дьм! Нам Владúмир Ил'йúч Лéнин сказáл, штъ вайнá нам нь нужнá, далóй вайну́! Он на э́тъ ръзабúдился: э́тъ мъл бъл'шъвикú прийéхъли из Лéнингрáда! Кáк въз'держáлис' салдáты — чут' нъ штыкú йевó не пóднили з двукóлки-ти. Он фсё жъ ускрепся́ жывы́м с э́тъва прúзыва.

Нау́тра трéбъвът с ты́ла два искадрóна къвалéрии — ръсфърмиравáт' э́тът полк! Этъ прийéхъли бъл'шъвикú с Лéнингрáда, анé мутя́т вес' полк! Хатéли мы удáр з'дéлат' э́тим къвълерúстъм тылавы́м. И мы бы́ли арганизóвъны съ свайéми ар'тилерúстъми, катóрыйь бы́ли на фрóн'ть. Вот ар'тилерúсты гъваря́т — давáйть мы ару́дийъ пъвер'нём ф тыл, дадúм йим жáру, э́тим къвълерúстъм. Ну, мы тут з'дéлъли съвешшáн'йа, решы́ли брáцкай крóви нь пръливáт', здалúс', застáвили ару́жйа ф кóзлы. Где вóт ушы взял вéр'х наш къман'дúр лéйпгвáр'дии кéгз-гóл'мскъва палкá гьнерáл-майóр барóн Штакенбéрк, нéмьц — здъраву́шшый, т'вёрдый был. Фсех нас вы́стръили, он ззáди нас ыдёт, берёт зъ плечá-тъ, глядúт на лúчнъс'т' — мълады́х-тъ нас нáчъл вышавы́ривът' ис стрóйу. Пя́т'сóт чълавéк нас вы́гнал, вы́тълкал прóста из рядóф. Бедá мъл! Чавó нам бу́дьт? Рьстреля́йут! Ну вьт', атказáлис' ат нъступлéн'йа, эт чавó?! Къвалéрийа э́та нас акружы́ла и пагнáли ф тыл с пьрьдавóй. Этъ бы́лъ на Зáпъднъм фрóн'ть, пъд Барáнъвичъми. Пóс'ль э́тъй пьрпалóхи фсётки жа наш полк застáвили ит'тú в нъступлéн'йа! А нас пагнáли дáл'шы с усúльнным канвóйьм. Пъ час'тя́м фсех раз'бúли.

Записано от Калашникова Е. И., 60 лет,
Д. И. Алексеевым (1958).

Вешкаймский район, с. Красный Бор

36. Сноха вызывает

Пис'мó зъ пис'мóм — прийежжáй! Йа гъварю́, вы фсё ду́мъть мне сямнáццът' лет? Мне сичáс ъш ни нáда ничавó. Анá (сноха) з'зес' жылá — ни дятéй, ни чавó. А шшас вúдиш чавó — прийежжáй. А мне пръваднúца в вагóнь гъварúт — матрú, матрú, фсе стару́хи назáт йéдут! Йá мъл, хъш бы́ли бъ в Ул'йáнъскь, а то вóн кудá йéхът'-тъ, вóсьм' дён йéхът'-тъ!

Записано от Кусакиной М. С., 62 года,
Л. В. Шерстневой (1962).

Николаевский район, с. Рызлей

37. За дровами

Эдъг жъ в вайну́ з до́чър'йу зъ дравами йе́з'дили. То́жъ пригна́ли ста́дъ. Зъпреглѝ быка́ и пайе́хъли в лес. Прийе́хъли в ле́с, пили́м с' не́й, и́дут палѐшшыки — но́чйу вьт', γо́спъди!

— Што за́ люди? Шшас стреля́т' бу́дим!

— Ма́мън'ка, дава́й бро́сим быка́-тъ, убежы́м! — доч мне гъварит.

Ане́ апя́т' акли́квайут:

— Што за́ люди?

— Эдъки ш как ы вы́. — Ани́ пъдашли́ к нам уш вбли́с'. Гъваря́т:

— Чо́-йтъ вы де́лъти?

— Чо де́лъм, пили́м — зътапи́т' не́чъм.

— Ну иежжа́йть! Бо́л'шъ так не де́лъйти. Вы не ду́мъти, штъ вас застре́лют?

Записано от Склянинной М. С., 57 лет,
студенткой **Л. С. Николаевой** (1960).

38. Сельские работы

Сьнако́с — эт вот как пары́ запа́шут. Каса́ми! Каке́ машы́ны. С'пина́ атвеча́ла. А эт вот пьрвабы́тнъйъ лъбагре́йкъ, и вот нъчы́на́ш маха́т'. Фсё эт вручну́йъ де́лълъс. Се́йьлкъф ма́лъ бы́лъ. Пудо́фку паве́сиш и кида́ш идёш. Лешы́ли, ле́хи де́лъли. Ле́шки д'ве з'де́лъйу. Вот леха́-тъ для ръвнаты́.

Кла́ччык харо́шый — кла́т' пъ пети́ лет стайт и как то́л'къ нажа́тъйъ стайт. У нево́ никада́ нь прълива́ла. То́л'къ па гу́знъм и ви́диш — гу́зна пъчерне́лъ.

Чъчеви́ца была́ ръспръстранёнъ пьрет пе́рвъй вайно́й. Не́мцы зъ нейо́ плати́ли бе́шънъйъ де́н'ги, па пя́т' рубле́й. Капе́йьк шъз'де́ся́т — се́м'дьсьт пут пшэни́ца, а э́тъ пят' рубле́й. Аге́нты прийежжа́ли.

Записано от Зененкова И. П., 67 лет,
Д. И. Алексеевым (1960).

39. Стенька Разин в Астрахани

Ва сла́вным ва го́ръди ва Астръкани
Пръчути́лси, пръйеви́лси там незна́мый чълаве́к.

Чы́стъ шшэ́пьткъ дети́нъ, он па го́ръду прашо́л.
На нё́м шну́ръвый кафта́н'чык, нъраспа́шъчку идё́т,
Перси́цкъй кушачо́к ва право́й руке́ несё́т.
Ръзбума́жныи перча́тки нъ йево́ белы́х рука́х,
Чо́рнъ шля́пын'ка пухо́ва нъ йево́ русы́х кудря́х.
Пьр'т купе́цкими дама́ми он кап'йо́м зе́млю б'йот.
Увида́л губерна́тор с высо́къвъ те́рьма,
Скрича́л жъ губерна́тар гро́м'ким го́лъсъм свайе́м:
— Слу́ги майе́ слу́ги, слу́ги ве́рныйь майе́,
Вы пади́ть, приведи́ть удало́въ мълаццá.
Мъладе́ц ва дваре́ц, губерна́тър ва крыле́ц.
Как ы ста́л жъ губерна́тар стал даспра́шыват' йево́.
— Ты купе́чъскъй сыно́к или з До́ну къзачо́к?
— Нь купе́чъскъй сыно́к и не з До́ну къзачо́к,
С Сака́ну с реки́ С'те́н'ки Ра́зинъ сыно́к.
Пъццэпи́ли удало́въ в бе́лый ка́мьнный дамо́к,
В астрака́нский астро́к.
Вот ми́мъ Астръкъну го́ръду
Ре́чкъ бы́стръ прътекла́ и лё́хкъ ло́ткъ пръбегла́.
Ва э́тъй ва ло́ткь три́стъ се́м'мьсьт чэлэ́к.
Пъсере́т'-тъ са́мъй ло́тки С'те́н'къ Ра́зин сиди́т.
Зъкрича́л жъ С'те́н'къ Ра́зин гро́мким го́лъсъм свайе́м:
— Пъвара́чывъй, ребя́ты, къ круто́му бьрешку́,
К Астрака́ну го́ръду.
Мы Страка́н гърадо́к вы́жгьм, вы́пълим йево́,
А ка́мьнну тюр'му́ пъ каме́н'йьм ръз'берё́м,
А люби́мъвъ сыно́чка с сабо́й йево́ ваз'мё́м.

Записано от Богомазовой Е., 70 лет,
студентом **С. В. Пономаревым** (1960).

СЛОВАРЬ

Абы́с — угрюмый, сердитый человек. Обычно употребляется в выражении «глядит как абыс».

Бала́кирь — горшок, кринка.

Баты́жить — праздно проводить время, например, за разговорами.

Бахи́лы — мужская кожаная обувь, особые рабочие сапоги.

Ба́ять — говорить. Обычно употребляется в качестве вводного слова.

Блинки́ — пиршество у невесты после венчания.

Бо́льно — очень.

Боры́ — «сборы», складки на одежде.

Броди́ть — ловить рыбу бреднем.

Бура́к — берестяной сосуд.

Бурла́к — залежная земля, не используемая под пахоту.

Бурла́чить — не быть распаханной (о залежной земле).

Вечеря́нка — предсвадебное пиршество в доме невесты (до венчания).

Всхо́жий — похожий (о человеке).

Выть — артель при молотьбе цепами.

Га́дить — портить.

Га́шник — пояс у штанов.

Го́же — хорошо.

Горно́й — 1) пиршество у жениха после венчания; 2) участник этого пиршества.

Гу́зно — часть снопа (комель).

Гуса́рки — женская обувь, ботинки.

Деви́шник — предсвадебное пиршество в доме жениха.

До ножа́ — до зарезу, очень.

Духа́ — в выражении «ловить на духа», т. е. во время замора, когда рыба «душится» подо льдом и устремляется к прорубям.

Жарка́я — летний период лова рыбы.

Жемки́ — предсвадебное пиршество в доме невесты.

Жителя́ — рыба, постоянно живущая в водоеме (ср. прибылая).

Заведе́нье — завод, промысел.

Води́н(к)а — небольшая заводь в реке, озере.

За́навеска — предсвадебный подарок жениха невесте (отрез на платье).

Зано́га, зано́жка — то же, что заводина; полоска леса, вдающаяся в поле.

Запо́й — предсвадебное пиршество в доме невесты.

Запо́н — женский фартук.

И́нда, и́ндоль — даже (усилительная частица).

Кельё́нка — небольшая избушка.

Ке́лья — изба, используемая для посиденок (обычно в выражении «ходить в кельи»).

Кла́дка — выкуп за невесту, определяемый ее родителями и выплачиваемый женихом.

Кладь — большая укладка снопов.

Коко́шник — женский головной убор.

Ко́нник — деревянная кровать-ларь у дверей.

Косни́к — продавец кос.

Косы́рь — специальный нож для скобления полов при мытье.

Крю́чья — часть сохи.

Ксти́ться — креститься.

Куре́нь — булочная, торговое заведение в городе.

Лагу́н — небольшой бочонок, посуда для воды, дегтя и пр.

Леха́ — линия, проведенная на пашне для выдерживания направления при ручном посеве.

Леши́ть — проводить леху.

Лифт — подкладка под верхнюю часть мужской сорочки.

Лихо́й — сердитый, имеющий злой умысел.

Лу́згом — волоком.

Мана́рка — верхняя женская одежда, жакетка.

Мга́ло — приспособление для сгибания полозьев.

Ме́лево — зерно, предназначенное для помола (собир.).

Мене́к — налим.

Мета́ть — складывать сено, снопы в омет, в стог и т. д.

Молю́шка — мелкая рыба, мелочь.

Мотри́ — смотри (вводное слово).

Мо́чка — пучок кудели, единица ее измерения.

Муто́вка — палочка с рожками на конце для взбалтывания и размешивания пищи.

Мя́льцы, мя́льница — приспособление для обработки кудели.

На́волочно, на́волок — пасмурно, пасмурная погода.

На́роститься — метать икру, нереститься (о рыбе).

Оба́лина — обрыв, крутой берег.

Обра́тно — снова, опять.

Ови́н — специальный сарай для сушки снопов над огнем.

Оси́новка — посуда, мера для зерна.

Ора́льный хому́т — хомут без гужей (обычно применяется для пахоты).

Отзы́вный — пиршество у невесты после венчания.

Отно́га — часть сохи.

Отпи́рки — пиршество после венчания.

Подво́й — часть сохи.

По́езд — вереница экипажей во время венчания.

Пожи́нки — окончание жнитва.

Поли́ца — часть сохи.

Полса́к — верхняя женская одежда.

По́мочь — коллективная помощь в сельскохозяйственных и иных работах.

Попуга́й — нечто пугающее, пугало.

Поро́жний — 1) пустой, не наполненный; 2) свободный, не занятый.

«Поры́тки» — окончание рытья картофеля (ср. пожинки).

Посиде́нки, посе́дки — вечернее собрание молодежи, обычно с прядением.

Потрафля́ть — иметь удачу (например, в рыбной ловле).

По́тчевать — угощать.

Прибыла́я — рыба, появляющаяся в водоеме только весной и скатывающаяся после спада воды снова в Волгу.

Припо́лка — часть мужской сорочки.

Пудо́вка — посуда, мера для зерна.

Пы́рка — индейка.

Реши́ться — разориться, уничтожиться, погибнуть.

Ри́га и ры́га — 1) постройка на гумне для хранения хлеба, снопов, мякины; 2) то же, что овин (в отдельных говорах).

Ромода́ — имущество, всякая всячина (собир.). Ср. у В. И. Даля.

Ро́стополь — период весеннего таяния снега.

Ру́жа — опушка леса.

Рукоби́тье — предсвадебное пиршество в доме невесты.

Рушни́к — пряжа на веретене, единица измерения напряденного.

Смоля́к — кустарь, занимающийся производством смолы, дегтя и пр.

Сорожня́к — плотва.

Сро́дники — родственники.

Стена́ — берег водоема.

Стол — одно из пиршеств, на которые распадается весь свадебный период (стол — своеобразная единица измерения).

Столе́шник — скатерть.

Су́прядки — коллективная помощь женщин в прядении кудели, разновидность помочи.

Сэ́столько — столько.

Трюбо́рка — верхняя женская одежда, жакет.

Уда́р — удар грома.

Ужахну́ться — ужаснуться, испугаться.

Упря́жка — проезд на лошадях от кормежки до кормежки (25 км).

Ургу́чить — работать (о тяжелой, изнурительной работе).

Холодни́к — демисезонная верхняя одежда, женское пальто.

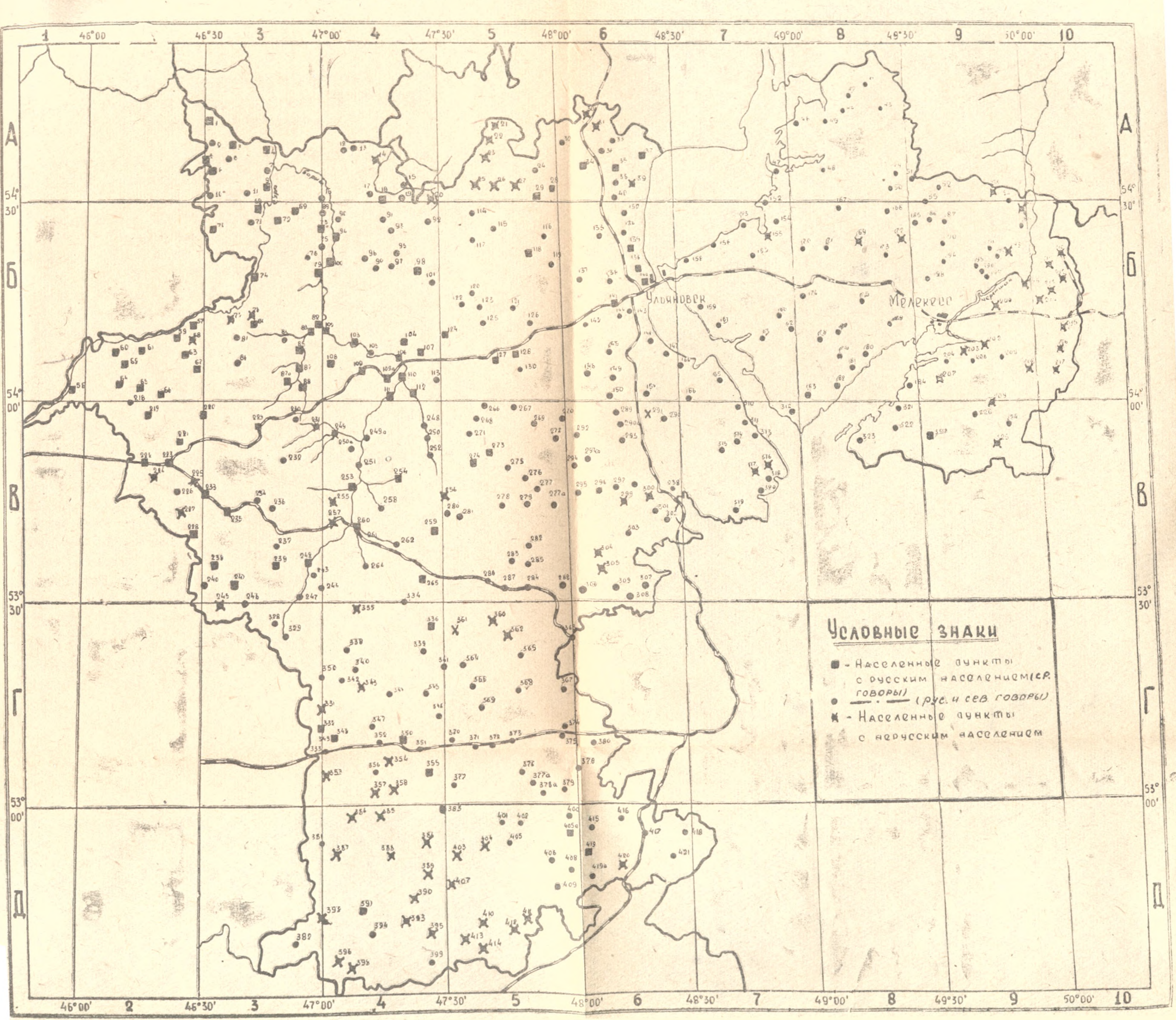
Чехо́л — головной убор замужней женщины.

Шевыро́к — швырок, короткие дрова.

Шиш — сооружение из жердей для просушки снопов над огнем.

Щерба́ — уха.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА
Ульяновской области

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
к лингвистической карте Ульяновской области
(с указанием наречия)*

1. Ждамирово ср., А 3; 2. Чирково рус., А 3; 3. Елховка ср., А 3; 4. Сара ср., А 3; 5. Сыреси ср., А 3; 6. Шеевщино рус., А 3; 7. Барышская Слобода сев., А 3; 8. Княжуха ср., А 3; 9. Полянки ср., А 3; 10. Барашево рус., А 3; 11. Студенец рус., А 3; 12. Малый Кувай рус., А 4; 13. Большой Кувай рус., А 4; 14. Помаево мордва, А 4; 15. Шатрашаны рус., А 4; 16. Малый Барышек рус., А 4; 17. Астрадамовка рус., А 4; 18. Чеботаево ср., А 4; 19. Архангельское рус., А 4; 20. Новые Маклауши татары, рус., А 4; 21. Новые Алгаши чуваши, А 5; 22. Старые Алгаши чуваши, А 5; 23. Богдашкино чуваши, А 5; 24. Малое Нагаткино сев., А 5; 25. Верхние Тимерсяны чуваши, А 5; 26. Средние Тимерсяны чуваши, А 5; 27. Нижние Тимерсяны чуваши, А 5; 28. Большое Нагаткино ср., А 5; 29. Норовка ср., А 5; 30. Кундюковка чуваши, А 6; 31. Елховое Озеро татары, А 6; 32. Мокрая Бугурна сев., А 6; 33. Васильевка сев., А 6; 34. Покровское ср., А 6; 35. Телешовка ср., А 6; 36. Кашинка рус., А 6; 37. Ундоры ср., А 6; 38. Старое Алейкино рус., А 6; 39. Вышки мордва, А 6; 40. Шумовка рус., А 6; 41. Грибовка сев., А 8; 42. Матвеевка сев., А 8; 43. Русский Юрткуль сев., А 8; 44. Кокрять рус., А 8; 45. Жедяевка сев., А 8; 46. Волостниковка сев., А 8; 47. Старая Майна сев., А 7; 48. Красная Река рус., А 8; 49. Лесное Никольское сев., А 8; 50. Большая Кандала сев., А 8; 51. Ст.-Рождественское сев., А 9; 52. Лесная Хмелевка сев., А 9; 53. Аппаково чуваши, А 9; 54. Новое Рождествено сев., А 9; 55. Степное Васильевское сев., А 9; 56. Сурский Острог ср., Б 1; 57. Новосурское ср., Б 2; 58. Дракино татары,

* Примечание. Номера списка соответствуют номерам на карте, далее следует название пункта, сокращенное обозначение говора и координат по карте.

Б 2; 59. Коржевка ср., Б 2; 60. Тияпино ср., Б 2; 61. Большое Шуватово ср., Б 2; 62. Пятино ср., Б 2; 63. Проломиха ср., Б 2; 64. Аксаур ср., Б 2; 65. Валгуссы ср., Б2; 66. Палатово ср., Б 2; 67. Чамзинка ср., Б 2; 68. Сурское ср., Б 3; 69. Лава ср., Б 3; 70. Гулюшево ср., Б 3; 71. Черненово рус., Б 3; 72. Белый Ключ ср., Б 3; 73. Большая Кандарать ср., Б 3; 74. Кадышево ср., Б 3; 75. Вальдиватское сев., Б 3; 76. Потьма рус., Б 3; 77. Беловодье мордва, Б 3; 78. Татарские Горенки татары, Б 3; 79. Поселки ср., Б 3; 80. Русские Горенки ср., Б 3; 81. Сухой Карсун сев., Б 3; 82. Карсун ср., Б 3; 83. Красполка ср., Б 3; 84. Новое Погорелово рус., Б 3; 85. Старое Погорелово ср., Б 3; 86. Сосновка сев., Б 3; 87. Бекетовка ср., Б 3; 87а. Зимненки ср., Б 3; 88. Ермоловка ср., Б 3; 89. Выползово рус., Б 4; 90. Никитино рус., Б 4; 91. Кезьмино рус., Б 4; 92. Старые Маклауши сев., Б 4; 93. Ружевщино рус., Б 4; 94. Усть-Урень ср., Б 4; 95. Теньковка сев., Б 4; 96. Белозерье сев., Б 4; 97. Базарный Урень сев., Б 4; 98. Языково ср., Б 4; 99. Урено-Карлинское сев., Б 4; 100. Малое Станичное ср., Б 4; 101. Прислониха рус., Б 4; 102. Таволжанка ср., Б 4; 103. Белый Ключ ср., Б 4; 104 Криуши ср., Б 4; 105. Ховрино сев., Б 4; 106. Чуфарово ср., Б 4; 107. Анненково ср., Б 4; 108. Вешкайма ср., Б 4; 109. Вешкайма (ст.) ср., Б 4; 109а. Юндовка ср., Б 4; 110. Березовка ср., Б 4; 111. Красный Бор ср., Б 4; 112. Канабеевка ср., Б 4; 113. Репьевка-Колхозная сев., Б 4; 114. Хохловка рус., Б 5; 115. Новое Никулино рус., Б 5; 116. Пилюгино рус., Б 5; 117. Старое Никулино рус., Б 5; 118. Степное Анненково ср., Б 5; 119. Загудаевка рус., Б 5; 120. Тагай рус., Б 5; 121. Уржумское сев., Б 5; 122. Подлесное сев., Б 5; 123. Копышевка рус., Б 5; 124. Аксаково ср., Б 5; 125. Абрамовка сев., Б 5; 126. Выры рус., Б 5; 127. Майна ср., Б 5; 128. Томбы ср., Б 5; 129. Ртищево-Каменское сев., Б 5; 130. Вязовка сев., Б 5; 131. Репьевка-Косьминская рус., Б 5; 132. Полдомасово рус., Б 6; 133. Новый Урень рус., Б 6; 134. Ишеевка сев., Б 6; 135. Подгородная Каменка ср., Б 6; 136. Сельдь ср., Б 6; 137. Тетюшское рус., Б 6; 138. Кротовка рус., Б 6; 140. Конно-Подгородная ср., Б 6; 141. Вырыпаевка ср., Б 6; 142. Ивановка сев., Б 6; 143. Белый Ключ рус., Б 6; 144. Грязнуха рус., Б 6; 145. Большие Ключищи ср., Б 6; 146. Кременки рус., Б 6; 147. Панская Слобода сев., Б 6; 148. Елшанка рус., Б 6; 149. Поникий Ключ рус., Б 6; 150. Солдатская Ташла сев., Б 6; 151. Красный Гуляй рус., Б 6; 152. Кременки сев., Б 7; 153. Юрманки сев., Б 7; 154. Дмитриево-Помряскино сев., Б 7; 155. Енганаево татары, Б 7; 156. Архангельское сев., Б 7; 157. Чердаклы сев., Б 7; 158. Юрьевка сев., Б 7; 159. Красный Яр сев., Б 7; 160. Поповка татары, Б 7; 161. Крестово-Городище сев., Б 7; 162. Татарский Калмаюр татары, Б 7; 163. Андреевка сев., Б 7; 164. Криуши сев. Б 7; 165. Шиловка сев., Б 7; 166. Тушна сев.,

Б 7; 167. Новиковка сев., Б 8; 168. Малая Кандала сев., Б 8; 169. Татарское Урайкино татары, Б 8; 170. Петровское рус., Б 8; 171. Богдашкино рус., Б 8; 172. Абдулово татары, Б 8; 173. Бряндино сев., Б 8; 174. Малаевка сев., Б 8; 175. Старое Еремкино сев., Б 8; 176. Вязовка сев., Б 8; 177. Озерки сев., Б 8; 178. Любовка сев., Б 8; 179. Борковка сев., Б 8; 180. Мулловка сев., Б 8; 181. Ерыклинск сев., Б 8; 182. Никольское-на-Черемшане сев. Б 8; 183. Суходол ср., Б 8; 184. Грязнуха сев., Б 8; 185. Кудряшовка сев., Б 9; 186. Тинарка сев., Б 9; 187. Лесная Васильевка сев., Б 9; 188. Боровка татары, Б 9; 189. Старая Сахча сев., тат., Б 9; 190. Тиинск сев., Б 9; 191. Терентьевка сев., Б 9; 192. Новая Подбелка сев., Б 9; 193. Старый Письмирь чуваши, Б 9; 194. Слобода-Выходцево сев., Б 9; 195. Юданово сев., Б 9; 196. Некрасов сев., Б 9; 197 Бригадировка сев., Б 9; 198. Русский Мелекесс сев., Б 9; 199. Старая Бесовка мордва, Б 9; 200. Старая Малыкла мордва, Б 9; 201. Новая Малыкла чуваши, Б 9; 202. Средняя Якушка чуваши, Б 9; 203. Сабакаево татары, Б 9; 204. Лебяжье сев., Б 9; 205. Верхняя Якушка сев., Б 9; 206. Новая Майна сев., чув., Б 9; 207. Аллагулово татары, Б 9; 208. Елховый Куст татары, Б 9; 209. Филипповка татары, Б 9; 210. Старый Салаван чув., тат., морд., Б 10; 211. Старый Сантимир татары, Б 10; 212. Старая Тюгальбуга татары, Б 10; 213. Средний Сантимир татары, Б 10; 214. Александровка мордва, Б 10; 215. Эчкаюн татары, Б 10; 216. Новая Бесовка мордва, Б 10; 217. Высокий Колок мордва, Б 10; 218. Городище рус., В 2; 219. Аргаш ср., В 2; 220. Юлово ср., В 2; 221. Труслейка ср., В 2; 222. Забалуйка ср., В 2; 223. Инза ср., В 2; 224. Оськино мордва, В 2; 225. Сюксюм мордва, В 2; 226. Репьевка рус., В 2; 227. Новые Домосердки мордва, В 2; 228. Большая Борисовка ср., В 2; 229. Глотовка ср., В 3; 230. Шарлово ср., сев., В 3; 231. Мордово-Белый Ключ мордва, В 3; 232. Красная Сосна сев., В 3; 233. Большие Озимки ср., В 3; 234. Базарный Сызган сев., В 3; 235. Должниково ср., В 3; 236. Ждамеркино рус., В 3; 237. Юрловка сев., В 3; 238. Аристовка ср., В 3; 239. Павловка ср., В 3; 240. Чаадаевка сев., В 3; 241. Папузы ср., В 3; 242. Жадовка ср., В 3; 243. Ленинский рус., В 3; 244. Румянцево рус., В 3; 245. Годяйкино мордва, В 3; 246. Вороновка сев., В 3; 247. Воецкое сев., В 3; 248. Стемасс сев., В 4; 249. Каргино чуваши, В 4; 249а. Мухино сев., В 4; 250. Араповка сев., В 4; 250а. Нижняя Туарма сев., В 4; 251. Барышская Дурасовка сев., В 4; 252. Беклемишево сев., В 4; 253. Новый Дол ср., В 4; 254. Ляховка ср., В 4; 255. Малая Хомутерь чуваши, В 4; 256. Калда татары, В 4; 257. Чувашская Решетка чуваши, В 4; 258. Измайлово юж., В 4; 259. Акшуат ср., В 4; 260. Барыш ср., В 4; 261. Акчуринский рус., В 4; 262. Водорацк сев., В 4; 263. Красная Зорька рус., В 4; 264. Конновка рус., В 4; 265. Русская Темрязань

ср., В 4; 266. Сосновка сев., В 5; 267. Карлинское сев., В 5; 268. Игнатовка сев., В 5; 269. Степное Матюнино рус., В 5; 270. Лукино рус., В 5; 271. Поповка сев., В 5; 272. Спешневка рус., В 5; 273. Загоскино ср., В 5; 274. Белолебяжье Озеро ср., В 5; 275. Чертановка сев., В 5; 276. Хвостиха сев., В 5; 277. Новая Ерыкла сев., В 5; 278. Смышляевка сев., В 5; 279. Чириково сев., В 5; 279а. Старая Ерыкла сев., В 5; 280. Старо-Тимошкино ср., тат., В 5; 281. Бештановка сев., В 5; 282. Уваровка сев., В 5; 283. Баевка сев., В 5; 284. Волынщино сев., В 5; 285. Коромысловка сев., В 5; 286. Первое Кузоватово рус., В 5; 287. Второе Кузоватово сев., морд., В 5; 288. Безводовка сев., В 5; 289. Скугареевка сев., В 6; 290. Артюшкино сев., чув., В 6; 290а. Подкуровка сев., В 6; 291. Смородино эстонцы, В 6; 292. Суровка сев., В 6; 293. Ясашная Ташла сев., В 6: 294. Зеленец сев., В 6; 294а. Риновка сев., В 6; 295. Красноборск сев., В 6; 296. Назайкино сев., В 6; 297. Федькино сев., чув., В 6; 298. Молвино сев., В 6; 299. Тумкино мордва, В 6; 300. Байдулино чуваши, В 6; 301. Тереньга сев., В 6; 302. Языково юж., В 6; 303. Гладчиха сев., В 6; 304. Сосновка мордва, В 6; 305. Белогорское мордва, В 6; 306. Большая Борла сев., В 6; 307. Горюшка сев., В 6; 308. Михайловка сев., В 6; 309. Елшанка сев., В 6; 310. Цем. завод сев., чув., В 7; 311. Сенгилей сев., В 7; 312. Белый Яр сев., В 7; 313. Буераки сев., В 7; 314. Новая Слобода сев., В 7; 315. Каранино сев., В 7; 316. Вырыстайкино чуваши, В 7; 317. Елаур чуваши, В 7: 318. Мордово сев., В 7; 319. Бекетовка сев., В 7; 320. Русская Бектяшка сев., В 7; 321. Рязаново сев., В 8; 322. Александровка сев., В 8; 323. Чувашский Сускан чуваши, В 8; 324. Кудряшовка сев., В 9; 325. Совхоз им. Крупской сев., В 9; 326. Мордово-Озеро татары, В 9; 327. Вишенка ср., В 9; 328. Красная Поляна рус., Г 3; 329. Русское Тимошкино сев., Г 3; 330. Эзекеево чуваши, Г 3; 331. Ахметлей татары, Г 3; 332. Рызлей ср., Г 3; 333. Курмаевка рус., Г 3; 334. Осока сев., Г 4; 335. Живайкино чув., морд., Г 4; 336. Лесное Матюнино ср., Г 4; 337. Загарино рус., Г 4; 338. Новая Бекшанка рус., Г 4; 339. Жедрино сев., Г 4; 340. Кочкарлей сев., чув., Г 4; 341. Канасаево рус., Г 4; 342. Поспеловка сев., Г 4; 343. Татарский Сайман татары, Г 4; 344. Топорнино сев., Г 4; 345. Головино сев., Г 4; 346. Тепловка сев., Г 4; 347. Поника сев., Г 4; 348. Никулино ср., Г 4; 349. Б. Чурклей татары, Г 4; 350. Вязовой ср., Г 4; 351. Прасковьино сев., Г 4; 352. Николаевка ср., сев., Г 4; 353. Голодяевка мордва, Г 4; 354. Баевка мордва, Г 4; 355. Куроедовка ср. Г 4; 356. Давыдовка мордва, Г 4; 357. Барановка мордва, Г 4; 358. Телятниково мордва, Г 4; 359. Томылово мордва, Г 5; 360. Кивать мордва, Г 5; 361. Красная Балтия латыши, Г 5; 362. Еделево мордва, Г 5; 363. Студенец сев., Г 5; 364. Шемурша

сев., Г 5; 365. Никольское сев., Г 5; 366. Троицкий Сунгур сев., Г 5; 367. Алакаевка сев., ср., Г 5; 368. Самайкино сев., Г 5; 369. Монастырский Сунгур сев., Г 5; 370. Канадей сев., Г 5; 371. Свирино рус., Г 5; 372. Голодяевка сев., Г 5; 373. Ново-Спасское сев., Г 5; 374. Коптевка сев., Г 5; 375. Новое Томышево сев., Г 5; 376 Суруловка сев., Г 5; 377. Новая Лава юж. Г 5; 377а. Языково сев., Г 5; 378. Верхнее Чурино юж. Г 5; 378а. Юрьевка сев., Г 5; 379. Сызранский сев., Г 5; 380. Репьевка сев., Г 6; 381. Старое Чирково сев., Д 3; 382. Баклуши сев., Д 3; 383. Сухая Терешка ср., Д 4; 384. Андреевка мордва, Д 4; 385. Славкино мордва, Д 4; 386. Верхняя Терешка татары, Д 4; 387. Старый Пичеур ср., морд., Д 4; 388. Холстовка мордва, Д 4; 389. Кармалей татары, Д 4; 390. Старый Атлаш татары, Д 4; 391. Безобразовка ср., Д 4; 392. Татарский Шмалак татары, Д 4; 393. Мосеевка татары, Д 4; 394. Павловка сев., Д 4; 395. Старый Мостяк татары, Д 4; 396. Шалкино мордва, Д 4; 397. Шаховское сев., Д 4; 398. Илюшкино мордва, Д 4; 399. Шиковка рус., Д 4; 400. Верхняя Маза сев., Д 5; 401. Дмитриевка сев., Д 5; 402. Соловчиха сев., Д 5; 403. Средняя Терешка татары, Д 5; 404. Кирюшкино татары, Д 5; 405. Адоевщино сев., Д 5; 405а. Н. Маза ср., Д 5; 406. Радищево сев., Д 5; 407. Старая Яндовка татары, Д 5; 408. Новая Дмитриевка сев., Д 5; 409. Старозеленое тат., чув., Д 5; 410. Старая Кулатка татары, Д 5; 411. Бахтеевка татары, Д 5; 412. Чувашская Кулатка чуваши, Д 5; 413. Новые Зимницы татары, Д 5; 414. Новая Кулатка татары Д 5; 415. Софьино сев., Д 6; 416. Ореховка сев., ср., Д 6; 417. Рябина ср., морд., Д 6; 418. Паншина сев., Д 6; 419. Урусовка ср., Д 6; 419 а. Н. Никольское сев., Д 6; 420. Мордовская Каратужа мордва, Д 6; 421. Вязовка сев., Д 6; 422. Березовка рус., Б 6.

Список условных сокращений: ср. — среднерусский говор; сев. — севернорусский говор; юж. — южнорусский говор; рус. — русское население (говор не установлен).

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	10 сверху	слово	слова
25	3 снизу	„Насекомое“	„насекомое“
27	4 сверху	каýчук	каучýк
31	9 сверху	но	на
31	13 снизу	так же	также
88	17 сверху	Патапа	Потапа
135	5 снизу	Енейда	Энеида
143	10 снизу	опосредственное	опосредствованное
144	8 сверху	статистическими	статическими

ЗМ02333. Заказ 3985. Тираж 500 экз.
Формат 60×92/16. Объем 14 печ. л.
Подписано к печати 6/VII 1963 г.
Цена 64 коп.

г. Ульяновск, тип. облуправления
культуры.

64 коп.